

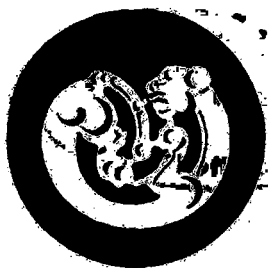
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

159

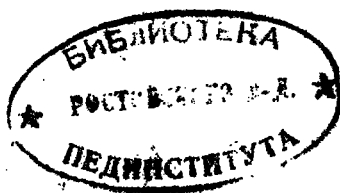
АНТИЧНЫЙ МИР
И ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзакя (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Круеликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*,
В. В. Семенов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

Д. Б. ШЕЛОВ

ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
В РАННЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Выплавка и обработка железа, изготовление железных орудий, оружия, утвари были одной из ведущих отраслей ремесленного производства во всем античном мире и в частности в античных центрах Северного Причерноморья. Но именно об этой отрасли ремесла мы знаем до сих пор особенно мало. Число открытых раскопками античных железоделательных комплексов очень невелико, и восстанавливать картину производства в этой области приходится главным образом по отдельным находкам криц, шлаков, инструментов.

Невозможно сомневаться в том, что выработка железных предметов существовала во всех античных городах Северного Причерноморья и во все эпохи. Ни одно поселение не могло обойтись без разнообразных сельскохозяйственных орудий и ремесленных инструментов, сделанных из железа. Железными были и важнейшие предметы защитного и наступательного вооружения — мечи, кинжалы, панцири, наконечники копий, детали щитов и пр. Много железных деталей требовало строительство: гвозди, скобы, пробой, накладки и т. п. изготавливались обычно из железа. Кораблестроение, изготовление повозок, создание военных машин также нуждались в железных деталях. Наконец, из железа выделялось множество бытовых и производственных предметов, употреблявшихся в повседневной жизни, — ножи, ножницы, крюки, цепи и многое другое¹.

В большинстве случаев сейчас невозможно сказать, какие из античных железных изделий были произведены на месте, а какие импортированы из других центров. Но нужно думать, что основная часть железных орудий, предметов вооружения и скобяных товаров изготавливалась обычно на месте. Зависимость от ввоза таких жизненно необходимых вещей вряд ли могла быть терпима в сколько-нибудь значительном центре. С другой стороны, производство большинства железных кованых изделий было настолько простым, доступным обычному кузнецу, что транспортировка их издалека не оправдывала себя. Кроме того, некоторые из железных изделий, например строительные детали, детали для кораблей, по своей функциональной сущности были «местными» и изготавливались иногда на заказ, с учетом нужных форм и габаритов. Это не исключает, конечно, возможности и импортной торговли железными изделиями², но вряд ли такая торговля касалась большинства обычных железных изделий.

Повсеместное существование производства железных орудий подтверждается обнаружением кузниц даже в небольших сельских поселениях

азиатского Боспора³. Косвенным свидетельством в пользу значительного развития железоделательного и кузнечного ремесел в античных городах Северного Причерноморья может служить и состояние этих отраслей производства у соседних народов — скифов и меотов, изученное довольно подробно⁴. Высокая степень развития черной металлургии и повсеместное ее распространение, изготовление железных и стальных орудий и оружия не только в крупных скифских центрах, представленных такими городами, как Бельское или Каменское, но и в небольших сельских поселениях, прослеживаются археологически⁵. Невозможно представить себе, чтобы в античных государствах Северного Причерноморья, тесно соприкасавшихся с варварскими племенами и вступающих с ними в различные экономические и военно-политические отношения, железоделательное производство было развито слабее, чем у этих племен. О повсеместном распространении черной металлургии и кузнечного дела говорят и отдельные находки остатков производства, орудий, шлаков, криц и пр.

При рассмотрении металлургического производства античных центров Северного Причерноморья встает важнейший вопрос о происхождении металлургического сырья. Железные руды встречаются во многих местах Северного Причерноморья, но до недавнего времени было распространено мнение, что они не могли быть использованы в древности из-за некоторых неблагоприятных физических свойств и что железная руда даже в боспорские города ввозилась либо из Малой Азии, либо из Криворожского рудного бассейна⁶. Ввоз железной руды из северных районов Малой Азии через Синопу и Амис теоретически может быть допустим, но все же маловероятен. Никаких реальных фактов, подтверждающих такой ввоз, нет. Северное побережье Малой Азии славилось в древности не столько качеством своей руды, сколько искусством местных металлургов — приморских халибов, добывавших руду, перерабатывавших ее на металл и изготовлявших из него разные изделия⁷. Поэтому естественно было бы ожидать, что отсюда в Северное Причерноморье поступала не руда, а готовое кричное железо или железные изделия. Но и этот импорт в северочерноморских центрах пока никак не засвидетельствован.

Что касается криворожской железной руды, то она, по-видимому, достаточно широко применялась скифскими металлургами Приднепровья⁸. Можно предполагать, что преимущественно ее использовали и в ольвийской металлургии⁹. Косвенным доводом в пользу этого предположения служит существование весьма развитых связей между Ольвией и населением бассейна Верхнего Ингульца, прослеживаемых по различному античному импорту в этом бассейне¹⁰. Очень показательно в этом отношении установленное В. Ф. Петрунем распространение в ольвийском районе зернотерок из аркозовых метапесчаников, добывавшихся в районе криворожских железорудных месторождений¹¹. Наконец, имеется прямое свидетельство — химический анализ одной из ольвийских криц, подтвердивший криворожское происхождение руды, из которой она была изготовлена¹².

Но вряд ли криворожская руда могла в большом количестве перевозиться в более восточные районы Северного Причерноморья, где имелись собственные запасы железных руд. Для Боспорского царства установлено использование с довольно раннего времени местной керченской руды¹³. Ее применение в боспорской металлургии предполагалось и раньше¹⁴, теперь оно подтверждено специальными анализами¹⁵. Правда, анализы шлаков из Пантикапея, доказавшие использование боспорскими металлургами местных железных руд, касаются образцов первых веков нашей эры, но поскольку куски этих шлаков найдены в мусорных слоях I в. н. э., можно утверждать, что эксплуатация керченских руд началась не позднее рубежа нашей эры. Гораздо более вероятно предположение, что боспорские металлурги разрабатывали керченские рудные месторождения еще в архаическую эпоху¹⁶. Пылевидный характер руды должен был за-

ставить боспорских ремесленников прибегнуть к ее предварительной обработке — брикетированию и обогащению известью¹⁷.

Для Херсонеса предполагается использование местных болотных руд Гераклейского полуострова и бурых железняков-лимонитов из окрестностей Балаклавы¹⁸.

Поскольку железорудные выработки античного времени в Северном Причерноморье никогда не исследовались¹⁹, пока невозможно сказать что-нибудь определенное о процессе добычи железной руды. Нужно думать, что эта добыча осуществлялась примерно теми же способами, которые практиковались в культурно близкой Фракии. Горнодобывающее дело древней Фракии довольно подробно изучено болгарскими историками техники и, видимо, может служить моделью для реконструкции этого производства в прилегающих районах периферии античного мира²⁰.

Наиболее ранним археологическим комплексом, относящимся к железоделательному производству в Северном Причерноморье, являются остатки производственных сооружений на Березани, открытые в 1960 г. Два небольших соединяющихся между собой бассейна, датируемых последней четвертью VII — первой половиной VI в. до н. э., предназначались, по мнению раскопавшего их В. В. Лапина, для первичной обработки железной руды²¹. Обработка могла заключаться в промывке руды с целью ее обогащения: операция эта упоминалась античными авторами, писавшими о добыче и обработке железа²². Аналогичные комплексы несколько более позднего времени были открыты на Березани позднее²³. В таких комплексах найдены большие куски железного шлака, древесный уголь, железные крицы, что несомненно свидетельствует о существовании ремесленного производства железа в античном поселении на Березани уже в начальный период его жизни²⁴.

Архаическому времени принадлежат и остатки железоделательного производства в недавно открытом античном поселении VI — начала V в. до н. э. на берегу Ягорлыцкого залива. Здесь помимо железных изделий, шлаков, древесного угля обнаружены и остатки железоплавильных печей-домниц²⁵. Очень интересен вывод исследователя этого памятника А. С. Островерхова, что выработка железных изделий на Ягорлыцком поселении была рассчитана на сбыт этой продукции соседним скифским племенам²⁶, хотя строгие доказательства этого предположения пока вряд ли могут быть приведены.

Остатки металлургического и кузнечного производства архаического времени обнаружены и в Пантикапее. В развалинах домов конца VI — начала V в. до н. э. там обнаружены не только комки железной руды, шлаки, но и заготовки для выделки железных орудий, в виде полос железа, и готовые изделия — железные чешуйки панцирей, части копий и пр. На том же участке были найдены остатки бронзолитейного производства: формы для отливки подвесок, бляшек, бус, куски медных шлаков, льячка, тигидек, не законченные производством бронзовые наконечники стрел и пр. Наконец, здесь же находились костяные заготовки для ручек ножей и орудий, а также остатки отремонтированных свинцовыми скрепами глиняных сосудов²⁷.

Обращает на себя внимание смешение в одних комплексах разных видов производства: в одной мастерской проходил весь процесс изготовления железных предметов — начиная с сыродутного добывания железа и кончая отделкой готовых изделий и снабжением их костяными рукоятками. Здесь же или в соседней мастерской производились литье и обработка бронзовых поделок и даже починка разбитой керамической посуды свинцовыми скрепами. Это свидетельствует о том, что железоделательное, литейное и кузнечное ремесла еще не были дифференцированы и боспорские металлурги раннего времени занимались всеми видами работ, связанных с добыванием и обработкой металлов²⁸. На Ягорлыцком поселении остатки железоделательного и кузнечного ремесел также соседствуют со

следами изготовления изделий из цветных металлов — наконечников стрел, булавок, украшений и пр.²⁹ Такое же отсутствие специализации обнаруживают и материалы несколько более позднего металлургического комплекса скифов с Каменского городища на Днепре³⁰. Поэтому вызывает возражение правомерность определения пантикапейского комплекса — как мастерской оружейника или одного из каменных мастеров — как костореза-ножовщика³¹. Такие дефиниции были бы более оправданы в применении к более развитому ремеслу эллинистического и римского времени, когда узкая специализация ремесленников-металлистов, особенно оружейников, хорошо засвидетельствована очень развитой терминологией. Следует, однако, заметить, что такая специализация далеко не всегда и не везде имела место и, видимо, до конца античной эпохи могли существовать кузнечно-литейные мастерские смешанного характера³².

Для характеристики металлургии железа в античных государствах Северного Причерноморья мы располагаем крайне ограниченными данными. Железодельные комплексы сколько-нибудь хорошей сохранности до сих пор не обнаружены. А отдельные находки железных предметов — орудий, оружия, бытовых изделий — не привлекли к себе внимания специалистов и не стали объектами технологического исследования, без которого ныне невозможны проникновение в суть древних металлургических процессов и познание древних методов металлообработки. Довольно большая работа по изучению древних железных изделий, проделанная за последнее время археологической наукой³³, почти не коснулась античного металла и совсем не затронула металлических предметов из городов Северного Причерноморья³⁴. Поэтому представление о железодельном ремесле в этих городах может базироваться главным образом на некоторых косвенных соображениях и аналогиях.

Железо в Северном Причерноморье, как и во всем античном мире, получали путем непосредственного восстановления из руды в сыродутных печах, в которые руду закладывали после предварительной обработки — дробления, промывки, просушки. Устройство древних сыродутных печей достаточно хорошо известно — правда, не по памятникам античного Причерноморья, а по материалам из других районов³⁵. В недавнее время в разных странах производилось научное моделирование сыродутного способа производства железа³⁶, и были получены очень интересные данные для понимания технологических процессов в древней металлургии.

В античных городах Северного Причерноморья пока не найдено ни одной бесспорной сыродутной печи. Можно предполагать, что именно домницами были две печи первых веков нашей эры, открытые при раскопках Тире в 1949—1950 гг. Автор раскопок Л. Д. Дмитриев считал их кузнечными горнами, предназначенными для разогревания железных заготовок³⁷, но, вероятно, прав Л. Д. Фомин, видящий в них скорее печи для выплавки железа³⁸. Дополнительным аргументом в пользу этого мнения может быть сравнение открытых в Тире сооружений с очень близкими им домницами металлургического центра середины I тысячелетия н. э. у г. Гайворон³⁹. Но даже если горы из Тире были действительно железоплавильными печами, они относятся к гораздо более поздней эпохе и не могут безоговорочно привлекаться для характеристики металлургии архаического времени.

Остатки домницы открыты на упомянутом Ягорлыцком поселении VI — начала V в. до н. э. К сожалению, памятник еще не опубликован. Известно только, что это была небольшая круглая в плане сырцовая печь высотой 0,7—1,0 м с подом, выложенным битой керамикой. По расчетам исследователей, такая домница могла вместить в одну загрузку до 25 кг руды, и получавшиеся в ней крицы должны были иметь вес от 2 до 5 кг⁴⁰. Этой норме соответствуют крицы античного времени, найденные в Ольвии и Херсонесе⁴¹. Довольно близки по своим размерам и по весу крицы

остатки железоделательных печей античного времени, обнаруженные в разных районах Скифии⁴².

Для получения железа сыродутным способом помимо руды требовался еще древесный уголь, который специально выжигали из дерева различных пород. При этом необходимое количество угля в несколько раз превосходило количество используемой руды. Поэтому железоделательное производство должно было иметь и сырьевую базу в виде лесных массивов. Детальное исследование, проведенное Н. И. Сокольским, показало, что окрестности всех крупных античных городов Северного Причерноморья были достаточно богаты лесом разных пород и что ресурсы древесины в этих районах были весьма значительны⁴³. Таким образом, металлургическое производство было полностью обеспечено необходимым древесным углем. Для облегчения шлакообразования в сыродутных печах использовались флюсы, в качестве которых применялись известняки, в изобилии имевшиеся повсюду в Северном Причерноморье⁴⁴.

При сыродутном процессе металл получали в виде криц, вернее в виде кусков губчатого железа, которые затем превращали в крицы при помощи повторных нагреваний и проковок⁴⁵. Эти дополнительные операции были нужны для уплотнения металла и избавления от остатков шлака. Только после проковок крицы становились исходным сырьем для дальнейшей металлообработки, которая была уже делом кузнецов. Но мы видели, впрочем, что в раннеантичное время, да часто и позднее, организационно железоделательное и кузнечное ремесла не были разделены и получение железа и его дальнейшая обработка происходили в одних и тех же производственных предприятиях.

¹ Общий очерк об использовании железа греками см.: *Pleiner R. Iron Working in Ancient Greece. Praha, 1969.*

² См., например: *Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1974, с. 188.*

³ *Блаватский В. Д. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э. — СА, XXIX-XXX, 1959, с. 50.*

⁴ *Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. — КСИИМК, XXII, 1948, с. 42 сл.; он же. Каменское городище на Днепре. М., 1954, с. 115 сл.; Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 66; Шрамко Б. А. Новые данные о добыче железа в Скифии. — КСИА, 91, 1962, с. 72 сл.; он же. Появление и освоение железа в Восточной Европе. — В кн.: Из истории борьбы КПСС за построение социализма, IV. Харьков, 1965, с. 219 сл.; он же. Орудия скифской эпохи для обработки железа. — СА, 1969, № 3, с. 53 сл.; Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фокин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. — СА, 1963, № 4, с. 36 сл.; он же. Новые исследования техники обработки железа в Скифии. — СА, 1971, № 4, с. 140 сл.; он же. Техника изготовления скифской наступальной зброї із заліза і сталі. — Археологія, XXIII, 1970, с. 40 сл.*

⁵ *Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло..., с. 42, 43.*

⁶ *Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948, с. 61; Калустов Д. П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 229; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. — Л., 1949, с. 116, 117; Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М. — Л., 1956, с. 162; Gaidukevič V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin, 1971, S. 129, 130.*

⁷ *Aeschyl. Prometh., 714; Xenoph. Anab., V, 5, 1; Ps.-Aristot. De mirab. auscult., 48; Apoll. Rhod., II, 373, 1005—1008; Dionys. Perieg., 768—771; Verg. Georg., I, 58; Schol. Lycophr., 1108—1109; Amm. Marc., XXII, 8, 21; Val. Flacc. Argon., IV, 610—612. См.: Beck L. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung, I. Braunschweig, 1884, S. 263 f.*

⁸ *Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло..., с. 41, 42; он же. Каменское городище..., с. 115.*

⁹ *Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло..., с. 47; он же. Каменское городище..., с. 125.*

¹⁰ *Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. — САИ, вып. Д1-27, 1964; она же. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. — САИ, вып. Д1-27, 1970.*

¹¹ *Петрунь В. Ф. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья. — КСОГАМ за 1963 г., 1965, с. 126—128.*

¹² *Острроверхов А. С. О железоделательном производстве античных центров Днепровского и Бугского лиманов. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 133.*

- ¹⁵ О керченских железных рудах см.: Железорудная база черной металлургии СССР. М., 1967; Керченский железорудный бассейн. М., 1967.
- ¹⁴ Граков Б. Н. Литейное и кузнечное ремесло..., с. 41; Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, с. 172, 173.
- ¹⁵ Круг О. Ю., Рындына Н. В. К вопросу о железной металлургии Пантикапея.— МИА, № 103, 1962, с. 254 сл.
- ¹⁶ Марченко И. Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее.— СА, 1971, № 2, с. 151.
- ¹⁷ Круг О. Ю., Рындына Н. В. К вопросу о железной металлургии..., с. 258.
- ¹⁸ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков, 1970, с. 28—30; он же. Херсонес Таврический в I в. до н. э.— III в. н. э. Автореф докт. дисс. М., 1975, с. 26.
- ¹⁹ В общих работах по истории металлургии перечисленные районы древнего добывания железных руд обычно даже не упоминаются. См., например: Кузин А. А. Добыча руд на территории СССР (до XVI в.).— Труды ИИЕТ, 33, 1960, с. 53 сл.
- ²⁰ Обзоры этих исследований см.: Велков В. Рудодобывание и минно дело в древней Тракия.— Годишник на националния политехнически музей, 2(1972), 1973, с. 23 сл.; Matzger H. Z problematyki badań nad starożytną i wczesnośredniowieczną metalurgią żelaza w Bułgarii.— Kwartalnik historii kultury materialnej, XXIV, 1976, 2, s. 295.
- ²¹ Лапин В. В. Археологические исследования на острове Березань в 1960 г.— КСОГУ и ОГАМ за 1960 г., 1961, с. 28; он же. Раскопки поселения на о. Березань в 1960 г.— КСИА АН УССР, 11, 1961, с. 47.
- ²² Ps.-Aristot. De mirab. auscult., 48.
- ²³ Лапин В. В. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г.— АИУ, 1, 1967, с. 148.
- ²⁴ Лапин В. В. Экономическая характеристика Березанского поселения.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 37; он же. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 137, 138.
- ²⁵ Островерхов А. С. О железоделательном производстве..., с. 132 сл.; он же. Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины, ч. I. Киев, 1976, с. 30, 31.
- ²⁶ Островерхов А. С. Ягорлыцкое поселение ремесленников.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов), ч. II. Киев, 1975, с. 19.
- ²⁷ Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.—Сообщения ГМИИ, IV, 1968, с. 32, 33; она же. Позднеархаическая мастерская оружейника..., с. 148 сл.
- ²⁸ Марченко И. Д. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг., с. 33.
- ²⁹ Островерхов А. С. Ягорлыцкое поселение ремесленников, с. 18, 19; он же. Древнегреческое поселение..., с. 31.
- ³⁰ Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 118 сл.; он же. Скифы. М., 1971, с. 48.
- ³¹ Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 127. Сам же Б. Н. Граков отмечает, что мастер этот был и кузнецом и литейщиком, изготовлял костяные рукоятки ножей и накладки луков и даже деревянные древки стрел.
- ³² Шмидт Р. В. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, 108, 1935, с. 288, 289; Штительман Ф. М. Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии.— КСИА АН УССР, 4, 1955, с. 63.
- ³³ Рындына Н. В. Металлография в археологии.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 119 сл.
- ³⁴ Исключение составляют только несколько железных предметов из Ольвии, Тиря и с Березани, хранившихся в ОГАМ и подвергнутых химическому анализу Л. Д. Фоминым (Фомин Л. Д. Техніка обробки заліза в Ольвії і Тірі.— Археологія, 13, 1974, с. 27—29). Но этих анализов недостаточно, чтобы строить на них какие-то выводы.
- ³⁵ Новейший общий очерк см.: Wielowiejski J. Górnictwo i metalurgia.— In: Kultura materialna starożytnej Grecji, I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1975, s. 148. См. также: Beck L. Die Geschichte des Eisens..., S. 374 f.; Blumner H. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunst bei Griechen und Römern, IV, 1. Leipzig, 1887, S. 205 f.; Forbes R. J. Metallurgy in Antiquity. Leiden, 1950, p. 388 sq.; idem. Studies in Ancient Technology, IX. Leiden, 1964, p. 185 sq.; Coghlan H. Notes on Prehistoric and Early Iron in the Old World. Oxford, 1956, p. 86 sq.; Aitchison L. A History of Metals, I. London, 1960, p. 199; Стоскова Н. Н. Появление железа и первые способы его получения.— Труды ИИЕТ, 33, 1960, с. 233 сл.
- ³⁶ Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965, с. 196 сл.
- ³⁷ Дмитров Л. Д. Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949—1950 рр.— АИ, V, 1955, с. 116, рис. 4. Ср.: Фурманська А. І. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери.— Археологія, X, 1957, с. 84, 85.
- ³⁸ Фомин Л. Д. Техніка обробки заліза..., с. 26, 27.
- ³⁹ Відзвіл В. І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н. е. на Південному Бузі.— Археологія, XV, 1963, с. 123 сл.
- ⁴⁰ Островерхов А. С. О железоделательном производстве..., с. 133.
- ⁴¹ Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса..., с. 30, примеч. 5.

- ⁴² Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 124; Брайчевская А. Т. Железоплавильный горн в Новой Покровке. — КСИА АН УССР, 6, 1956. с. 64 сл.; Шрамко В. А. Новые данные о добыче железа..., с. 72 сл.
- ⁴³ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло..., с. 14 сл.
- ⁴⁴ См.: Шрамко В. А. Новые данные о добыче железа..., с. 74, 77.
- ⁴⁵ Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование..., с. 209.

С. Д. КРЫЖИЦКИЙ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ОЛЬВИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В последнее время все больше стала ощущаться диспропорция в освещении отдельных периодов и проблем истории Ольвии, а также в изучении собственно города и его сельской округи. Это определило три основных направления работы Ольвийской экспедиции Института археологии АН УССР в 1972—1976 гг.¹

1. Проблема особенностей развития Ольвии — города и сельской округи — на ранних этапах возникновения и формирования государства.²

2. Изучение исторической топографии самой Ольвии. Исследования Б. В. Фармаковского, продолжателей его дела А. Н. Карасева, Е. И. Леви, Л. М. Славина и их сотрудников дали обильный материал, позволяющий достаточно широко и глубоко осветить важные стороны материальной и духовной культуры ольвиополитов, отдельные периоды истории Ольвии, в частности эллинистический. Однако полному использованию этих материалов, постановке ряда важных проблем экономики, выяснению состава и количества населения, поэтапного формирования города и т. д. все в большей степени начинает мешать ограниченность наших сведений о различных, до сего времени практически не изученных участках города, его социально-экономической и функциональной топографии.

3. Исследование сельской округи на всех этапах ее существования и в частности в VI в. до н. э. и в первые века нашей эры, т. е. в периоды, изученные в городе и его округе совершенно недостаточно.

Помимо трех основных тем, продолжалось изучение эллинистических слоев Центрального квартала в районе агоры и некрополя, в основном первых веков нашей эры.

В результате проведенных работ были получены новые данные, представляющие определенный интерес. В наибольшей степени это относится, в частности, к изучению ранних слоев Ольвии.

Длительное время считалось, что в Ольвии наиболее ранними массовыми жилищными домами являлись наземные сырцово-каменные постройки. Несмотря на то что со временем в результате раскопок античных поселений ольвийской округи выяснилось, что земляночные сооружения были наиболее ранним массовым типом жилища в этом районе³, на Ольвию этот вывод не распространился. Вопрос не был пересмотрен и с открытием в Верхнем городе Ольвии первых отдельных полуземлянок⁴, хотя и высказывалось вскользь предположение, что полуземлянки участка АГД могли служить временными жилищами греческих переселенцев⁵. Положение не изменилось и после раскрытия в ольвийском предместье полуземлянок, подавляющее большинство которых относится к V в. до н. э. (в основном к середине второй половины столетия)⁶. Достаточный для пересмотра этого вопроса материал получен в последние годы, когда на территории Верхнего города, вдоль Главной улицы, к северо-западу от теменоса (участок АГД, А. С. Русьева) и возле агоры (участок Цент-

ральный квартал, Н. А. Лейпунская), везде, где раскопки были доведены до материка, удалось открыть землянки и полуземлянки — всего около 40.

Для них типичны однокамерность (площадь 6—14 кв. м), более или менее четкая разбивка на местности и тщательность выполнения. Преобладали камеры прямоугольные (подтипы — четко вырезанные или закругленные углы), значительно реже встречались круглые (подтипы — относительно правильный или приближающийся к овалу круг). Апсидалный тип не обнаружен. Зависимость формы плана от функции или хронологической последовательности типов не наблюдается. В нескольких случаях открыты остатки сырцовых кладок от наземных частей полуземлянок. Учитывая углубленность камер — от 0,4—0,6 до 1,5—1,7 м от уровня дневной поверхности, мы приходим к выводу, что в объемном отношении эти сооружения также были двух типов — земляночного и полуземляночного.

В некоторых полуземлянках выявлены ступенчатые входы, вырезанные в материке, в остальных жители поднимались, очевидно, по приставным деревянным лестницам. В стенах камер часто устраивались ниши хозяйственного назначения, размеры и форма которых различны. Полы были глинобитными, иногда применялись растительные подстилки. Внутри камер в большинстве случаев сохранились остатки очагов или печей, а также невысокие, вырезанные в лёссе площадки прямоугольной или приближающейся к овалу формы длиной до 1,0—1,1 м, выполнявшие, очевидно, функции столов. Лежанки не обнаружены. Отдельный хозяйственно-жилой комплекс обычно ограничивался одной полуземлянкой без каких-либо дополнительных очагов или хозяйственных ям снаружи (за исключением нескольких случаев). На одну полуземлянку в центре города в среднем приходилось около 35—45 кв. м, что может косвенно свидетельствовать в пользу отсутствия выделенных изолированных дворов в комплексе полуземлянок.

Материал из заполнения землянок представлен обломками амфор в основном VI в. до н. э. из Хиоса, Самоса и других центров, а также родоско-ионийской, коринфской, клазоменской, самосской, хиосской, чернофигурной аттической посуды и сероглиняной керамики, очевидно местного производства. Процент лепной посуды незначителен. Наиболее поздний материал — чернофигурная ионийская керамика — не выходит за пределы конца VI — начала V в. до н. э. В целом время существования этих жилищ ограничивается серединой VI — началом V в. до н. э. Однако в рамках этого периода можно выделить два основных этапа: I — середина VI в. до н. э.; II — вторая половина VI в. до н. э. Землянки, датированные достаточно надежно серединой VI в. до н. э., немногочисленны — не более 10% общего количества. Таким образом, максимальный размах земляночного строительства в черте города падает на вторую половину VI в. до н. э.

В размещении полуземлянок наблюдается некоторая закономерность. Это проявляется в примерно одинаковой ориентировке большинства жилищ, находившихся в различных частях города, а также в упорядоченном размещении их вдоль Главной продольной улицы по одной прямой, с интервалами около 1,7—3,0 м (участок АГД).

Судя по сопровождающему материалу и расположению землянок рядом с культовым центром города, возникшим во второй половине VI в. до н. э., в них жили греческие переселенцы.

Раскопки последних лет показали, что относительно значительные углубления в материке в большинстве являются остатками полуземлянок. Это позволяет предположить, что некоторые из углублений в материке, выявленных еще Б. В. Фармаковским в районе цитадели и на центральной возвышенности⁷, судя по их размерам и форме, также можно считать остатками полуземлянок и хозяйственных ям. По сопровождающему материалу наиболее ранний слой здесь относится к первой половине

VI в. до н. э.⁸ Полуземлянками, по-видимому, могли быть углубления прямоугольной формы, выявленные в материке Б. В. Фармаковским в районе северных ворот города⁹. Расположение этих объектов на расстоянии всего лишь 50—60 м к северу от полуземлянок середины — второй половины VI в. до н. э. участка АГД позволяет отнести их возникновение примерно к тому же времени. Таким образом, практически почти вся территория Верхнего города Ольвии входила в зону массового полуземляночного домостроительства второй половины VI в. до н. э. Площадь жилой застройки в этом случае, за исключением территории теменоса, агоры и улиц, составляла 11—16 га (рис. 1).

Данные о строении новочерноморской террасы, полученные при изучении Нижнего города¹⁰, исключают возможность существования там полуземлянок. Вообще непеременный культурный слой старше V в. до н. э. в Нижнем городе пока не обнаружен¹¹. Если там и были в VI в. до н. э. какие-либо наземные постройки, то лишь немногочисленные и скорее всего связанные с лиманом, возможно, и с гаванью¹².

Таким образом, массовым жилищем в Ольвии были полуземлянки. Исходя из этого, население города во второй половине VI в. до н. э. могло достигать 6—10 тыс. человек. При всей относительной точности этих цифр они все же говорят о том, что Ольвия в то время была уже довольно значительным центром.

Все это с учетом материалов, полученных при исследовании архаических поселений ольвийской хоры, Березани и Нижнего Поднестровья, в частности Никония¹³, подтверждает мнение о том, что полуземлянки при паличии соответствующих грунтов закономерно составляли массовый и относительно долговременный тип городского (и сельского) дома греческих переселенцев в Северном и Северо-Западном Причерноморье¹⁴.

В VI — начале V в. до н. э. в Ольвии полуземлянки в пределах городской территории сменяются наземными сырцово-каменными жилыми домами, по-видимому, обычных для метрополии того времени типов.

Результаты раскопок Ольвии в последние годы позволяют наметить основные этапы развития города (рис. 2). Начало заселения относится к первой половине VI в. до н. э. (этап I), прежде всего осваивается южная половина Верхнего города¹⁵. На протяжении второй половины VI в. до н. э. (этап II) земляночная застройка охватывает почти всю территорию Верхнего города (исключение — участок II). С начала V в. до н. э. намечается переход к массовому наземному сырцово-каменному жилому строительству, осваивается территория Нижнего города. Почти параллельно с этим возникает земляночное предместье, максимальный размах застройки которого приходится на середину второй половины V в. до н. э., а прекращение жизни — на начало IV в. до н. э. (открыты землянки, хозяйственные постройки, определены примерные размеры предместья, в строительстве зафиксировано использование сырца)¹⁶.

В середине этапа III, примерно в конце V — начале IV в. до н. э., в строительстве города происходит определенный перелом. Качество строительных работ достигает наивысшего уровня за всю историю города, оформляются основные типы домов. Этот этап заканчивается в последней четверти IV в. до н. э. Эллинистический период в жизни города (этап IV) знаменуется большими перепланировками, размахом строительной деятельности. Территория города, однако, существенно не увеличивается, происходит лишь освоение незначительных дополнительных территорий (например, участка II), а также, по-видимому, террасной части.

Исследуя историческую топографию Ольвии экспедиция обратилась к раскопкам малоисследованных районов города (С. Д. Крыжицкий, С. Б. Буйских, А. И. Кудренко, С. Н. Мазарати, В. М. Отрешко). В северо-западном углу Ольвии, под остатками жилых домов III—II вв. до н. э. обнаружены следы выборов стен какого-то крупного сооружения. В перекрывающей засыпи найдена скульптура из известняка, изобража-

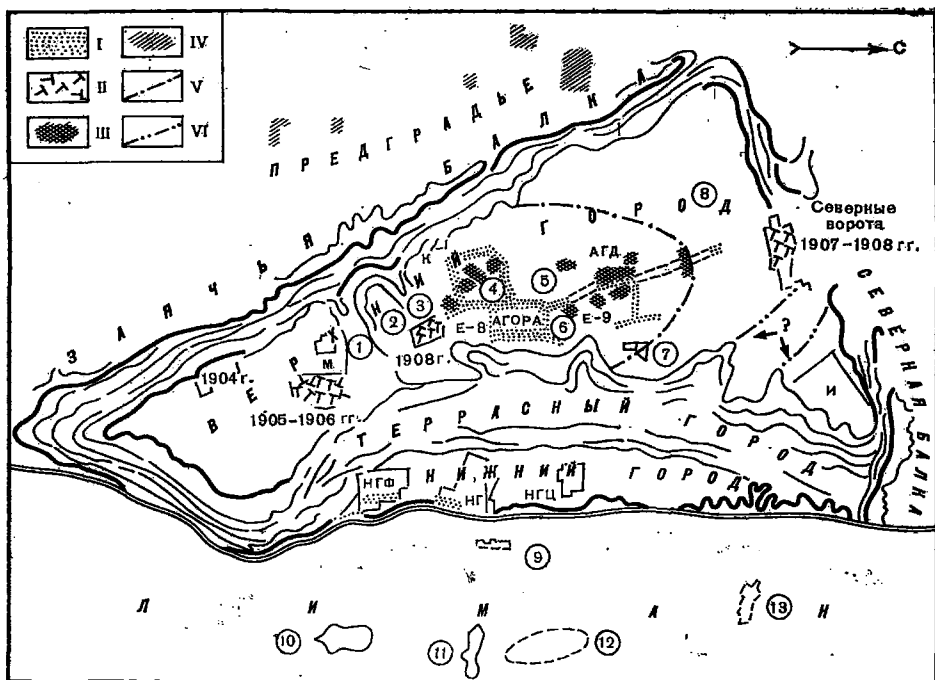

Рис. 1. План расположения открытых участков эллинистических улиц и архаических остатков

I — улицы догетского времени, территория агоры; II — раскопы Б. В. Фармаковского, где могли находиться полуземлянки; III — места, где раскрыты остатки землянок второй половины VI в. до н. э.; IV — предместье; V — северная граница города во второй половине VI в. до н. э. по прямым археологическим данным; VI — возможное положение северной границы города во второй половине VI в. до н. э.

1 — первая поперечная балка; 2 — центральная возвышенность (участок Р-19); 3 — вторая поперечная балка; 4 — центральный квартал; 5 — район здания суда; 6 — теменос; 7 — Зевсов курган; 8 — раскоп в северо-западной части Верхнего города; 9 — площадка; 10 — «пристань»; 11 — развал послегетской стены; 12 — амфорное поле, 13 — развал догетской стены

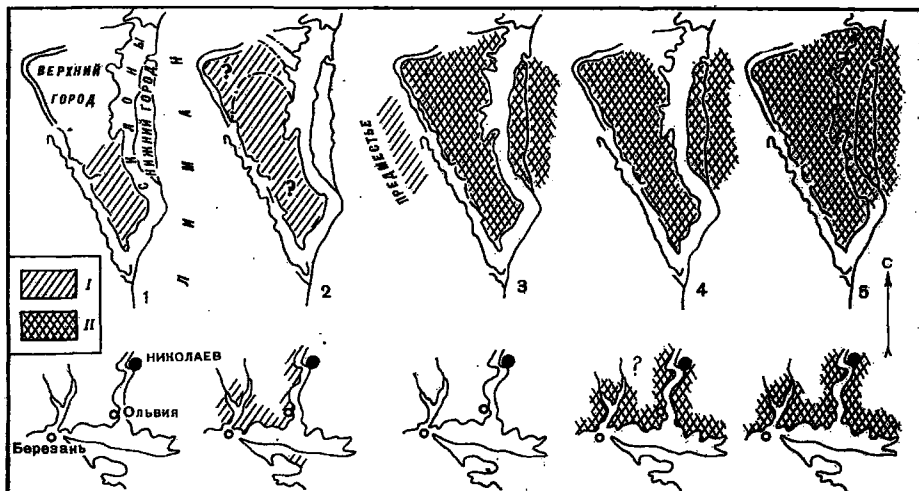

Рис. 2. Основные этапы развития Ольвии в догетское время и освоения прилегающей сельской округи

I — земляночное строительство; II — сырцово-каменное строительство; 1 — первая половина VI в. до н. э.; 2 — вторая половина VI в. до н. э.; 3 — V — начало IV в. до н. э.; 4 — IV в. до н. э.; 5 — конец IV—III в. до н. э.

ющая голову грифона, а также относительно большое количество фрагментов архитектурной терракоты (антефиксы, симы), части базы ионического ордера малоазиатского типа — деталей, несомненно принадлежавших ордерному зданию. Размещение подобного сооружения в наиболее отдаленной и относительно изолированной от центра части города не вполне обычно. Если допустить реальность легенды о гибели Скила (*Herod.*, IV, 78, 79), то упоминаемый дворец его мог располагаться скорее всего где-то в этом районе.

На центральной возвышенности Верхнего города в эллинистических слоях обнаружены остатки стилобатов ордерного здания нежилого назначения, что с учетом данных, полученных в других местах, свидетельствует об относительно большой насыщенности Верхнего города общественными зданиями. Есть также основания предполагать, что в послегетское время этот район был включен во внутреннюю застройку города не ранее II—III вв. н. э.

Новые сведения по исторической топографии были получены также в Центральном квартале и в затопленной части Нижнего города.

Появились дополнительные основания считать, что перед северными стенами Ольвии в первые века нашей эры размещались своеобразные хозяйственные разнопрофильные районы. В Верхнем городе это в основном остатки вымосток и стен хозяйственных построек (Центральный квартал), зернохранилище, винодельни. В Нижнем городе, помимо гончарных печей и складов, — примитивные жилища (участок НГЦ). В Верхнем городе, в отличие от Нижнего, хозяйственный район прекратил существование во II в. н. э., что по времени примерно совпадает с введением в Ольвию римского гарнизона и, очевидно, могло быть вызвано необходимостью устройства перед стенами цитадели ровной, ничем не застроенной территории.

В затопленной части Нижнего города исследован ряд объектов — в частности, руины северных оборонительных стен догетского и послегетского времени, так называемая пристань. Наиболее существенным представляются установление стратиграфии напластований в затопленной части, подтверждение ряда моментов реконструкции палеогеографических условий в районе Ольвии¹⁷, обнаружение под двумя наиболее массивными объектами неперемещенного культурного слоя, открытие остатков части оборонительного, по-видимому, комплекса в створе с послегетской стеной города. Полученные результаты позволяют высказать в качестве рабочей гипотезы предположение, что «пристань» могла быть местом свалки балласта кораблей, а район торговых припортовых (?) складов располагался, по всей вероятности, в центре восточной части Нижнего города. Есть основания надеяться, что продолжение этих работ позволит выявить восточную границу города, а также районы сосредоточения наиболее массивных сооружений.

Из других работ в самой Ольвии следует отметить продолжающееся изучение жилых домов эллинистического времени в Центральном квартале к западу от агоры и могильника в основном первых веков нашей эры.

Работы в Центральном квартале были сосредоточены в его юго- и северо-западных частях. В 1976 г. изучение эллинистических слоев этого квартала (площадью около 3000 кв. м) было закончено¹⁸. Количество жилых домов здесь достигало десяти (помимо двух зданий нежилого назначения). Дома близки по размерам, хотя и разнотипны; сопровождающий материал относительно идентичен в качественном и количественном отношении. Это может свидетельствовать, с одной стороны, об отсутствии существенной имущественной дифференциации среди жителей квартала, но, с другой стороны, с учетом данных раскопок окраинных частей города и участка НГФ, — о наличии таковой в масштабе города в эллинистическое время.

При раскопках некрополя (Ю. И. Козуб) открыто много погребений, несколько земляных склепов, впервые — каменный алтарь *in situ*.

Получен материал, значительно обогащающий представления о погребальном обряде и культуре Ольвии в первые века нашей эры. Большой интерес представляет обнаружение на территории некрополя ямы середины второй половины IV в. до н. э., заполненной останками более 50 человек, убитых, по-видимому, здесь же камнями и стрелами¹⁹. Возможно, в этом отражено обострение социальной ситуации, которое можно предполагать из сообщения Макробия об осаде Зопириона (*Макроб. Saturn.*, 1, XI, 33).

В последние годы было значительно расширено изучение сельской округи Ольвии. Проведено новое сплошное обследование территории между Березанским и Бугским лиманами примерно до широты Николаева, а также побережий Сосицкого и Днепровского лиманов, что позволило выявить в три раза больше поселений, чем было известно ранее (А. В. Бураков, С. Б. Буйских, В. М. Отрепко, В. В. Рубан). Существенный интерес представляет, в частности, открытие около 60 поселений архаического времени²⁰. Основное количество архаических поселений расположено в Буго-Березанском районе. По предварительным данным (раскопки В. М. Отрепко, В. В. Рубана) основным видом домостроительства являлись однокамерные полужемлянки в большинстве непрямоугольной формы. Население занималось земледелием, скотоводством, отчасти промыслами. Ремесла значительного распространения не получили, за исключением Ягорлыкского поселения²¹. Время существования большинства из здешних поселений — середина — вторая половина VI — начало V в. до н. э. Культура жителей поселений и города носила одинаковый характер²². Наряду с поселениями постоянного типа открыты и временные — очевидно, стойбища в степи. Это говорит о существенной роли скотоводства уже на раннем этапе жизни периферии. В целом характер распределения поселений с учетом данных Ягорлыка позволяет в настоящее время ставить вопрос об экономическом районировании сельской округи²³.

Сопоставление основных этапов развития города и сельской округи показывает хронологическое совпадение происходящих изменений. Так, время существования большинства архаических поселений соответствует второму этапу жизни города. Исчезновение этих поселений происходит параллельно с переходом в городе к массовому наземному сырцово-каменному домостроительству. Их население, судя по всему, втягивается в Ольвию, и город более 100 лет практически не имеет широкой хоры в обычном смысле. Именно это, очевидно, обусловило появление и развитие ольвийского предместья.

Если возникновение регламентации застройки, а также теменоса и агоры свидетельствует о начале формирования государства, то концентрация в Ольвии почти всего населения сельской округи, переход к «городскому» строительству дают основания предполагать, что в начале V в. до н. э. Ольвийское государство сформировалось окончательно.

Появление на территории Ольвии в V в. до н. э. большого количества зерновых ям свидетельствует о том, что население самого города, помимо ремесел, было вынуждено достаточно активно заниматься сельским хозяйством, очевидно в связи с ликвидацией широкой хоры. Однако по той же причине (т. е. из-за малого территориального охвата) сельское хозяйство вряд ли могло в V — первой половине IV в. до н. э. иметь в экономике полиса ведущее положение.

Освоение широкой хоры, очевидно регламентируемое государством, происходит вскоре после перелома в развитии города в середине этапа III, и, по-видимому, именно освоение хоры приводит к прекращению жизни предместья.

Новые данные были получены также при исследовании сельской округи Ольвии первых веков нашей эры и в частности при раскопках укрепленных поселений (Мыс, Петуховка II, Старая Богдановка; А. В. Бура-

ков, С. Б. Буйских). Поселения, существовавшие до середины III в. н. э., укреплялись обычно сырцово-каменными оборонительными стенами и рвами. Близость материальной культуры жителей поселений и города, укрепления, характер расположения поселений относительно Ольвии — все это позволяет предполагать, что, в отличие от периода до нашей эры, когда оборона государства сосредоточивалась и ограничивалась только городом, в первые века нашей эры создается оборонительная система всего государства²⁴.

В связи с этим представляет интерес открытие к северу от Ольвии, у с. Дидова Хата, остатков, по-видимому, временного римского лагеря (С. Б. Буйских, В. В. Рубан). Лагерь размерами 60 × 65 м, существовавший в I — середине II в. н. э., был окружен валом (сохранились остатки крепиды вала) и рвом. По углам могли быть башни.

Дальнейшее развитие этих работ позволит значительно конкретизировать особенности исторической ситуации, экономики и культуры в районе Ольвии в первые века нашей эры.

Таковы наиболее существенные итоги работы Ольвийской экспедиции Института археологии АН УССР в последние годы. Они дают основания для пересмотра некоторых устоявшихся представлений, внесения ряда уточнений в историю развития Ольвии, ее экономики и культуры. Полученные материалы, как представляется, свидетельствуют о целесообразности продолжения работ.

¹ Экспедиция работала в следующем основном составе: начальник С. Д. Крыжицкий; научные сотрудники: А. В. Бураков, С. Б. Буйских, Ю. И. Козуб, Н. А. Лейпунская, С. Н. Мазарати, В. М. Отрошко, А. С. Русяева, М. В. Скржинская; старшие лаборанты: В. В. Крапивина, А. И. Кудренко, А. Г. Рутковский, Н. А. Сон (до 1974 г.). В разные годы в экспедиции принимали участие сотрудники других институтов и музеев: К. К. Шилик (ЛЮИА АН СССР); Э. И. Диамант, В. И. Кузьменко, С. Б. Охотников, А. М. Тарадаш (ОГАМ АН УССР); В. В. Рубан (Николаевский краеведческий музей); А. М. Малеваный (Запорожский педин-т); В. И. Коваловская (Владимирский педин-т); а также студенты Московского им. В. И. Ленина, Ворошиловградского, Запорожского, Владимирского, Тульского и других педин-тов страны, Киевского, Воронежского, Днепропетровского университетов.

² До последнего времени почти совсем не были изучены не только ранние городские слои Ольвии (исключение представлял в основном участок теменоса, исследовавшийся экспедицией ЛЮИА АН СССР), но и архаические поселения ее периферии.

³ Судя по глубине заложения камер, в Ольвии существовали не только полуземлянки, от которых в нескольких случаях были зафиксированы остатки наземных стен, но и землянки, наземных стен не имевшие.

⁴ *Славин Л. М.* Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. — СА, XXVII, 1958, с. 279, 280; *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса. — В кн.: *Ольвия. Теменос и агора.* М. — Л., 1964, рис. 4, 72; *Брашинский И. Б.* Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960—1962 гг. — КСИА, 103, 1963, с. 97; *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Раскопки ольвийской агоры в 1970 г. — КСИА, 143, 1975, с. 11; *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги исследования архаической Ольвии. — ХКААМ, с. 132, 133.

⁵ *Славин Л. М.* Ольвия как город..., с. 279, 280.

⁶ *Козуб Ю. И.* Предместье Ольвии. — В кн.: Тезисы докладов 14 Международной конференции античников социалистических стран. Ереван, 1976, 18—23 мая. Ереван, 1976, с. 195, 196; она же. Підсумки розкопок території ольвійського некрополя за 1969, 1971 рр. — В кн.: Тези пленарних і секційних доповідей (результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України). Одеса, 1972, с. 215.

⁷ ОАК за 1905 г., с. 1—35; за 1906 г., с. 1—50; за 1908 г., с. 1—80.

⁸ *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги..., с. 135 сл.

⁹ ОАК за 1907 г., с. 1—59.

¹⁰ *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии. — В кн.: *Ольвия.* Киев, 1975, с. 61—63.

¹¹ Здесь только в одном месте, у подножия склонов, обнаружено некоторое количество архаической керамики. См.: *Леви Е. И.* Терракотная архаическая головка, найденная в Ольвии. — СА, VII, 1941, с. 308—317.

¹² В эпиграфических материалах наиболее ранние упоминания об ольвийской гавани относятся ко времени не ранее V в. до н. э. (IOSPE, I, № 20; HO, № 2). Это, разумеется, не исключает возможности появления ее еще в VI в. до н. э.

¹³ *Лапин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 96 сл.; *Копейкина Л. В.* Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический пе-

- риод.— СА, 1975, № 2, с. 188; *Задинайло А. Г.* Работы скифо-античной экспедиции.— АО 1975 г. М., 1976, с. 323, 324.
- ¹⁴ *Крыжицкий С. Д.* Начальные этапы эволюции античных жилых домов Северного Причерноморья.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 103, 104.
- ¹⁵ *Копейкина Л. В.* Некоторые итоги..., с. 140.
- ¹⁶ *Козуб Ю. И.* Историческая топография некрополя Ольвии.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 124; она же. Предместье Ольвии, с. 195, 196.
- ¹⁷ *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 51—91.
- ¹⁸ Раскопки этого квартала были начаты еще в 1956 г. и до 1971 г. проводились под руководством Л. М. Славина. С 1972 г. раскрыты остатки четырех жилых домов.
- ¹⁹ *Козуб Ю. И.* Раскопки предместья и некрополя Ольвии.— АО 1974 г. М., 1975, с. 295, 296.
- ²⁰ К 1974 г. таких поселений было известно всего около десяти. См.: *Славин Л. М.* Некоторые итоги изучения ольвийской хоры.— ХКААМ, с. 181.
- ²¹ *Островерхов А. С.* Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины, ч. I. Киев, 1976, с. 30, 31.
- ²² *Отрешко В. М.* Позднеархаические поселения Березанского лимана.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины, ч. I. Киев, 1976, с. 31—33; *Рубан В. В.* Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов), ч. II. Киев, 1975, с. 87—89.
- ²³ *Отрешко В. М.* К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху.— В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов и сообщения. Тбилиси, 1977, с. 54, 55.
- ²⁴ *Буйский С. В.* Оборонительные сооружения городища Петуховка II.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов), ч. II. Киев, 1975, с. 97.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ЗОЛОТАЯ ПЛАСТИНА С ПТИЦАМИ ИЗ АМУДАРЬИНСКОГО КЛАДА

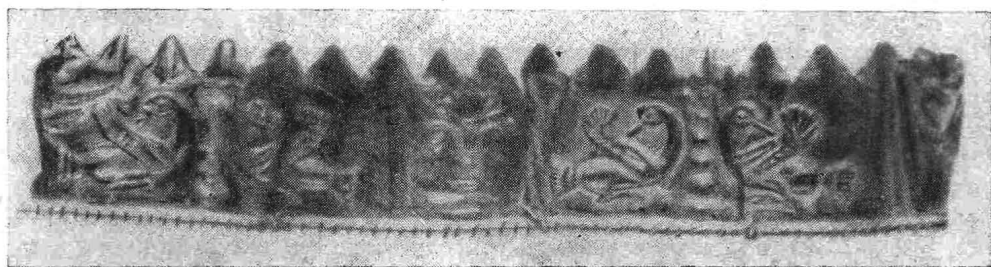
Среди изделий, составляющих Амударьинский клад, найденный, вероятно, на городище Тахт- и Куват при слиянии Вахша с Пянджем, есть узкая золотая пластина длиной 11,4 см, имеющая по верху зубчатый край и украшенная в центре пальметкой, по обе стороны от которой помещены две пары противостоящих уток (рис.). Обе левые уточки одинаковы, но отличны в деталях от обеих одинаковых правых уток; пары разделены линиями пунсонных точек. О. М. Дальтон, опубликовавший в 1905 г. пластину, датировал ее V в. до н. э. и отметил, что водоплавающие птицы были солярным символом¹.

Поскольку семантика вещей клада изучена очень слабо, а в последние годы появилась тенденция вслед за Д. Шлюмберже передатировать клад, относя его к парфянской эпохе², целесообразно вновь вернуться к рассмотрению предметов этого комплекса, важного для истории культуры не только Бактрии, но и всей евразийской степи.

Стилистические особенности изображений на пластине не позволяют принять позднюю дату этого предмета.

Отдельные детали трактовки образов птиц, представленных в профиль, с повернутыми назад головками, серповидным крылом с насечками по краю и веерообразным хвостом, находят аналогии в изображениях птиц в ахеменидском искусстве. Весьма близки уточки на золотой серьге из Лувра³. Подобные хвосты наблюдаются у орла Амударьинского клада, у птиц на золотом блюде V—IV вв. до н. э., на ритоне из Эребуни, у фигурки из кургана «Семь братьев»⁴. Подобные головки уточек украшают браслет Амударьинского клада, серебряную ложку клада в Садовом

павильоне в Пасаргадах, блюда из Персеполя, каменную вазу с именем Ксеркса, мебель на рельефе из Суз и большое количество изделий из случайных находок⁵. Серповидно изогнутое крыло с насечками по краю очень типично для изображений птиц, сфинксов и других фантастических существ ахеменидской эпохи, в том числе на вещах Амударьинскогоклада и на печатях греко-персидского стиля V — начала IV в. до н. э. Такая трактовка крыла отличает ахеменидское искусство от более раннего искусства Ассирии, Луристана, Марлика, Зивие, где крыло прямое или (реже) изломанное под углом. Эти совпадения отдельных деталей позволяют отнести амударьинскую пластину к ахеменидской эпохе. Для уточнения даты и выяснения истоков образа водоплавающей птицы в бактрийском искусстве решающее значение имеет сопоставление птиц, клада

Золотая диадема Амударьинского клада

с утками на золотом нагруднике конца VI в. до н. э. из могилы Мушвица в Дуванли⁶ — они демонстрируют полное сходство. Тождество иконографии водоплавающей птицы в столь отдаленных областях — во Фракии и в Бактрии, видимо, объясняется тем, что образ утки в обоих ареалах восходит к одному источнику — Греции.

Иконография водоплавающей птицы была создана в Греции в эпоху архаики⁷, а некоторые детали (трактовка крыла, хвоста) использовались также в образах крылатых сфинксов и грифонов, изображаемых на керамике, резной кости, в корошастике и глиптике⁸ ориентализирующего стиля.

Большинство исследователей полагает, что на формирование этого стиля в искусстве Греции эпохи архаики решающее воздействие оказали контакты с Передней Азией, проводником этих восточных влияний явились малоазийские области, прежде всего Иония⁹. Однако в раннеахеменидскую эпоху направление культурных воздействий изменилось: искусство Греции оказало большое влияние на развитие художественного творчества в империи Ахеменидов. Посредниками в передаче на Восток традиций эллинского искусства явились области Малой Азии, включенные в персидскую державу: Лидия, где после завоевания Ионии Крезом (561—547 гг. до н. э.) работало много греческих мастеров, и Иония, подчиненная в 500—480 гг. до н. э. персами. Греческое влияние осуществлялось различными путями. Ахемениды захватывали произведения греческих художников: по свидетельству Плиния Старшего (NH, XXXIV, 70) Ксеркс вывез в Иран статуи работы Праксителя. Ахемениды приглашали работать при своем дворе греческих мастеров, например Телефана Фокейского (Plin. NH, XXX, IV, 68). Наконец, для сооружения своих дворцов они свозили со всей империи мастеров (в том числе архитекторов, скульпторов и золотых делов из Ионии и Лидии), о чем свидетельствуют греческие надписи и граффити и ахеменидские строительные надписи из Персеполя и Суз¹⁰.

Воздействие греческого, в первую очередь ионийского, а также лидийского искусства многократно выявлялось исследователями в архитек-

туре, скульптуре, глиптике ахеменидского Ирана¹¹. На огромных пространствах Ахеменидской империи происходил синтез различных культурных традиций, и если правитель Сард носил персидское имя Мифрен и знал персидский язык, то и Дарий III «неплохо знал по-гречески» (*Квинт Курций Руф. История Александра Македонского*, III, XII, 7; VI, XI, 5). В сферу влияния греческой культуры были включены и самые отдаленные области: на границах Бактрии и Индии поклонялись греческому Дионису и возводили ему статуи (*Квинт Курций Руф. История Александра Македонского*, VIII, X, 7, 13; *Арриан. Анабасис*, V, 1, 2).

Распространению греческой культуры в Бактрии и соседнем Согде, вероятно, особенно способствовало переселение сюда малоазийских греков: Дарием были выселены в Бактры ионяне (*Геродот*, VI, 9); Ксерксом в Согде основана колония милетян-бранхидов (*Страбон*, XI, II, 4; XIV, I, 5; XVIII, 1, 3; *Квинт Курций Руф. История Александра Македонского*, VII, V, 28—35). В результате эллинизированная культура в ее малоазийском варианте была воспринята в Бактрии и повлияла на формирование бактрийской художественной школы¹². К числу воспринятых в эллинском искусстве относятся и помещенные на золотой пластине образы уточек и пальметки. Последняя аналогична пальметке на рукоятке меча из Чертомлыка¹³ и сходна с пальметками на глазурованных кирпичках дворца Артаксеркса II (404—359 гг. до н. э.) в Сузах, что отмечал уже О. М. Дальтон, но ее прототипы восходят к пальметкам в греческом искусстве эпохи архаики, к таким, например, как на изделиях из Коринфа и Спарты, на птандартах из некрополя VII в. до н. э. в Саламисе¹⁴. Это подтверждает предположение, что изображения на золотой пластине сделаны под греческим влиянием. Попав в Бактрию, образы и композиции эллинизированного искусства сохранялись здесь длительное время, что создает трудности при датировании. Учитывая приводившиеся аналогии, пластину можно отнести к V в. до н. э.

Относительно назначения пластины можно предположить, что она является обломком диадемы царицы. В такой зубчатой короне-диадеме представлена царица на золотом перстне Амударьинского клада¹⁵.

Какова была семантика изображений амударьинской диадемы? Пальметка — древний символ дерева жизни. Композиция в целом изображает птиц у мирового дерева. Это сюжет общечеловеческий, знакомый искусству всех народов Старого Света, очень популярный в мифологии и соответственно в изобразительном искусстве и Древнего Востока¹⁶, и Греции, и ираноязычных народов. Название мирового дерева («eia» — русск. «ива») было общим во всех индоевропейских языках. Общими были и представления о мировом дереве как о связующем три сферы мироздания и стоящем в центре мира, и многие обряды культа плодородия, связанные с мировым деревом¹⁷, в частности — праздник майского дерева, варианты которого засвидетельствованы от Британских островов до Индии, а пережитки сохранились до сих пор на юге Франции и в Таджикистане.

О. Вьенно были систематизированы, а В. Н. Топоровым дополнены и интерпретированы материалы о культе дерева в древнеиндийской литературе¹⁸, где мировое дерево ассоциируется с богиней-матерью. В Ригведе (V, 78; X, 114, 3) женщина воплощается в дереве, а само дерево сравнивается с рождающей женщиной. Пережитки этих представлений в Индии дожили до современности: считается, что если женщина не коснется цветущего дерева, оно не будет плодоносить.

Как показал Ю. А. Рапопорт, в Средней Азии существовал подобный культ богини плодородия Анахиты-Миной, отголоски которого сохранились в легенде о вступившей в туговое дерево Зухре (Анахите) и влюбленных в нее Харуте и Маруте, заместивших Апшвинов древнего индоиранского мифа¹⁹.

Исследователи многократно подчеркивали взаимозаменяемость в индоиранской мифологии образов богини с Апшвиными и мирового дерева с дву-

мя птицами²⁰. Об ассоциации мирового дерева с птицами в Ригведе (X, 114) говорится: две птицы уселись на жертвенный столб (эквивалент мирового дерева), который сравнен с четырехкосою девицей; в другом тексте (I, 164, 20): «Две птицы, соединенные вместе друзья, льнут к одному и тому же дереву. Одна из них ест сладкий плод, другая смотрит». В Авесте (Раши-Яшт, XII, 17) описывается «исцелительное дерево с семенами всех растений», а в Меноги Храд (LXII, 14, 28—42) сообщается, что на этом дереве обитает птица Сенмурв, рассыпающая семена, которые собирает птица Хаумрош, и они рассеиваются вместе с дождем по всему миру²¹. Соотносимые с богиней или мировым деревом птицы — обычно водоплавающие. В Ригведе (I, 144, 6) говорится о двух гусях на жертвенном столбе. В Атхарваведе и Упанишадах ханса-гусь — символ высшего существа, вероучитель²², с чем перекликается образ водоплавающей птицы Каршипты — «владыки всех птиц», беседующей с Заратустрой, в Бундахишне (XIX, 16)²³. В Ригведе отражено более древнее отождествление гусей у мирового дерева с Ашвинами — спутниками богини матери²⁴.

В искусстве Индии водоплавающие птицы ассоциируются с богиней Сарасвати²⁵ — параллелью иранской Ардвисуры-Анахиты²⁶. В иранском искусстве иконография Анахиты известна по подписным изображениям только для сасанидского времени, когда богиня изображалась с венком или цветком и птицей²⁷. Поскольку те же атрибуты представлены у цариц на перстнях Амударьинского клада²⁸ и на печатях греко-персидского стиля, в том числе — со сценой инвеституры²⁹, можно полагать, что этот канон изображения Анахиты получил распространение в Иране и Средней Азии еще в V в. до н. э.³⁰ Однако наряду с ним, видимо, было распространено более архаичское, соответствующее образному символическому мышлению индоиранцев периода до антропоморфизации богов, символическое изображение богини в виде дерева с птицами, передающее древний образ индоиранской мифологии³¹. Для его выражения ираноязычные народы заимствовали иконографический тип, созданный в Греции. Таким образом, приведенный индоиранский сравнительный материал позволяет видеть в уточках и пальметке на амударьинской диадеме изображение дерева жизни с птицами на нем — символ богини плодородия.

Подобная символика была популярна и в скифском мире — пальметки с птицами представлены, например, на Чертомлыцкой вазе³². Известны в скифском искусстве и образы уточек. Д. С. Раевский рассматривает их как символ Таргитая — владыки земного мира и родоначальника скифов³³. Однако более вероятно, что и в Скифии водоплавающие птицы были атрибутами женского божества³⁴. Привлекает также внимание тот факт, что изображения уточек, как правило, помещались на женских украшениях. Это, видимо, объясняется тем, что связанная с богиней-матерью пара уточек во всем индоиранском мире воспринималась как символ плодородия, супружеской верности и любви. В Рамаяне (V, 9, 48—51) говорится, что у жен Раваны ожерелья были «словно сияющие гуси», драгоценные камни «напоминали селезней», а золотые бусы — «уток-чакравак». Образ двух уточек — краунча — олицетворение супружеской верности — имеет в поэме Вальмики символическое значение³⁵. Столь же символично, по мнению исследователей, имя верной жены Одиссея Пенелопы («утки»), поскольку в Греции утка тоже была синонимом супружеской любви³⁶.

Следовательно, помещенные на амударьинской диадеме царицы пары уточек у пальметки могут рассматриваться как двойной символ богини Анахиты и супружеской любви.

¹ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus. London, 1954, p. 18, pl. XIII; № 47. О месте находки клада см.: Зеймаль Т. И., Е. В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада. — Известия ООН АН ТаджССР, 1962, 1(28), с. 40—45; Толстой И. И.,

- Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства, II. СПб., 1889, с. 126—129.
- ² Schlumberger D. L'Orient hellénisé. Paris, 1970, p. 170, 171.
 - ³ Coche de la Ferté E. Les bijoux antiques. Paris, 1956, pl. V, 4.
 - ⁴ Dalton O. M., The Treasure of the Oxus, pl. X; N 25; 7000 ans d'art en Iran. Genève, 1966, p. 113, pl. LXII; N 674; Аракелян Б. Н. Клад серебряных изделий из Эрбунни.— СА, 1971, № 1, с. 2; Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Л.—Прага, 1966, рис. 50.
 - ⁵ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus, pl. XLX; N 142; Stronach D. Excavations at Pasargadae. Third Preliminary Report.— Iran, III, 1956, pl. XII, a; Schmidt E. Persepolis, v. II. Chicago, 1957, pl. 53, 2; 54, 2, 3; Mazaheri A. Le trésor de l'Iran. Genève, 1970, fig. 74; Amandry P. Collection Héliène Stathatos, III. [S. 1.], 1963, pl. XXXVIII; N 181; Lushey H. Berliner Museen, Bd LIX, H. 4. Berlin, 1938, S. 81; Perrot J., Le Brun A., Labrousse A. Recherches archéologiques à Suse et en Susiane en 1969—70.— Syria, XLVIII, 1-2, 1971, pl. I, d.
 - ⁶ Филов Б. Надгробные могилы при Дуванли. София, 1934, с. 84, 85, № 33, с. 106, № 4; Венедиков И., Герасимов Т. Тракийского изкуство. София, 1973, с. 214.
 - ⁷ Weicker G. Seelenvogel in der alten Litteratur und Kunst. Leipzig, 1902, S. 88, Abb. 1; Benson J. Problem in orientalizing Birds: Micenean or Philistine Prototypes.— JNES, 1960, 20, 2.
 - ⁸ Artemis Orthia. London, 1929, pl. CXXXIV, CXLII; Payne H. Necrocorinthia. A Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford, 1931, fig. 101, 104, pl. 31, 3, 5, 8; Barnett R. Early Greeks and Oriental Ivories.— JHS, v. 68, 1948; Boardman J. Archaic Finger Rings.— Antike Kunst, Bd 10, H. 1, 1967, p. 3—28, Types M18, P9; *idem.* Greek Gems and Finger Rings. London, 1970, N 219.
 - ⁹ Борисковская С. П. К вопросу об ориентализирующем стиле в искусстве античного Коринфа.— ВДИ, 1968, № 3, с. 105—115; Копейкина Л. В. Ориентализирующий стиль, предпосылки и особенности его формирования в восточноионийской Греции.— ВДИ, 1975, № 1, с. 103—116; Barnett R. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece.— In: The Aegean and the Near East. N. Y., 1956, p. 212—238; Dunbabin T. The Greeks and Their Eastern Neighbours. London, 1957; Amandry P. Grèce et Orient.— Etudes d'archéologie classique, v. I, 1958; *idem.* La Grèce d'Asie et l'Anatolie du 8 au 6 siècle avant J. C.— Anatolica, 1968, N 2, p. 87—102; Cook J. Greeks in Ionia and the East. London, 1962; Demargne P. Naissance de l'art Grec. Paris, 1964; Boardman J. The Greeks Overseas. London, 1964.
 - ¹⁰ Herzfeld E. Die Magne Charta von Suse.— AMI, 3, 1931, S. 29 f.; *idem.* Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 10; Richter G. Greeks in Persia.— AJA, 50, 1946, p. 15—30; Kent R. Old Persian Grammar. New Haven, 1953, p. 110; Hallock R. Persepolis Foundation Tablets. Chicago, 1969; Vallat F. Table élamite de Darius I.— Revue d'assyriologie, 64, 1970; Эдаков А. В. Новые надписи Ахеменидов.— ВДИ, 1976, № 1, с. 91—97.
 - ¹¹ Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London—N. Y., 1941, p. 259; Moortgat A. Hellas und die Kunst der Achaemeniden. Berlin, 1926, S. 3 f.; Frankfort H. Achaemenian Sculpture.— AJA, 50, 1946, p. 6—14; Richter G. Greeks in Persia; *eadem.* Greek Subjects on «Graecopersian» Seal Stones.— In: Archaeologia Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld. N. Y., 1952, p. 189—195; Mossé C. Les rapports entre la Grèce et la Perse au IV siècle a. J. C.— In: La Persia e il mondo greco-romano. Roma, 1966, p. 177; Nylander C. Ionian in Pasargadae. Uppsala, 1970; Boardman G. Greek Gems...; Hanfmann G. Forerunners of Pasargadae at Sardis.— In: VI International Congress of Iranian Art and Archaeology. Oxford, 1972, p. 321.
 - ¹² Кузьмина Е. Е. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978; она же. Греческий курор в Бактрии.— КСИА, 147, 1976; Кузьмина Е. Lions entre la Bactriane et l'Iran au VII—IV siècle a. n. è.— In: Le plateau iranien et l'Asie Centrale. Paris, 1977.
 - ¹³ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, табл. 184. Курган датируется IV в. до н. э. Но рукоять меча персидской работы и древнее комплекса.
 - ¹⁴ Artemis Orthia, fig. 123, h; Payne H. Necrocorinthia. pl. 3, 3; 46, 5; Karageorgis V. Salamis in Cyprus. London, 1969, fig. 26. Сходная, но не тождественная пальметка есть на ритоне из Хафланту VII—VI вв. до н. э. См.: 7000 ans d'Art en Iran, p. 82, pl. XXXIII; N 490.
 - ¹⁵ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus, pl. XV; N 104; Кузьмина Е. Е. Два перстня Амударьинского клада с изображением царя.— ВДИ, 1979, № 2. В таких же коронах изображены некоторые пары в Персеполе. См.: Schlumberger D. La coiffure du Grand Roi.— Syria, XLVIII, 3-4, 1971, p. 375—383.
 - ¹⁶ Wilke G. Der Weltenbaum und beiden kosmischen Vögel in der Vorgeschichtlichen Kunst.— Mannus, 14, 1922, S. 73—93; Perrot N. Les representation de l'arbre sacré sur les monuments de Mesopotamie et d'Elam. Paris, 1937; Wensinck A. Tree and Bird as Cosmological Symbols in Western Asia.— Verhandlingen der Koninklijke Akademie von Wetenschappen Atdaling Letterkunde, 22, 1. Amsterdam, 1961, S. 1—35. В Бактрии изображения двух птиц на мировом дереве восходят к эпохе бронзы. Этот сюжет есть на бронзовой печати из Дашлинского оазиса. См.: Сариниди В. И. Не-

- чати-амулеты Мургабского стиля. — СА, 1976, № 1, с. 60, рис. 17. На реверсе амулета изображен двугорбый верблюд — образ специфичный для мифологии восточно-иранских народов.
- ¹⁷ Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936; Иванов В. В. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. — Известия АН СССР, сер. ЛИЯ, т. XXVII, вып. 3, 1968, с. 237; он же. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva* («конь»). — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 75 сл.; он же. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 8, 78—83; Топоров В. Н. Заметки о буддийском изобразительном искусстве в связи с вопросом о семиотике космологических противопоставлений. — ТЭС, II, 1965; он же. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». — ТЭС, V, 1974; он же. О брахмане. К истокам концепции. — В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976, с. 214, 236, 243; Lehner G. The Tree of Life in Indo-European and Islamic Cultures. — *Ars Islamica*, IV, 1937.
- ¹⁸ Топоров В. Н. О структуре...; Viennot O. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, p. 104, 108—109, 123, 133; Zimmer H. Myths and Symbols in Indian Art and Civilization. N. Y., 1945, p. 69.
- ¹⁹ Рапопорт Ю. А. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы. — В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
- ²⁰ Топоров В. Н. О брахмане..., с. 63; Viennot O. Le culte de l'arbre..., p. 26, 36, 104, 108, 109, 123, 133; Przyłuski J. La grande Déesse. Paris, 1950, p. 188—189; Thieme P. Das Rätsel vom Baum. — In: Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949, S. 60—73.
- ²¹ Приводится по книге: Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии М., 1956, с. 97—98.
- ²² Schroeder E. An Aquamanile and Some Implications. — *Ars Islamica*, V, 1, 1938, fig. 17; Vogel J. The Goos in Indian Literature and Art. Leiden, 1962, p. 13, 54; Bosch F. Pratiṣṭā Symbols. — In: Pratiṣṭānam. Indian, Iranian and Indo-European Studies presented to F. Kuiper. Paris, 1968; Swain A. Concept of Haṅsa in the Upaniṣadic Literature. — *Journal of Oriental Institute of Baroda*, XIX, 3, 1970.
- ²³ Pahlavi Texts (transl. by E. West). Oxford, 1897, pt. V.
- ²⁴ Vogel J. The Goos..., p. 12, 13; Przyłuski J. La Grande Déesse, p. 188, 189.
- ²⁵ Lommel L. Anahita-Sarasvati. In: *Asiatica. Festschrift F. Weller*. Leipzig, 1954, S. 82.
- ²⁶ Duchesne Guillemain J. Zoroastre. Paris, 1948, p. 53. Соотнесение водоплавающей птицы с Ардвисурой в иранской традиции отражено в Бундахишне: Каршипта говорит с Заратустрой на берегу потока Ардвисуры (Pahlavi Texts, 160).
- ²⁷ Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969, с. 134; Duchesne Guillemain J. A la recherche d'un art mazdeen. — In: V International Congress of Iranian Art and Archaeology. Tehran, 1969, p. 268.
- ²⁸ Dalton O. M. The Treasure of the Oxus, pl. XVI; N 103, 104.
- ²⁹ Boardman J. Greek Gems..., N 876, 964.
- ³⁰ Кузьмина Е. Е. Два перстня Амударьинского клада...
- ³¹ Кузьмина Е. Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев. — В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии., М., 1976.
- ³² Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на чертомлыцкой вазе. — СА, 1976, № 3.
- ³³ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов, рис. 98, табл. 85, 86, 239, 240, 249, XII; Раевский Д. С. О семантике одного из образов скифского искусства. — В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 63—69.
- ³⁴ Это не опровергает основной идеи Д. С. Раевского, видящего в предметах с уткой атрибут сцены инвеституры, поскольку владицей скифов была Табити, вручавшая власть скифским царям, подобно иранско-среднеазиатской Анахите, тоже ассоциировавшейся с двумя птицами.
- ³⁵ Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. М., 1974, с. 333, 334.
- ³⁶ Germain G. Essai sur les origines de certains thèmes odysseens et sur genèse de l'Odyssee. Paris, 1954, p. 468, 469. Представление о паре водоплавающих птиц как символе любви и плодородия — общиндоевропейское. Оно сложилось у индоевропейских народов на европейской прародине, где прилет птиц весной знаменовал возрождение природы, и нашло проявление, в частности, в обращениях «утушка», «лебе-душка» в русских свадебных песнях и в украшениях свадебного наряда изображениями пар водоплавающих птиц.

НЕОБЫЧНАЯ ФИГУРКА ПЕДАГОГА

В 1891 г. в окрестностях Керчи, возле Аджимушкайской дороги, разрыли гробницу, в которой были найдены терракотовые односторонки, изображающие гибнущих Ниобид и Ниобидов¹. Среди этих односторонок имеется одна большая бородатая фигура² с крыльями за спиной, представленная в позе, выражающей сильную скорбь, — по-видимому, педагог (рис. 1).

Близкая, но не идентичная бородатая фигура³ была найдена Д. В. Кореишей в 1832 г. при раскопках под Керчью на «протяжении горы Митридата» (рис. 2)⁴. Там, в небольшом сводчатом склепе, был обнаружен саркофаг с многочисленными гипсовыми односторонками, изображающими гибель детей Ниобы, и среди них находилась эта бородатая фигура.

Время и место производства обеих серий односторонок надежно установлены. Как гипсовые, так и терракотовые односторонки были местными пантикапейскими изделиями I в. н. э.⁵, скорее второй половины, чем первой.

Необходимо отметить необычность терракотовой бородатой фигуры с крыльями. Одетая в длинный хитон и гиматий бородатая мужская фигура с крыльями — отнюдь не обыденное явление в греческой иконографии. Обычно бородатым и крылатым изображали Борея⁶, похищающего Орейфию (рис. 3). Но для этого бога одеждой, как правило, служил не длинный, а короткий хитон; иногда Борея представляли совершенно обнаженным⁷.

Помимо этих иконографических различий еще более важно обстоятельство, что присутствие этого бога в мифе о гибели Ниобидов совершенно неуместно. Вполне возможно предположение Г. Г. Вульфюса и С. А. Жебелева⁸, что крылья у пантикапейской фигуры появились в результате ошибки коропласта, принявшего за них кашюшон кожаного плаща копируемого оригинала. Но это еще не решает вопроса во всей его полноте. Ведь нужно думать, что мастер-коропласт, изготовлявший украшения, найденные в 1891 г., должен был располагать хотя бы самыми элементарными сведениями⁹ об изображаемом им мифе и установившейся его иконографии. В техническом отношении он был хорошо подготовлен: об этом свидетельствует добавленное им крыло над правым плечом.

Однако в фигуре «педагога» необычны не только крылья. Он одет в длинный, доходящий по пят хитон. Мужские длинные хитоны были в широком употреблении в VI в. до н. э. в Ионии, как об этом свидетельствуют милетские¹⁰ и самосские¹¹ статуи, а равно и гомеровский гимн, посвященный Аполлону Делосско-

Рис. 1. Терракотовая односторонка, изображающая «педагога», найденная в некрополе Пантикапея в 1891 г.

му¹², где упомянуты ἑλκεχιτώνες Ἴάονες, т. е. ионяне, волочащие свои хитоны. У греков такие хитоны были довольно рано вытеснены дорийскими, доходившими до колен¹³. У восточных варваров подобная одежда была в употреблении и в период империи¹⁴. Хотя педагоги нередко были варварами, однако их обычно изображали в греческой одежде.

Далее, хитон бородатой фигуры подпоясан очень высоко — так носили пояса только женщины, а не мужчины. Наконец, едва ли не самое необычное — эта манера носить гиматий не как плащ, а как шаль: гиматий, перекинутый через левое плечо и протянутый за спиной, слегка прикрывает часть ноги и торса, а конец его переброшен на левую руку. Как показывают терракотовые статуэтки эллинистического времени, это типично женская манера носить гиматии, совершенно не свойственная мужчинам¹⁵.

Если удалить голову, правую руку, предмет над ней (капюшон) и крыло, то останется фигура совсем юной, только выходящей из отроческих лет Ниобиды, представленная в резком движении в сторону (рис. 4). В этом отношении пантикапейская односторонка почти повторяет (в зеркальном отражении) известную статую Ниобиды Киарамонти (рис. 5)¹⁶.

На естественно возникающий вопрос, что могло вызвать соединение столь разнородных частей, ответить с уверенностью трудно. Можно только высказать более или менее вероятные предположения. Возможно, что коропласт работал в крайней спешке, вызванной потребностью отформовать все односторонки, чтобы поспеть к загрузке гончарной печи, или необходимостью в короткий срок выполнить заказ. Если в последний момент были частично повреждены нужные формы для оттискивания односторо-

Рис. 2. Гипсовая односторонка, изображающая «педагога», найденная в некрополе Пантикапея в 1832 г.

Рис. 3. Изображение Борея на вазе V в. до н. э.

Рис. 4. Терракотовая односторонка, найденная в Пантикапее в 1891 г., фигурка девушки без добавленных коропластом головы, правой руки и крыла

Рис. 5. Статуя Ниобиды из собрания Кларамонти

нок, то пришлось наспех соединять подходящую по величине голову с рукой и капюшоном педагога с фигурой юной Ниобиды; тогда же по недоразумению, отмеченному Г. Г. Вульфiusом и С. А. Жебелевым¹⁷, было добавлено ненужное крыло.

Такое противоестественное соединение девичьей фигуры с мужской бородатой головой в греческой коропластике отмечается не впервые. В Берлинском Антиквариуме хранится одна терракотовая фигурка с головой девушки, которая переделана коропластом в мужскую: решительный мастер, не задумываясь, приставил к ней бороду¹⁸.

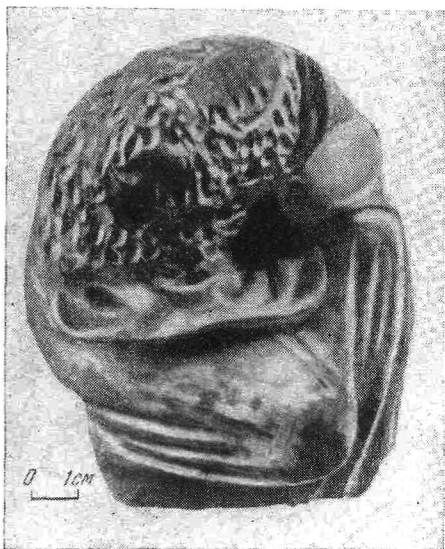

Рис. 6. Статуэтка из Феодосии, изображавшая девушку, переделанная коропластом в Силена

При такой работе случалось, что Эроту приходилось получить голову Ники¹⁹. Еще более курьезной была фантазия коропласта, превратившего фигуру девушки в статуэтку Сатира или Силена²⁰. Воспользовавшись формой для фигуры коленопреклоненной девушки, играющей в кости или собирающей цветы, предприимчивый коропласт даже не счел нужным изменить очертания женской груди. Увенчав эту фигуру головой Силена, мастер истыкал тело стекой, чтобы оно казалось покрытым косматой шерстью (рис. 6)²¹.

Уже давно было отмечено, что на

некоторых терракотовых статуэтках, составленных из нескольких кусков, возможно совершенно случайное соединение различных гетерогенных частей. Поэтому крайне рискованно в этих разнородных фигурах пытаться найти какую-то глубокую символику²². Сказанное в равной мере относится к терракотовым статуэткам с жанровыми сюжетами и с мифологической, а возможно, также с сакральной тематикой.

К числу подобных разнородных фигурок следует отнести рассматривавшуюся нами пантикапейскую односторонку, назначением которой было изображать педагога в сцене гибели детей Ниобы.

- ¹ ОАК за 1894 г., с. 30—33; *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды. — МАР, № 24, 1901, с. 1 (V серия); *Rostowzew M.* Scythien und Bosphorus. Berlin, 1931, S. 207.
- ² *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды, с. 12, 13, № 20, табл. III.
- ³ ДВР, II, с. 82, 83, табл. I.XVII, 7; *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды, с. 1, 12, 13, № 20, рис. 18; *Rostowzew M.* Scythien und Bosphorus, S. 207, 212.
- ⁴ *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, с. 138; *Rostowzew M.* Scythien und Bosphorus, S. 212.
- ⁵ *Rostowzew M.* Scythien und Bosphorus, S. 207; Терракотовые статуэтки. Пантикапей. — САИ, вып. Г1-11, 1974, с. 14, 34, № 194—201, табл. 44, 45 (воспроизведены находки 1863 и 1868 гг. аналогичные односторонкам 1891 г. См.: *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды, *passim*).
- ⁶ Например, изображение Борея на лондонской ойнохое. См.: *Sourvinou-Inwood C.* Who was the teacher of the Pan painter? — JHS, XCV, 1975, p. 119, pl. XI, b Менее ясно изображение Борея на фикоронской цисте. См.: *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen, III, München, 1923, S. 253, 254, Abb. 628.
- ⁷ *Roscher W. H.* Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mythologie, I, 1. Leipzig, 1884—1886, s. v. Boreas (*Rapp*), S. 806—813.
- ⁸ *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды, с. 13.
- ⁹ Следует отметить, что расписавшие пантикапейские склепы художники, жившие в одно время или даже позже, чем изготовители односторонок, проявляли хорошее знакомство с эллинской мифологией или по меньшей мере с традиционной иконографией. См.: *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись..., с. 231—233.
- ¹⁰ *Rodemwaldt G.* Kunst der Antike. Berlin, 1927, Abb. 184, 185, S. 700.
- ¹¹ *Enciclopedia dell'Arte Antica.* Roma, 1965, p. 1097, fig. 1215, s. v. Samo (*L. VI. Borelli*).
- ¹² *Hom. hymn ad Apoll. Del.*, v. 147.
- ¹³ В Ликии они продолжали бытовать и в начале IV в. до н. э. См.: *Collignon M.* Geschichte der griechischen Plastik, I. Strassburg, 1897, S. 232—237, Fig. 107.
- ¹⁴ Таковы изображения одежды воинов азиатского вспомогательного отряда на колонне Траяна. См.: *Daremberg Ch., Saglio Edm.* Dictionnaire des antiquités. Paris, 1873, p. 587, fig. 671 (*Masquelez*).
- ¹⁵ *Kleiner G.* Tanagrafiguren, Untersuchungen zur Hellenistischen Kunst und Geschichte. Berlin, 1942, S. 321, 323, Taf. 12, d; 37, b.
- ¹⁶ *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды, с. 34, рис. 39.
- ¹⁷ Там же, с. 13.
- ¹⁸ *Köster Aug.* Die griechischen Terrakotten. Berlin, 1926, S. 21.
- ¹⁹ *Daremberg Ch., Saglio Edm.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, II, 1. Paris, 1893, s. v. Figlinum, Figlinum opus (*P. Jamot*), p. 1135.
- ²⁰ *Ibid.*, p. 1135, n. 10.
- ²¹ *Winter Fr.* Die Typen der figurigen Terrakotten. II. Berlin—Stuttgart, 1903, Taf. 134, 3 (статуэтка из Афин, аналогия из Гермоницы). М. М. Кобылила любезно сообщила мне о найденной в Феодосии в 1896 г. фрагментированной терракотовой статуэтке, очень близкой типу афинской фигурки «Силена». См.: Терракоты Северного Причерноморья. — САИ, вып. Г1-11, 1970, с. 79, 80, № 4, табл. 22, 3.
- ²² *Pottier E.* Les statuettes de terre cuite dans l'Antiquités. Paris, 1890, p. 255.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Разногласия по вопросу о времени основания Херсонеса после выхода в свет работы А. И. Тюменева¹ сменились признанием предложенной даты. Но в последнее время она вновь подвергается пересмотру, поводом для которого служит материал, относимый к «доколонизационному» времени, прежде всего — древнейшая керамика². Эта керамика послужила в свое время М. И. Ростовцеву, С. А. Жебелеву, К. Э. Гриневичу, А. И. Тюменеву основой для вывода о временной промежуточной стоянке кораблей на пути к Боспору³. Г. Д. Белов и С. Ф. Стржелецкий этот же материал трактовали как свидетельство обмена греческих торговцев с местным населением⁴. Допуская существование ионийского поселения на месте Херсонеса, Г. Д. Белов и А. Н. Щеглов предполагали, что жители его могли войти в состав вновь образовавшейся городской общины⁵. О длительном существовании эмпория, предшествовавшего возникновению полиса, писал В. Д. Блаватский⁶. Нашедшая отражение в работах В. Д. Блаватского концепция о поэтапном процессе проникновения эллинов в Северное Причерноморье, включающем эмпориальный период⁷, в последнее время оспаривается. В. В. Лапин говорит о неопределенности понятия «эмпорий» (качественная и количественная характеристика, хронологическая последовательность смены поселений)⁸. По мнению Я. В. Доманского, торговый обмен не обуславливал колонизацию, и вследствие этого доколонизационные торговые отношения не могут считаться ее предпосылками⁹. Ю. Г. Виноградов отмечает, что ни у сторонников, ни у критиков концепции нет социально-политической характеристики дополисного эмпория¹⁰.

В связи с отсутствием письменных свидетельств о дополисных эмпориях для доказательства их существования привлекаются археологические источники, и среди них практически лишь керамика предшествует по времени основанию полисов. Естественно, что и оппоненты В. Д. Блаватского ищут объяснение ее появлению в Северном Причерноморье и находят его в новой гипотезе о более древнем возникновении полисов — Ольвии, Пантикапея, Херсонеса¹¹. Так, В. В. Лапин отнес возникновение Херсонеса к рубежу VI—V вв. до н. э. Новая гипотеза сложилась, по нашему мнению, в связи с накоплением раннего археологического материала. Во время написания работы А. И. Тюменева он был еще немногочислен, древнейшая керамика не систематизирована (как, впрочем, и до настоящего времени), и начальный период истории полиса оставался неизученным.

Обратимся к материалу из Херсонеса, упоминаемому в литературе в связи с постановкой вопроса об эмпории. Фрагмент надгробного рельефа¹² с сохранившимся изображением части тела обнаженного юноши и руки, держащей копье, по характеру лепки датируется серединой V в. до н. э.¹³ Сохранность памятника, по нашему мнению, не позволяет безоговорочно относить его к «доколонизационному» периоду. Не случайно Л. Г. Колесникова датировала его IV—III вв. до н. э.¹⁴ Монета Ольвии с изображением Горгоней — самая ранняя из иногородних в Херсонесе, относимая ко времени эмпория¹⁵, принадлежит к группе монет, находившихся в обращении в конце V в. до н. э. и позже¹⁶. Так называемая дорическая капитель архаического времени¹⁷ в действительности представляет собой метопу храма, повторяющего в Херсонесе в меньших размерах храм Зевса в Олимпии, построенного в классическое время¹⁸. В качестве доказательства существования на месте Херсонеса эмпория, фактории

или временной стоянки кораблей всеми исследователями привлекалась ионийская керамика. Однако систематизация ее¹⁹ показала, что вряд ли она может служить аргументом в пользу этого предположения. Время бытования наиболее древних сосудов определяется первой половиной — концом V в. до н. э. Но происходят они из некрополя на северном берегу, комплекс которого в целом датируется концом V—IV в. до н. э.²⁰

Тем больший интерес приобретает материал, предшествующий принятой дате основания города. Это аттическая чернофигурная и краснофигурная керамика. Список древнейших находок из раскопок Херсонеса, приведенный В. Д. Блаватским²¹, в настоящее время можно дополнить. Эти сосуды датируются третьей четвертью VI — третьей четвертью V в. до н. э. и в этих пределах распределяются следующим образом: третья четверть VI в. до н. э. — один фрагмент, начало V в. до н. э. — шесть, около середины V в. до н. э. — шесть, третья четверть V в. до н. э. — восемь, чернофигурных неопределенного времени — три.

Чернофигурная керамика. 1. Фрагмент ойнохой (ХМ, инв. № 180; рис. 1, б). Сохранился орнамент, обрамлявший изображение: сверху — палочный, по бокам — лента из двух полос с рядами точек внутри. Подобным довольно распространенным орнаментом украшена ойнохой из раскопок некрополя Аполлонии, датируемая 470—450 гг. до н. э.²²

2. Фрагмент ойнохой (ХМ, п. № 1291, инв. № 21928; рис. 1, а). От рисунка сохранилось изображение ноги мужской фигуры. Ее форма нечеткая, расплывающаяся. Пальцы исполнены резцом, штрихами. Сосуд относится к началу V в. до н. э. — ко времени упадка чернофигурного стиля.

3. Фрагмент килика (ХМ, инв. № 208; рис. 1, 2), расписанного в стиле мастеров-миниатюристов, с изображением пантеры. Четкое очертание ее фигуры выступает на свободном светлом фоне. Характерна умелая передача движения, строгость пропорций, изящество в исполнении деталей. Эти особенности рисунка вместе с техникой, присущей Глессону, — тонкой резьбой и точками белой краски на туловище, позволяют приписать роспись этому известному рисовальщику третьей четверти VI в. до н. э.²³

4. Фрагмент килика (ХМ, инв. № 35272; рис. 1, 1) с изображением листьев пальметт и бутонов лотоса, ниже которых идут полосы, исполненные черным лаком и оставленные в цвете глины. Подобные килики датируются первой четвертью V в. до н. э.²⁴

5. Лекифы (ХМ, инв. № 3207, 3208/1; рис. 2, 4, б) со светлой облицовкой, по которой нанесен орнамент, состоящий из язычков, лучей, поясов сетки и ветви плюща. Подобные лекифы мастера Белдема широко известны по раскопкам и коллекциям, датируются они третьей четвертью V в. до н. э.²⁵

6. Крышка леканы (ХМ, инв. № 3199; рис. 1, в) с лучеобразным орнаментом, вокруг которого на расстоянии, равном лучу, дважды повторяются окружности, исполненные пурпуром. Подобные леканы, насчитывающиеся в Херсонесе шесть фрагментов, относятся, как правило, к первой половине V в. до н. э.

Краснофигурная керамика. Сосуды белого стиля IV в. до н. э. составляют в Херсонесе основную массу краснофигурной керамики — 94,6%; керамика V в. до н. э. — около 1%²⁶. Преобладают фрагменты кратеров. Четыре из них датируются временем около середины V в. до н. э. Большая часть относится к третьей четверти V в. до н. э.

7. Фрагменты кратера (ХМ, п. № 1664; инв. № 495; рис. 2, 1) и сосуда неопределенной формы (ХМ, инв. № 3211; рис. 2, 9) с изображением юношей. Волосы отделены от фона узкой полосой в цвете глины. В трактовке профилей, глаз, в передаче причёски еще чувствуется архаизм: масса волос отделена от прядей, спадающих на лицо в виде прямых линий.

8. Фрагмент кратера (ХМ, п. № 717/14; инв. № 34393; рис. 2, 7) с изображением Диониса (?) в коротком хитоне и саножках. Левая рука его

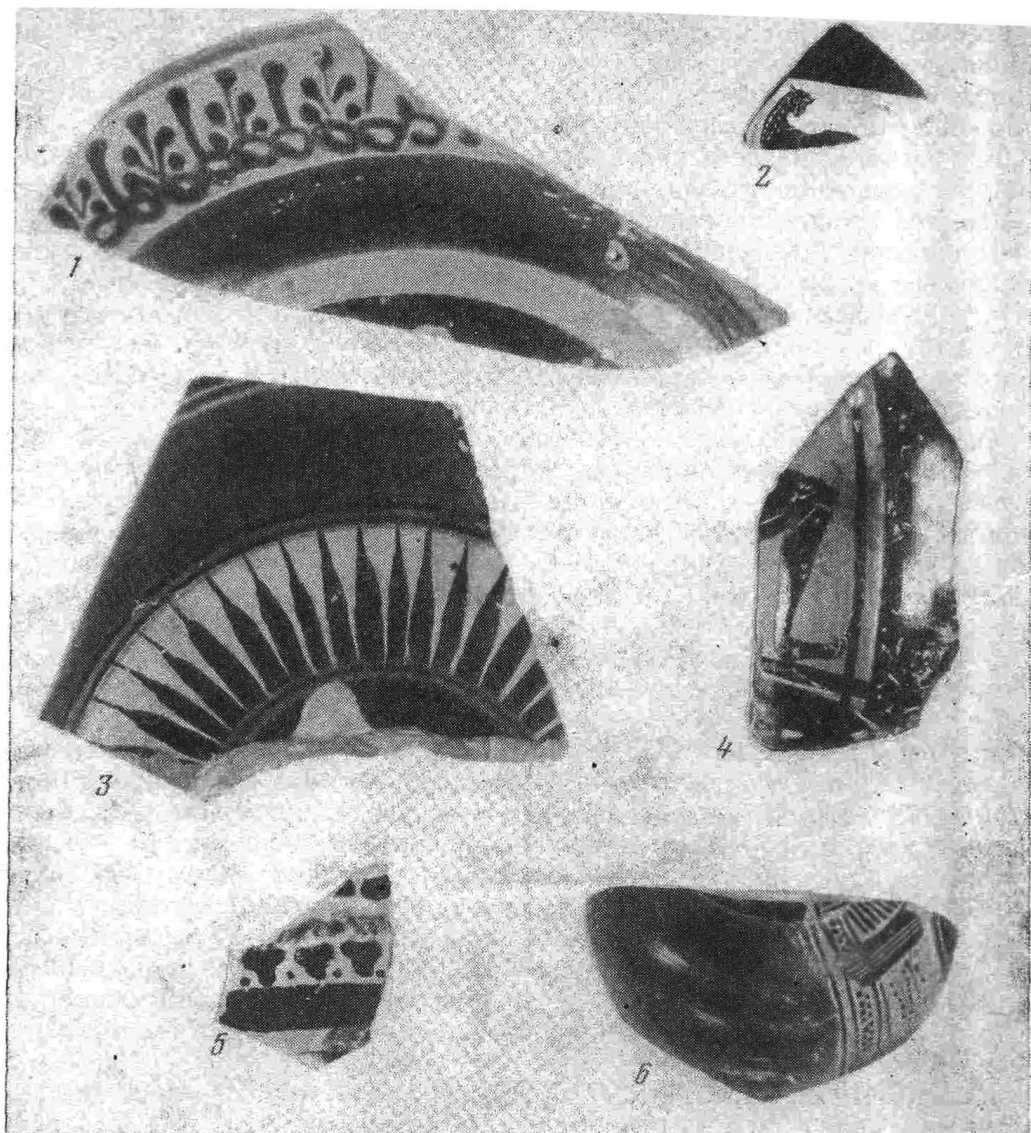

Рис. 1. Чернофигурная керамика из раскопок Херсонеса (1—6)

с переброшенным через нее плащом поднята. Рядом — частично сохранившееся изображение дерева.

Прическа Диониса, детали одежды и дерева выполнены разбавленным лаком. К середине V в. до н. э. фрагмент позволяют отнести трактовка одежды, падающей естественными складками, и воспроизведение нижнего края хитона в виде волнистой линии ²⁷.

9. Фрагмент края кратера (ХМ, п. № 2877/09; рис. 2, 3) со сценой танца или марша-пиррихе. От рисунка сохранились изображения танцующей девушки в аттическом шлеме и набедренной повязке и флейтистки. Лица фигур обращены вправо и даны в профиль, торс девушки в шлеме — в фас в пол-оборота влево. Контуры фигуры танцующей девушки переданы рельефной линией, местами сливающейся с фоном. Пиррихе в Спарте исполняли при военной подготовке. В этом воинственном танце участвовали и девушки. Танцевали они в шлемах и набедренных повязках или обнаженными и были вооружены копьем и щитом. Возможно, и на приведенном фрагменте девушка была изображена с копьем в правой руке и

Рис. 2. Чернофигурная и краснофигурная керамика из раскопок Херсонеса (1—9)

цитом в левой. Фризообразное расположение фигур, торжественность изображения, мягкая трактовка тела позволяют отнести фрагмент к 40—30-м годам V в. до н. э.

10. Фрагмент кратера с изображением флейтистки в профиль влево с тенью в волосах (ХМ, инв. № 774; рис. 2, 2). Трактовка прически и глаза позволяет отнести фрагмент к 30-м годам V в. до н. э.²⁸ Другие фрагменты кратеров того же времени уже рассматривались нами²⁹.

11. Фрагмент килика (ХМ, инв. № 1318; рис. 2, 8). От изображения сохранилась рамка орнамента, обрамлявшая клеймо внутри сосуда, — меандр, прерываемый квадратами с пшечным узором. Он аналогичен орнаменту на расписанном Айзоном килике Мадридского музея, датированном 30-ми годами V в. до н. э.³⁰

12. Фрагмент канфара (ХМ, рис. 2, 5). Подобные относятся к группе St.-Valentin (VII) и датируются третьей-четвертой четвертями V в. до н. э.³¹

Древнейшая керамика распространена в Херсонесе по всей территории города IV в. до н. э. Места ее находок: в северо-восточном районе — «восточная» базилика, «уваровская» базилика, базилика 1877 г., северный конец IX поперечной улицы; в юго-восточном — так называемая цистерна-нимфей, городские ворота III в. до н. э.³² Встречена она при раскопках углублений в скале, где, как правило, сохраняется в Херсонесе древнейший материал, в ямах. Ей сопутствует обильно представленная здесь же аттическая краснофигурная и чернолаковая керамика IV в. до н. э.³³ Некоторые находки зафиксированы в слоях с материалом римского времени³⁴. Отметим, что керамика VI в. до н. э. исчисляется единичными фрагментами. Нам кажется, что находки древнейшей керамики не снимают высокой степени гипотетичности положения о существовании дополисного эмпория. Эта керамика малочисленна, и притом количество ее заметно увеличивается к моменту основания города; распределена она по всей территории, занимаемой городом в IV в. до н. э., и встречается в массе материала конца V—IV в. до н. э. Эти же данные с большей степенью вероятности позволяют говорить о том, что рассматриваемая керамика могла быть принесена первопоселенцами города и использовалась одновременно с основной массой керамики IV в. до н. э. Но, будучи слабым доказательством стационарной жизни, находки этой керамики допускают предположение об использовании бухты заходящими кораблями. Это более вероятно, чем существование здесь рыболовецкой стоянки, так как устремления ионийцев были преимущественно торговыми. Тезис о постепенном освоении места будущих полисов представляется нам историчным, теоретически обоснованным. Проблема эмпориев требует дальнейшего исследования. Вероятно, они возникали не повсеместно. Никаких греческих материалов, свидетельствующих о торговых контактах эмпория на месте Херсонеса в течение 100 лет — с третьей четверти VI по третью четверть V в. до н. э. — с населением юго-западного и южного Крыма, нет. Положение резко меняется с основанием города. Греческий материал в таврских поселениях IV в. до н. э. по границе городской хоры Херсонеса с этого времени становится обильным³⁵.

Не распространяя данные результатов изучения древнейшей керамики из Херсонеса на другие города, мы должны отметить, что гипотезу о более древнем возникновении полиса этот материал не подтверждает. Требуется более серьезная аргументация, которая учитывала бы социально-политическую и религиозную структуру полисов, а также характеристику их как городов.

Обратимся к начальному периоду истории Херсонеса. Высказывалось предположение, что первоначально был застроен восточный район³⁶. Касаясь этого вопроса при анализе краснофигурной керамики, мы установили, что при относительно равномерном распределении ее по восточной части городища наиболее крупные скопления наблюдаются на участ-

ках, где зафиксировано большое количество и другого керамического материала, — на свалках в северном районе, в районе античного театра. Наиболее ранние фрагменты краснофигурной керамики из свалок позволяют считать, что свалки возникли на рубеже V—IV вв. до н. э.³⁷ Вероятно, в это время здесь уже проходила граница города. Наиболее поздние фрагменты относятся к концу IV в. до н. э. По-видимому, до этого времени граница города еще не была отнесена на запад. Некрополи, открытые в северном районе³⁸, а также на участке античного театра³⁹, датируются концом V—IV в. до н. э. При исследовании башни XVII обнаружена многочисленная группа надгробий IV—III вв. до н. э.⁴⁰ Поскольку некрополи на северном берегу и у античного театра перестали использовать в конце IV в. до н. э., надгробия для возведения башни скорее всего могли быть взяты из некрополя юго-восточного района⁴¹. Однако и этот некрополь возник не ранее конца V в. до н. э., так как древнейшие из известных в Херсонесе надгробий относятся к этому времени⁴². Керамические комплексы северного берега, пристеры-нимфея, колодца под печью 9 городского керамика⁴³, северо-западного участка античного театра⁴⁴ не содержат материалов, которые можно было бы датировать временем ранее последней четверти V в. до н. э.

Господствующим типом поселения в Греции со времен Гомера были полисы⁴⁵. Гомер описывает действия царя феаков Навситоя при заложении полиса: «Там он город стенами обвел, построил жилища, храмы воздвигнул богам и поля поделил между граждан» (Od., VI, 9, 10. Перев. В. Вересаева). При основании Александрии царь очертил пределы города, указал место агоры, определил количество храмов и приписал городу сельскохозяйственную территорию⁴⁶. И переселенцы, прибыв к избранному месту, прежде всего сооружали оборонительные стены, затем приступали к разделу земельных участков внутри стен и в хоре⁴⁷.

К. Э. Гриневич, исследовавший древнейшую оборонительную стену в Херсонесе, датировал ее то концом VI, то началом V в. до н. э. по технике кладки и находкам чернолаковой и краснофигурной керамики⁴⁸. Краснофигурная керамика в действительности представлена обломками сосудов беглого стиля — кратеров с орнаментами из ветвей оливы и пальмет (ХМ, инв. № 16006, 16007), складок одежд (ХМ, инв. № 16001) и др., датируемых IV в. до н. э. или, точнее, первой половиной — серединой IV в. до н. э.⁴⁹; венчиком скифоса с изображением стоящих попарно юношей и пальмет (ХМ, инв. № 16005). Обломки чернолаковых сосудов — канфаровидных киликов (ХМ, инв. № 16019, 16020), солонок, рыбных блюдов (ХМ, инв. № 16022, 16009) — также датируются IV в. до н. э.⁵⁰ Подобная керамика найдена на северо-западном участке античного театра, где открыт фундамент оборонительной стены⁵¹, продолжавшей стену, исследованную К. Э. Гриневичем. Дата этой стены — конец V — последняя четверть IV в. до н. э. — определяется материалами некрополя и свалки, содержащей самый обильный в Херсонесе керамический набор⁵².

Херсонес был распланирован по регулярной системе. Древнейшие здания в восточном районе не сохранились. Исходным материалом для исследования архитектуры служат отдельные детали. Наиболее древние из них принадлежат зданиям дорического ордера. Они датируются концом V—IV в. до н. э.⁵³

Уникальные по сохранности памятники городской хоры Херсонеса разнохарактерны и разновременны. Древнейшие из них известны на Маячном мысе. Согласно датировке Н. М. Печенкина они существовали с IV в. до н. э.⁵⁴ С. Ф. Стржелецкий считал, что процесс освоения городской хоры прошел два этапа. На основании древнейших находок он не исключал вероятность размежевки Маячного полуострова на рубеже V—IV вв. до н. э.⁵⁵ В. И. Кац, соглашаясь с С. Ф. Стржелецким относительно двух этапов освоения херсонесскими гражданами прилегающей к городу территории, относил размежевание Маячного полуострова ко времени не ранее

середины IV в. до н. э.⁵⁶ Это время определялось на основании синопских клейм группы I по датировке И. Б. Брашянского. Однако абсолютная хронология синопских клейм до настоящего времени подвергается пересмотру и изменениям. Более раннюю дату начала синопского клеймения выдвигает Б. А. Василенко — группа I относится им к 400—360 гг. до н. э.⁵⁷ Е. Н. Жеребцов пишет о методической несостоятельности датировки усадеб С. Ф. Стржелецким по самым ранним чернолаковым фрагментам⁵⁸. При этом не принимается во внимание произведенная В. И. Кацем систематизация клейменого материала, учитываемого и С. Ф. Стржелецким. Из раскопок на Маячном мысе происходит аттическая краснофигурная и чернолаковая керамика, которая может быть отнесена к первой половине IV в. до н. э. Это фрагменты скифосов с изображением стоящих попарно юношей и пальметт (ХМ, инв. № 1618, 15046)⁵⁹. Из чернолаковой керамики началом IV в. до н. э. датируется солонка с вогнутыми стенками (ХМ, инв. № 1628)⁶⁰. Пока самый многочисленный ранний материал встречен на Маячном полуострове. Это не исключает возможности открытия в будущем следов более древней размежевки. Она могла быть произведена на других близких к городу мысах. В настоящее же время поселение «Старого» Херсонеса определяется как одно из первых в системе хоры Херсонесского государства⁶¹.

Специальное исследование нумизматических и письменных источников по истории Херсонеса показало, что и среди них самые ранние относятся к концу V—IV в. до н. э.⁶² Время возведения стен, строительства домов и храмов, раздела земель убедительно говорит о возникновении полиса в конце V в. до н. э. и первом экономическом усилении его в конце первой половины IV в. до н. э.

- ¹ Тюменев А. И. Херсонесские этюды. — ВДИ, 1938, № 2 (3), с. 245 сл.
- ² Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 80.
- ³ Rostovtzeff M. Irtanians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 63; Жебелев С. А. Возникновение Херсонеса Таврического. — В кн.: Жебелев С. А. Северное Причерноморье. М. — Л., 1953, с. 76, 77; Гриневич Р. Э. Херсонес Таврический. Севастополь, 1928, с. 5, 6; Тюменев А. И. Херсонесские этюды, с. 79.
- ⁴ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи. — ВДИ, 1948, № 1, с. 274; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху. — ПИСЦ, с. 69.
- ⁵ Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса. — Труды ГЭ, XIII, 1972, с. 23; Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь, 1976 с. 11.
- ⁶ Блаватский В. Д. [Рец.]. Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. — ВДИ, 1949, № 3, с. 143; он же. Архаический Боспор. — МИА, № 33, 1954, с. 16.
- ⁷ Блаватский В. Д. Архаический Боспор, с. 4.
- ⁸ Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 64.
- ⁹ Доманский Я. В. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья. — В кн.: Археологический сборник. Л. — М., 1965, с. 139.
- ¹⁰ Виноградов Ю. Г. Прохус Мнигиды из Пантикапея. — ВДИ, 1974, № 4, с. 65.
- ¹¹ Там же, с. 66; Лапин В. В. Греческая колонизация..., с. 80.
- ¹² ВДИ, 1949, № 3, с. 146.
- ¹³ Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев, 1976, № 161.
- ¹⁴ Колесникова Л. Г. Спорт в античном Херсонесе. Л. — М., 1964, с. 21.
- ¹⁵ Гилевич А. М. Античные инокородные монеты из раскопок Херсонеса. — НИС, с. 7.
- ¹⁶ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, с. 123.
- ¹⁷ Стржелецкий С. Ф. Основные этапы..., с. 68.
- ¹⁸ Федоров Б. Н. О дорической архитектуре античного Херсонеса. — В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., 1974, с. 27.
- ¹⁹ Белов Г. Д. Ионийская керамика..., с. 17 сл.
- ²⁰ Белов Г. Д. Некрополь Херсонеса..., с. 274.
- ²¹ ВДИ, 1949, № 3, с. 146.
- ²² Иванов Т. Антична керамика от некрополя на Аполония. — В кн.: Аполония. София, 1963, с. 200.
- ²³ Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953, с. 140; Скюднова В. М. Фрагменты чернофигурных киликов Тлесаона. — Сообщения ГЭ, XI, 1957, с. 45; Горбунова К. С. Фрагменты аттических чернофигурных чаш Тлесаона с острова Березань. — ХРААМ, с. 94; Boardman J. Athenian Black Figure Vases. London, 1974, p. 58.

- ²⁴ CVA, Roumanie, Bucarest, 2, tabl. 19, 3.
- ²⁵ *Wardman J.* Athenian Black Figure Vases, p. 149, № 28; *Иванов Т.* Античная керамика..., табл. 2, 3; CVA, Roumanie, Bucarest, 2, tabl. 21, 9; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.—САИ, вып. Д1-21, табл. XII, 1; XXV, 65.
- ²⁶ *Зедгендзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса.—КСИА, 156, 1978.
- ²⁷ *Richter G. M.* Attic Red-Figured vases. London, 1946, p. 62.
- ²⁸ *Ibid.*, p. 116.
- ²⁹ *Зедгендзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика...
- ³⁰ CVA, Espagne, Madrid, fasc. 2, tabl. III, 7d.
- ³¹ *Горбунова К. С.* Аттические вазы группы St.-Valentin.—Труды ГЭ, [XIII, 1972, с. 70, № 14.
- ³² *Зедгендзе А. А.* Аттическая краснофигурная керамика...
- ³³ Вместе с № 8 нашего описания встречен фрагмент краснофигурного открытого сосуда второй половины IV в. до н. э. (Архив ХМ, д. 110, л. 13). Вместе с фрагментом леканы, аналогичной описанной под № 6, найдены фрагменты чернолаковых и краснофигурных сосудов, в том числе краснофигурного аска с пняким вместилищем и палочным орнаментом (Архив ХМ, д. 87, л. 36). Подобные аски датируются серединой IV в. до н. э. См.: *Лосева Н. М.* Краснофигурная керамика Фанагории из раскопок 1938—1962 гг.—Сообщения ГМИИ, IV, 1968, с. 86. Аск того же времени встречен вместе с фрагментом закрытого сосуда середины V в. до н. э. с изображением юноши (ХМ, инв. № 1699/8). См.: *Гриневич К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера.—ХС, III, 1930, с. 114.
- ³⁴ № 2 нашего описания (Архив ХМ, д. 77, л. 7).
- ³⁵ *Савеля О. Я.* К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами юго-западного Крыма в V—III вв. до н. э.—В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов), ч. I. Киев, 1975, с. 100; *он же.* Об отношениях греков и варваров в юго-западном и южном Крыму в VI—II вв. до н. э.—В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1977, с. 62.
- ³⁶ *Стржелецкий С. Ф.* Основные этапы..., с. 69.
- ³⁷ *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935, 1936 гг. Симферополь, 1938, с. 169.
- ³⁸ *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса..., с. 274.
- ³⁹ *Зедгендзе А. А.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе.—КСИА, 145, 1976, с. 29.
- ⁴⁰ *Стржелецкий С. Ф.* XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зевона).—Сообщения ХМ, IV, 1969, с. 9 сл.; *он же.* Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э.—Там же, с. 77 сл.; *Даниленко В. Н.* Надгробные стелы.—Там же, с. 29 сл.; *Колесникова Л. Г.* Военские надгробия.—Там же, с. 44 сл.; *Соломоник Э. И.* Памятники с надписями.—Там же, с. 55 сл.; *Чубова А. П., Федоров Б. Н.* Вопросы реконструкции живописных надгробий Херсонеса.—КСИА, 145, 1976, с. 3 сл.
- ⁴¹ ОАК за 1908 г., с. 94; ИАК, 25, 1907, с. 141.
- ⁴² *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, с. 75, № 28.
- ⁴³ *Гац В. И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса (Рукопись. Архив ХМ, д. 1418, Приложение, раздел II).
- ⁴⁴ *Зедгендзе А. А.* Исследование северо-западного участка..., с. 33.
- ⁴⁵ *Андреев Ю. В.* Раннегреческий полис. Л., 1976, с. 32, сл.
- ⁴⁶ *Эйне А.* Александрия — программное начало политики основания городов-полисов на эллинистическом Востоке.—В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1977, с. 18.
- ⁴⁷ *Айленко В. П.* Древнегреческая колонизационная практика.—Там же, с. 74.
- ⁴⁸ Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927, с. 21; *Гриневич К. Э.* Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса.—В кн.: Техника обработки камня и металла. М., 1930, с. 61.
- ⁴⁹ *Иванов Т.* Античная керамика..., с. 200.
- ⁵⁰ *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the VI and IV centuries B. C. Princeton, 1970, p. 110, 137.
- ⁵¹ *Домбровский О. И.* Отчет о раскопках 1955 г. в Херсонесе на участке «храма с ковчегом» и «античного театра». Архив ХМ, д. 712, л. 14.
- ⁵² *Зедгендзе А. А.* Исследование северо-западного участка..., с. 33.
- ⁵³ *Федоров Б. Н.* О дорической архитектуре..., с. 22 сл.
- ⁵⁴ *Печенкин Н. М.* Археологические разведки местности Страбоновского старого Херсонеса.—ИАК, 42, 1911.
- ⁵⁵ *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961, с. 41.

- ⁵⁶ *Каз В. И.* О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове. — В кн.: *Античный мир и археология*, I. Саратов, 1971, с. 36.
- ⁵⁷ *Василенко В. А.* К вопросу о датировке синопских клейм. — СА, 1971, № 3, с. 247—250; *он же.* Керамические клейма из античных поселений на побережье Днестровского лимана как источник для изучения торговых связей Северо-Западного Причерноморья с греческим миром (V—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дисс. М., 1972, с. 18.
- ⁵⁸ *Жеребцов Е. Н.* Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э. — КСИИ, 145, 1976, с. 15.
- ⁵⁹ *Иванов Т.* Античная керамика..., с. 200.
- ⁶⁰ *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery..., N 934.
- ⁶¹ *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы докладов. Киев, 1975, с. 136.
- ⁶² *Соломонович Э. И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса. — ВДИ, 1976, № 3, с. 121 сл.; *Зограф А. Н.* Античные монеты, с. 42.

Е. Н. ЖЕРЕБЦОВ

НОВОЕ О ХЕРСОНЕССКОМ СКЛЕПЕ 1012

В 1899 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл ворота Херсонеса эллинистического времени с подстенным склепом 1012, содержащим первоклассные ювелирные изделия IV в. до н. э. Принадлежность крепостной стены с воротами и склепа (якобы устроенного под ней нарочито) ¹ одному строительному периоду до сих пор ни у кого не вызывала сомнения. Предпринимались попытки сколько-нибудь правдоподобно объяснить необычное для греков местоположение семейной гробницы под боевой стеной в двух футах от городских ворот ².

В 1927 г. дополнительные раскопками у ворот, предпринятыми К. Э. Гриневичем, были открыты остатки боевой стены предшествующего периода, которую исследователь датировал V в. до н. э. и объявил древнейшей ³. Поскольку датировка стены и ворот 1899 г. по находкам в склепе IV в. до н. э. казалась бесспорной ⁴, а распланировка античных кварталов портовой части города (в частности, так называемой казармы) действительно соответствовала именно открытой К. Э. Гриневичем линии оборонительной стены, датировка этой последней временем основания Херсонеса до недавнего времени не подвергалась критике ⁵.

В 1956 г. при консервации руин «казармы» мы предположили, что отрезок стены с рустованной кладкой, перекрытый воротами 1899 г., является пилоном ворот в боевой стене предшествующего периода (фундамент которой был прослежен под «казармой»), что и подтвердилось зачистками, проведенными через год С. Ф. Стржелецким.

Стена 1927 г. с воротами перекрывает могилу, раскопанную в 1899 г. и не сохранившую захоронения. Остатки еще двух могил прослежены нами в проеме ворот 1899 г. В 1957 г. С. Ф. Стржелецкий раскопал большой склеп, смежный со склепом 1012 и тоже перекрытый стеной 1899 г. Этот склеп, однако, был по ошибке принят С. Ф. Стржелецким за нимфей, т. е. за городской колодезь, и введен в научный обиход в качестве такового ⁶, причем единственным основанием, по-видимому, послужило заполнение его родниковой водой (рис. 1). Между тем раскопки эллинистических слоев в пределах портовой части Херсонеса почти повсюду очень затруднены обильными почвенными водами, происхождение которых, впрочем, вполне понятно. Толщей культурного слоя, достигающего здесь местами десятиметровой мощности, а также тремя линиями крепостных стен с их глубокими фундаментами издавна был перекрыт тальвег безымянной балки, впадавшей в Карантинную бухту на месте херсонесского порта. При этом образовался бессточный участок с бассейном в несколько квадратных км

Рис. 1. «Нимфей», вид с севера

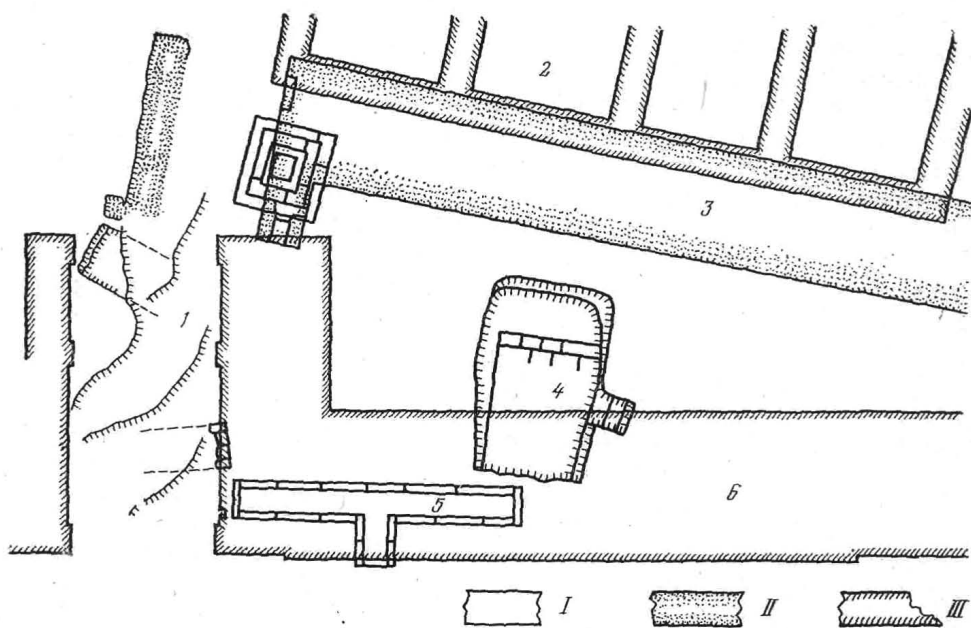

Рис. 2. План эллинистических ворот 1899 г. (1 : 100)

I — строительный период I; *II* — строительный период II; *III* — строительный период III;
 1 — скала; 2 — «казарма»; 3 — стена 1927 г.; 4 — «нимфей»; 5 — склеп 1012; 6 — стена 1899 г.

пометров. В настоящее время он в холодное время года заболачивается. Именно это обусловило уровень грунтовых вод, подтопивших перекрывающие «нимфей» культурные напластования. В IV в. до н. э., когда здесь находился некрополь Херсонеса, режим этих вод был иным.

О погребальном назначении «нимфея» свидетельствует не только расположение, но и устройство этого сооружения. Местоположение водораз-

борного бассейна у городских ворот, за пределами города, непонятно. Между тем этот прямоугольный выруб в материковом известняке имеет обычные для склепов дромос и выемки для покровных плит по периметру (в склепе были, видимо, две погребальные камеры). Перекрытие «нимфея» располагалось на несколько десятков сантиметров ниже границы буттового фундамента и лицевой кладки стены 1927 г. (рис. 2). Таким образом, одновременность этих построек тоже определена С. Ф. Стржелецким неверно⁷. Линии оборонительных стен, открытых в 1927 г., предшествовал на данном участке некрополь, который и датируется инвентарем склепа 1012, бывшего одной из могил этого некрополя, по счастью не подвергшейся ограблению.

Все пять смежных могил составляют пока единственный по сохранности участок раннего херсонесского некрополя (наряду с кладбищем со скорченными костяками на северном берегу городища), не перекрытый более поздними захоронениями. Этот участок позволяет судить о расположении одновременных могил, а также о разнообразии их архитектуры. Изолированное положение всех этих могил, возможно имевших общую ограду, свидетельствует, видимо, об их принадлежности родственным семьям богатых херсонеситов.

Архитектура склепа 1012 на первый взгляд довольно необычна, что также помешало верной его интерпретации. Длина камеры склепа 7,55 м, ширина — 0,62 м, высота — 0,89 м. В склеп ведет расположенный посредине относительно короткий (1,45 м) дромос. Поскольку поверхность материкового известняка здесь наклонена к востоку, для западной половины склепа был сделан выруб в скале, восточная же половина впущена в покровный щебнистый суглинок. Склеп был сложен из тщательно подогнанных известняковых плит и содержал шесть расположенных в ряд трупосожжений в урнах (седьмое захоронение находилось непосредственно за закладной плитой в дромосе).

Проведенное нами дополнительное обследование позволило выявить несколько незамеченных раньше конструктивных особенностей склепа. Выяснилось, что цокольный ряд стены 1899 г. уложен на плиты перекрытия не самого склепа, а лишь его дромоса; плафон же склепа покрыт глинисто-буттовым заполнением стены⁸. Осевые линии стены 1899 г. и склепа 1012 не параллельны. Таким образом, никакой перевязки кладки боевой стены с покровными плитами склепа не существует, т. е. преднамеренного конструктивного сгласования этих построек, как это утверждали наши предшественники, на самом деле нет.

Склеп 1012 имеет весьма близкую аналогию в самом Херсонесе. Это могила 1715—1722, открытая в 1903 г. в периболе у башни XII⁹. Такие длинные и узкие погребальные камеры, предназначенные для урн с трупосожжениями, видимо, соответствовали определенному типу семейных надгробий. Возможно, что именно над ними ставили в ряд несколько стел на общем длинном постаменте.

Находки из склепа 1012 могут быть привлечены для датировки стены и ворот 1899 г. лишь косвенно.

Дата инвентаря трупосожжений этого склепа (по К. Э. Гриневичу — середина IV — рубеж IV—III вв. до н. э.) намечает *terminus post quem* оборонительной линии, открытой в 1927 г., и соответствующего ей этапа расширения территории города.

⁷ Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическим в 1899 г.— ИАК, 1, 1901, с. 6; Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического.— ХС, I, 1926, с. 2.

⁸ Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического (I), с. 12; Пятыхшева Н. В. Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 105, 106.

⁹ Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического.— ХС, II, 1927, с. 28, 29.

- ⁴ Там же, с. 16.
- ⁵ *Стржелецкий С. Ф.* Вопросы датировки оборонительных стен Херсонеса. Архив ХМ, д. 765, с. 14 сл. По С. Ф. Стржелецкому, дата стены 1927 г.— III в. до н. э. Аргументация не дана.
- ⁶ *Щеглов А. Н.* [Рец.]. Сообщения Херсонесского музея, вып. IV.— ВДИ, 1970, № 3, с. 173, 174.
- ⁷ Заполнение северной камеры «нимфея» содержало большое количество фрагментов керамики первой половины IV в. до н. э., в основном импортной тары. Происхождение этого материала пока не удалось объяснить. Возможно, что это выброс из траншеи под фундамент боевой стены 1927 г. Вообще С. Ф. Стржелецкий не доследовал этот любопытный памятник и не написал отчета. Поскольку склеп вскоре был засыпан отвалами новых раскопок, нам не удалось даже выяснить, вскрывалась ли южная (большая) камера склепа, плафон которой был принят С. Ф. Стржелецким за площадку для спуска к воде (рис. 2).
- ⁸ Восточная стенка склепа была пробита изнутри, видимо во время фашистской оккупации 1942—1944 гг. Отверстие позволило нам сделать эти важные наблюдения.
- ⁹ *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет в Археологическую комиссию за 1903 г.— ИАН, 16, 1905, с. 106; *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического, ч. III.— ХС, I, 1959, с. 115—119 (приложение 1). Для удобства приведем (с сокращениями) описание этой могилы, сделанное самим К. К. Косцюшко-Валюжиничем: «У прямоугольной башни Д (ныне XII.— Е. Ж.)... обнаружена вырубленная в материковой скале канава до 0,45 м ширины, до 0,55 м глубины и 5 м длины, которая первоначально была закрыта громадной плитой из твердого степного известняка... Канавка служила семейной гробницей, по-видимому, в IV в. до н. э., и вмещала в себе шесть глиняных урн...»

М. А. ТИХАНОВА

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ДАТИРОВКИ ЗАКРЫТЫХ КОМПЛЕКСОВ РИМСКИМИ МОНЕТАМИ

Вопросы хронологии специально римского периода в «barbaricum» привлекали пристальное внимание зарубежных археологов. Вслед за основополагающим исследованием Х. Ю. Эггерса¹ появились труды К. Годловского², в которых разработана применительно к Центральной Европе относительная и абсолютная хронология позднеримского периода и ранней фазы эпохи переселения народов. Хронологическая шкала Эггерса — Годловского и предложенная последним методика определения относительной и абсолютной хронологии получили широкое признание. При установлении относительной хронологии используется корреляция между анализируемыми типами вещей в закрытых комплексах, какими прежде всего являются погребения. Там, где возможно, используется и горизонтальная стратиграфия могильников, раскопанных полностью или в значительной части³. При установлении абсолютной хронологии объективным критерием выступает взаимовстречаемость датирующих вещей в закрытых комплексах. Дата комплекса или могильника, а тем более культуры в целом, определяется периодом совместного существования хорошо датированных вещей: импортных изделий, изделий из металла — прежде всего фибул, пряжек, оружия и т. п.⁴

Датировка черняховской культуры до относительно недавнего времени оставалась неразработанной. В известной мере переломным моментом оказалась состоявшаяся в декабре 1967 г. во Львове конференция по проблемам черняховской культуры. Несколько докладов было посвящено вопросам хронологии⁵. Существуют три датировки черняховской культуры: старая — II—V вв., предложенная еще В. В. Хвойкой и принимаемая вплоть до самого последнего времени рядом исследователей⁶, «уз-

кая» — III—IV вв.⁷ и «широкая» — II—VIII вв., несостоятельность которой убедительно показал Д. Т. Березовец⁸.

Основным аргументом в пользу начальной даты (II в.) по существу выступают только римские монеты, находимые единицами на поселениях и в немногочисленных погребениях, а также в кладах, зарытых несколько позже, — в самом конце II в. и в первые десятилетия III в.⁹ Массовый приток римских монет в Восточную Европу приходится на время не ранее второй половины II в. (точнее — около 180 г.). Он был очень кратковременным и прекратился не позже 235 г.¹⁰ Исключение, быть может, составляли лишь западные и юго-западные окраины Восточной Европы (Верхнее Поднестровье, Прикарпатье и Молдавия). «Находки на памятниках черняховской культуры более ранних монет (от Нерона до Марка Аврелия) не имеют датирующего значения. Римские денарии I и первой половины II в. н. э. были завезены в Восточную Европу значительно позже времени своей чеканки, вместе с монетами Коммода, Пертинакса, Клодия Альбина, Юлии Домны, Септимия Севера и других императоров конца II и первой трети III в. н. э.»¹¹ Такая же картина наблюдается и в Польше, где самые оживленные контакты и приток римских монет имели место в последние десятилетия II и первые десятилетия III в. н. э.¹²

Следует учитывать весьма ограниченные возможности использования римских монет для датировки и в другом аспекте. Хорошо известно, что значительное число денариев I и II вв. продолжало находиться в обращении в варварских странах в позднеримский период. Многочисленные находки говорят о том, что часть денариев I и II вв. находилась в постоянном обращении в III в. и, видимо, в IV и V вв.¹³

Осторожность польских археологов и нумизматов полностью поддерживается и их немецкими коллегами. Так, Б. Шмидт предостерегает от рассматривания монет и римского импорта в закрытом комплексе как безусловно (*unbedingt*) определяющих его дату¹⁴. Показательно и то, что два таких крупных исследователя, как А. Радноти и П. Карнич, считают сомнительной возможность датировать погребения монетами первых двух столетий нашей эры. А. Радноти, в частности, ссылается на многочисленные примеры могильника Интерцизы с его более чем тысячей захоронений, где в погребениях III в. находились ассы и дупондии предыдущих столетий¹⁵. П. Карнич полагает, что монеты могут указывать только на *terminus post quem*¹⁶. Х. В. Бёме в недавно опубликованной работе, посвященной германским погребальным памятникам IV—V вв. между Эльбой и Луарой¹⁷, закономерно различает время зарытия монеты и время ее чеканки. Г. Мильденбергер также подчеркивает необходимость считаться с длительной жизнью монет¹⁸.

Трудно согласиться с возражениями, выдвинутыми Э. А. Сымоновичем против приведенного выше положения В. В. Кропоткина, что находки ранних римских монет (от Нерона до Марка Аврелия) не имеют датирующего значения. По мнению Э. А. Сымоновича, изобилие монет II в. в кладах или в виде отдельных находок чрезвычайно показательны для установления времени существования ранних черняховских памятников¹⁹.

Разумеется, при использовании монет для датировки комплексов, в которых они найдены, важно учитывать их состояние — степень сохранности или изношенности²⁰.

Утверждение насчет обилия римских монет на памятниках черняховской культуры распространено в нашей археологической литературе и нашло отражение в редакционном введении к материалам львовского совещания, где говорится, что «в черняховской культуре бытует огромное количество римских монет и изделий римских мастеров II—IV вв.»²¹. Однако во всяком случае в первой своей части это утверждение не соответствует действительности. Из более чем 2 тыс. памятников черняховской культуры в пределах ее ареала, включая и Румынию, римские монеты обнаружены только на 65 поселениях (в том числе в пяти жилищах) и в 34 мо-

гильниках (притом только в 27 закрытых комплексах, а в остальных семи могильниках — на их территории, но не в самих погребениях).

Почти полное отсутствие римских монет в погребениях черняховской культуры не случайно. Оно объясняется тем, что черняховский погребальный ритуал, как и погребальный ритуал пшеворской²² и восточно-поморско-мазовецкой (цеделе-вельбарской)²³ культур и других синхронных культур Центральной Европы, не предусматривал положения монет в могилу; в отличие от погребального ритуала западных балтов, в могилах которых постоянно встречаются римские монеты II и III вв.²⁴ Обычай этот известен и у сармат междуречья Тисы и Дуная, с влиянием которых на балтов К. Годловский предположительно связывает распространение и у балтов того же обычая²⁵.

Отсутствуют римские монеты и в позднеримских могильниках германского круга, раскопанных полностью или почти полностью. Единичными встречаются они лишь в отдельных погребениях, например в погребении с труположением в Шлоттгейме (окр. Мюльгаузен, Тюрингия). Сильно стертые монеты — денарий Траяна и дупондий, вероятно, Антонины Пия или какого-то другого императора из дома Антонинов или Северов — лежали под поясной пряжкой почти омеговидной формы, находившейся у правого локтя. Погребальный инвентарь включал трехслойный гробень с полукруглой спинкой, украшенной пунктирным орнаментом, бронзовую подвязную фибулу с узкой ножкой (типа AVI1), глиняный сосуд типа Schalenurne. Исследователи правильно датируют погребение концом III в., хотя монеты — значительно более ранней эмиссии. Но называть это погребение датированным монетами²⁶, нет оснований.

Та же картина в Чехословакии. Е. Кольникова в работе о римских монетах в Словакии упоминает о находках римских монет в трех урновых трупосожжениях. Столь же единичны монеты в погребениях с труположениями: бронзовый асс Адриана из Чачов (окр. Сеница) и сестерций Марка Аврелия 166 г. из Нитрианской Сучаны²⁷.

В Моравии найден антониниан Проба (276—282), использованный в качестве подвески в погребении 2 могильника Костелец на Гане, датированном И. Земаном и К. Годловским фазой C₃ (315—360 гг.)²⁸. Серебряный денарий Фаустины Старшей (138—141) встречен в погребении с труположением в могильнике рубежа X—XI—XIII вв. в Моравичанах (окр. Шумпера)²⁹.

В Дании, в Аарлеве на о-ве Фюнне в парном погребении конца III — начала IV в. найден ауреус Геты (211—212)³⁰, в погребении того же времени в Хаагеруп — денарий Элия цезаря (137 г.)³¹, в Беннебо — денарий Антонина Пия чеканки 145—147 гг.³²

В Венгрии в Алатыян в погребении с труположением конца IV или первой половины V в. рядом с двулезвийным мечом обнаружены серебряная монета Домициана (81—96) и бронзовая — Коммода (180—192)³³.

Исключение представляют так называемые княжеские погребения Центральной Европы — в Польше, Словакии и Тюрингии. Все они датируются фазой C₂, т. е. временем после разгрома римского лимеса в 259—260 гг. германцами и захвата богатейшей добычи. В этих погребениях римские монеты синхронны захоронениям. Это в основном ауреусы (во всяком случае в Тюрингии), но уже в ином качестве — в виде обода во рту погребенного или в виде подвески в ожерелье. Так, в Польше в Закжуве в погребении III в камере среди погребального инвентаря была обнаружена деревянная шкатулка с вделанной в ее крышку монетой Септимия Севера (193—211), а также четыре денария, из которых один — Адриана (117—138) и один ауреус Клавдия Готского (268—270)³⁴.

В одном из княжеских погребений Словакии³⁵, в Островянах (б. Остропатака) в погребении 2, вскрытом в 1865 г. (вероятно, труположение), встречен ауреус Эреннии Этрусциллы, жены Деция Старшего (248—251). Он просверлен, т. е. выступает в качестве подвески³⁶.

К северу от Эрфурта (ГДР) в Хасслебене в погребении 8 в рот захороненной женщины вложен ауреус Галлиена (260—268), а ожерелье включало три просверленных ауреуса: один — Адриана и два — Антонина Пия. В другом открытом там же мужском погребении 4, самом богатом после женского, найден ауреус Викторина (268—270), также в качестве обола³⁷. В том же могильнике погребение, открытое Моллером, содержало два ауреуса — Траяна и Адриана³⁸.

Кроме Хасслебена, в ту же группу входит могильник в Лойна (окр. Галле). В его «княжеском» погребении найдены ауреусы Тетрика (270—273) и Валериана (253—260), также положенные в качестве оболов³⁹. В том же районе открыты групоположение в Эмерслебене с ауреусом Александра Севера (222—235) во рту умершего и погребение 2 с ауреусом Постума (258—267)⁴⁰. Аналогичны погребения в Флурштедте (окр. Веймара) с ауреусом Галлиена (260—268) во рту умершего⁴¹, а также в Галле — с денарием Коммода (180—192)⁴². В погребении в Кроффорде пять ауреусов Постума выступают в качестве подвесок⁴³.

Но вернемся к погребальным комплексам черняховской культуры. Как говорилось, таких комплексов с монетами очень немного — всего 27: 9 — в Среднем Приднепровье, 1 — на Порожистом Днестре, 1 — в Нижнем Приднепровье; 6 — в междуречье Днестра — Днестра и Буга, 2 — в Молдавии и 8 — в Румынии.

В Среднем Приднепровье все монеты черняховских памятников — конца I и II в.⁴⁴, за исключением биллонового антониниана Валериана в Талалаевке Христиановского р-на Черкасской обл.⁴⁵ и подражания ауреусу Гордиана III (238—244) в Черняховском могильнике. В богатом погребении 160 Черняховского могильника обнаружены две монеты, завернутые в ткань, — денарий Фаустины Младшей (около 175 г.) и варварское подражание ауреусу Гордиана III⁴⁶. Само же погребение четко датируется по погребальному инвентарю (двупластинчатые фибулы, толстостенный стеклянный кубок, украшенный шлифованными овалами, и др.) IV в.⁴⁷ Еще более показательно женское погребение 71 Масловского могильника⁴⁸. Денарий Адриана (117—138) лежал на расстоянии 18 см слева от черепа и так же, как и в Черняхове, был завернут в ткань (монета плохой сохранности). Погребальный инвентарь включал две двупластинчатые фибулы, пряслице, бусы, разбитое зеркальце, классическую круговую черняховскую керамику (три горшка, четыре миски). Эти вещи точно датируют погребение IV в., а не временем «не ранее середины III в. н. э.», как первоначально считал С. В. Коршенко, и не концом II, возможно, началом III в., как полагал В. П. Петров⁴⁹.

На Порожистом Днестре в Привольном найден денарий Септимия Севера⁵⁰. В Нижнем Приднепровье, в Коблеве, в погребении 25, где встречены обломки стеклянного кубка с шлифованными овалами, относящегося ко времени не ранее конца III—IV в., обнаружена монета Траяна начала II в.⁵¹

Мало чем отличается (за одним исключением)⁵² и состав монетных находок в погребениях междуречья Днестра — Днестра — Буга. Эти монеты также не выходят за пределы II в.⁵³ Наконец, в Молдавии известны единичные находки поздних римских монет IV в. и клады, в том числе и в двух черняховских погребальных комплексах, но монеты там также ранние: в могильнике Балцаты Криулянского р-на в разрушенном погребении найден денарий Фаустины Старшей (138—141), а в Будештах того же р-на, в могильнике, где Э. А. Рикман вскрыл 363 погребения, только в одном (57) обнаружена медная монета, по-видимому Траяна, использованная в качестве подвески в ожерелье⁵⁴. Э. А. Рикман относит могильник к эпохе великого переселения народов⁵⁵.

Несколько иная картина в закрытых комплексах культуры Сынтана де Муреш — Черняхов в Румынии. Здесь монеты в погребениях тоже редки: их нет ни в Сынтана де Муреш, ни в Тыргу-Муреш, ни в Индепен-

денге, ни в могильниках Мунтении и др. Но все же известны три могильника, в отдельных погребениях которых были римские монеты. Это Тыргшор, Лецкани и Братей.

В Тыргшоре (Трансильвания) — могильнике конца III—IV в. — было найдено десять римских монет, но только четыре из них — в комплексах: в погребении 74 с труположением — фрагментированный денарий Адриана эмиссии 134—138 гг., лежавший под подбородком; в погребении 125, также с труположением, — фрагментированный посмертный (Divus) денарий Антонина Пия 161 г., лежавший на туловище; в трупосожжении 147 — денарий Септимия Севера (193—211) плохой сохранности, лежавший под урной; наконец, в могиле с труположением 225 — денарий Коммода эмиссии 183—185 гг. использованный в качестве подвески⁵⁶.

Иного характера находка силиквы Констанция II 348 г. в погребении 23 могильника в Лецкани (деп. Яссы)⁵⁷. Монета употреблена в качестве подвески. Б. Митря подчеркивает редкость этой эмиссии и указывает, что монета в обращении не была⁵⁸.

В Братей (деп. Сибиу) в погребении 259 найдена силиква Константина II цезаря, чеканенная в Никомедии около конца 328 г. Она хорошей сохранности, но изношена от длительного обращения. В погребении 227 оказалась силиква того же Константина II, чеканенная в Сирмии около конца 353 г. Монета хорошей сохранности, обращалась очень недолго или вовсе не обращалась. В погребении 228 обнаружена фрагментированная силиква Валента, чеканенная на монетном дворе Антиохии в 373 г. Монета в обращении не была⁵⁹.

Нет сомнения, что монеты из могильников в Братей и Лецкани, в отличие от монет в могильнике Тыргшор и находимых на Украине и в Молдавии, могут и должны учитываться при датировке погребальных комплексов и могильников в целом⁶⁰.

¹ Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit in Freien Germanien. — JRGZM, II, 1955.

² Godłowski K. Niektóre węzłowe problemy badań nad kulturą przeworską w okresie rzymskim. — Prace archeologiczne, 8, 1967, s. 72—93; *idem*. The Chronology of the Late Roman and early Migration Periods in Central Europe. — Prace archeologiczne, 11, 1970; *idem*. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej. — Rocznik Białostocki, XII, 1974, s. 9—110.

³ Godłowski K. The Chronology..., p. 7.

⁴ Godłowski K. The Chronology..., p. 8; Шукин М. Б. О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождении славян. — СА, 1975, № 4, с. 57; Štukin M. B. Das Problem der Cernjachov-Kultur in der Sowjetischen Archäologischen Literatur. — ZfA, 9, 1975, S. 33.

⁵ Кротошкин В. В. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе. — КСИА, 121, 1970, с. 52—56; Никитина Г. Ф. Гребни черняховской культуры (тезисы доклада). — Там же, с. 65, 66; Смиленько А. Т. О хронологии керамики черняховского типа. — Там же, с. 76—81; Шукин М. Б. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья. — Там же, с. 104—113.

⁶ В их число теперь приходится включить и Э. А. Рикмана, которого в 1974 г. мы отнесли к сторонникам «узкой» датировки (Тиханова М. А. К вопросу обмена и торговли в эпоху черняховской культуры. — КСИА, 138, 1974, с. 71). Об изменении позиции Э. А. Рикмана отчетливо говорит недавно вышедшая его книга «Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры» (М., 1975, с. 237—243). Ср. датировку черняховского могильника у с. Малиновцы на Днестре II—V вв.: Пачкова С. П., Петращенко В. А., Яковенко Э. В. Работы на Среднем Днестре. — АО 1975 г. М., 1976, с. 375.

⁷ Шукин М. Б. О трех датировках черняховской культуры. — КСИА, 112, 1967, с. 2, 9; *он же*. К вопросу..., с. 105—111. Ср.: Godłowski K. The Chronology..., p. 109, 110; *idem*. Chronologia..., s. 85; Шукин М. Б. О начальной дате черняховской культуры. — В кн.: Kultury archeologiczne i strefy kulturowo w Europie Środkowej w okresie wpływow rzymskich. — Prace archeologiczne, 22, 1976, s. 303—317.

⁸ Березовец Д. Т. О датировке черняховской культуры. — СА, 1963, № 3, с. 97—110.

⁹ Тиханова М. А. К вопросу обмена..., с. 70. «Нижняя дата — II в. — хорошо подтверждается находками римских монет и не вызывает сомнений у исследователей» (Березовец Д. Т. О датировке..., с. 97). Ср.: Петров В. П. Масловский могильник. —

- МИА, № 116, 1964, с. 163; *Сымонович Э. А.* Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культуры полей погребений.— КСИА, 133, 1973, с. 24.
- ¹⁰ *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н. э. М., 1967, с. 33.
- ¹¹ *Кропоткин В. В.* Хронология..., с. 52.
- ¹² *Godłowski K.* Kultura przeworska na Górnym Śląsku. Katowice, 1969, s. 108. Ср.: *Gupieniec A.* Pieniądz kruszony na obszarze województwa Łódzkiego w okresach lateńskim i rzymskim.— Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi, ser. archeologiczna, N 22, 1975, s. 272.
- ¹³ *Godłowski K.* Wymiana handlowa ludności przeworskiej na Górnym Śląsku z imperium Rzymskim.— Archeologia, 16, 1965, s. 45, 46; *idem.* Kultura przeworska..., s. 106.
- ¹⁴ *Schmidt B., Hermann A.* Ein münzdatiertes Grab der spätrömischen Kaiserzeit von Schlottheim, Kr. Mühlhausen.— Alt-Thüringen, Bd 9, 1967, S. 184.
- ¹⁵ *Radnoti A.* [Pen.] *R. Nierhaus.* Das römische Brand- und Körpergräberfeld «Auf dem Steig» in Stuttgart, Bad Cannstatt. Die Ausgrabungen im Jahre 1955, Stuttgart, 1958.— Bayerische Vorgeschichtsblätter, H. 25, 1960, S. 330, 331.
- ¹⁶ *Karnitsch P.* Reliefsigillata von Ovilava. Linz, 1959, S. 13.
- ¹⁷ *Böhme H. W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen unteren Elbe und Loire. Zur Chronologie und Bevölkerungsgeschichte.— Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd 19, 1974, Textband, Münzen, S. 149—152.
- ¹⁸ *Germania*, 53, 1-2, 1975, S. 260; *Zadoks-Josephus Jitta A. N.* Die Münzen (in Deurne) Spätromische Gardehelme hrsg. von Hans Klumbach.— Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd 15, 1973, S. 70.
- ¹⁹ См. обсуждение доклада В. В. Кропоткина в КСИА, 121, 1970, с. 56. Ср. утверждение Э. А. Сымоновича о ценности находки римской монеты середины II в. для датировки поселения черняховской культуры в Нижнем Приднепровье у с. Бургунок Бериславского р-на Херсонской обл., хотя, судя по всем обнаруженным на поселении материалам классической черняховской культуры, монета Фаустины (Старшей или Младшей — не указано — М. Т.) не может быть датирующей (*Сымонович Э. А.* Черняховская экспедиция.— АО 1975 г. М., 1976, с. 398).
- ²⁰ *Mitra V.* Découvertes récentes et plus anciennes de monnaies antiques et byzantines en Roumanie.— Dacia, NS, XIV, 1970, p. 467, 476—478, 481; *Zadoks-Josephus Jitta A. N.* Die Münzen..., S. 70; *Hershend F.* Some Critical Views of Joachim Werner Münzdatierte Grabfunde.— Tor, XIV (1970—1971), 1972, p. 55.
- ²¹ КСИА, 121, 1970, с. 3. Неточно это утверждение и во второй части — относительно даты изделий римских мастерских.
- ²² В работе 1960 г. К. Веловейский называет 11 погребений, в том числе и «княжеское» (погребение 111) в Заклуве, в которых были найдены римские монеты (*Wielowiejski J.* Przemiany gospodarczo-społeczne u ludności Południowej Polski w okresie różnolatteńskim i rzymskim.— Materiały starożytne, 6, 1960, s. 216, N 2159, 2160). Позднее римские монеты были обнаружены еще в нескольких погребениях пшеворской культуры, однако точное их число и достоинство монет из-за недостаточной информации установить невозможно. Во всяком случае, ни в одном из больших могильников пшеворской культуры, в частности и в раскопанных полностью, монет нет.
- ²³ Исключение представляет погребение 36 могильника Брест-Трипиш, где были найдены субератный денарий Траяна с двумя отверстиями для подвешивания (*Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Трипиш.— КСИА, 100, 1965, с. 98; *Кропоткин В. В.* Новые находки римских монет на территории СССР.— НЭ, VI, 1966, с. 95, № 176 (1889)).
- ²⁴ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Е4-4, 1962, с. 41—44, 98, 103; *Bolln S.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen.— Prussia, 26, 1926, S. 203—240; *idem.* Funde römischer und byzantinischer Münzen im Freien Germanien.— 19. Bericht der RGK, 1930, S. 89, 93; *Godłowski K.* The Chronology..., p. 103; *idem.* Chronologia..., s. 88.
- ²⁵ *Godłowski K.* The Chronology..., p. 103; *idem.* Chronologia..., s. 88.
- ²⁶ *Schmidt B., Hermann A.* Ein münzdatiertes Grab..., S. 187, 189, 192.
- ²⁷ *Kolníková E.* K interpretácii náleзов rímskych mincí na Slovensku.— Slovenska numizmatyka, 2, 1972, s. 39—41.
- ²⁸ *Zeman J.* Severní Morava v mladší době římské (Problémy osídlení v světle rozboru pohřebiště z Kostelce na Hané). Praha, 1961, s. 246.
- ²⁹ *Nekvazil J.* Raně středověké pohřebiště v Moravičanach.— Přehled výzkumů, 1960, s. 101, 102.
- ³⁰ *Eggers H. J.* Zur absoluten Chronologie..., S. 81, N 84.
- ³¹ *Ibid.*, S. 82, N 102.
- ³² *Ibid.*, S. 84, N 156.
- ³³ *Kovrig I.* Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán.— AN, NS, Bd 40, 1963, S. 193—197. И. Ковриг датирует погребение концом IV — первой половиной V в., И. Вернер — первой половиной V в., но не ранее 425 г. Ср. более раннюю датировку И. Бона — первое тридцатилетие IV в., против чего возражает М. Пардуд (*Godłowski K.* Niektóre węzły problemy..., s. 80).
- ³⁴ *Eggers H. J.* Zur absoluten Chronologie..., S. 109, N 770; *Majewski K.* Importy rzymskie w Polsce. Warszawa — Wrocław, 1960, s. 34, 60, N 88; *Godłowski K.* The Chronology..., pl. 25, 18—21.

- ³⁵ В самом раннем из княжеских погребений Словакии — в Страже (окр. Пьестаны) — монет нет (*Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 149, N 1972); в Цейкове (окр. Требишов) найдена монета Антонина Пия 139 г. (*Beninger E. Der Wandalenfund von Czeke-Sejtkov.— Annalen der Naturwissenschaftlichen Museum von Wien, Bd XLV, 1930, S. 193; Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 147, N 1944).
- ³⁶ *Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 148, N 1967; *Onárouch V. Bohaté hroby z doby Rímskej na Slovensku. Bratislava, 1957. Ср.: Kohníková E. K interpretácii...*, s. 41.
- ³⁷ *Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 137, N 1635.
- ³⁸ *Schmidt B., Hermann A. Ein münzdatiertes Grab...*, S. 187, 188.
- ³⁹ *Schulz W. Leuna ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953; Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 134, N 1536. Ср.: *Werner J. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der ingentia auxilia Germanorum des gallischen Sonderreiches in den Jahren 259—274 n. Chr.— In: Festschrift für W. Schlesinger, Bd 2. Hrsrg. von W. Beumann. Köln — Graz, 1973, S. 1—30.*
- ⁴⁰ *Schulz W. Die Grabfunde des 4. Jahrhunderts von Emersleben bei Halberstadt.— Zeitschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, Bd 36, 1952, S. 105—118; Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 132, N 1493, 1494.
- ⁴¹ *Schulz W. Die Grabfunde...*, S. 136; *Eggers H. J. Zur absoluten Chronologie...*, S. 136, N 1611.
- ⁴² *Schulz W. Die Grabfunde...*, S. 136.
- ⁴³ *Ibid.*, S. 115—116.
- ⁴⁴ Черняхов (разрушенное погребение) — денарий Антонина Пия (138—161); Новые Верадичи (среди остатков погребения) — денарий Марка Аврелия (161—180); Великая Ольшанка (в ожерелье) — денарий Адриана (117—138); Маслова (погребение 71) — денарий Адриана; Новоселка (в разрушенном погребении) — три римские монеты Веспасиана (69—79) или Тита (79—81) и Криспины (180—183); Компанейца (погребение 30) — монета Коммода (180—192).
- ⁴⁵ В разрушенном погребении, найдена в 1961 г. (*Кропоткин В. В. Новые находки...*, с. 94, № 160 (1875)).
- ⁴⁶ *Петров В. П. Черняховский могильник.— МИА, № 116, 1964, с. 80, 117, рис. 15; Шукин М. Б. К вопросу о хронологии...*, с. 105, 106.
- ⁴⁷ *Шукин М. Б. К вопросу о хронологии...*, с. 105, 106.
- ⁴⁸ *Петров В. П. Масловский могильник, с. 140.*
- ⁴⁹ Там же, с. 163.
- ⁵⁰ *Кропоткин В. В. Клады...*, с. 58, № 436.
- ⁵¹ Определение монеты К. В. Голенько (*Кропоткин В. В. Новые находки...*, с. 99, № 1224). Ср.: *Сымонович Э. А. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, № 139, 1967, с. 122.*
- ⁵² Погребение 3 в могильнике в Даниловой Балке Ульяновского р-на Кировоградской обл. с медной потертой монетой-подвеской Констанция II (337—361) (*Кропоткин В. В. Клады...*, с. 62, № 546; *он же. Хронология...*, с. 53).
- ⁵³ Ридкобути Хмельницкой обл., могильник III—IV вв. — в погребении 10 около скелета найдена серебряная монета Антонина Пия (138—161) (*Винокур И. С., Приходнюк О. М. Работы Славянского отряда Подольской экспедиции.— АО 1967 г. М., 1968, с. 388; Блищанка — два денария Адриана; Жовтниця — денарий Адриана; Подгайчики-Юстиновы — два погребения с труположениями содержали серебряные республиканские монеты между 174 и 124 гг. до н. э., монету Августа 1 г. н. э., Домициана 86 г. н. э., Адриана 119 г. н. э., Фаустины Старшей 141 г. н. э., Луция Вера 161 г. н. э. (Кропоткин В. В. Клады...*, с. 105).
- ⁵⁴ *Рикман Э. А. Этническая история...*, с. 105.
- ⁵⁵ *Рикман Э. А. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967, с. 64 и рис. 18; Кропоткин В. В. Клады...*, с. 93, № 1341.
- ⁵⁶ *Diaconu Gh. Tîrgşor. Necropola din secolele III—IV. Bucureşti, 1965, p. 100, 101. Что касается упоминавшейся в докладе М. Б. Шукина «О верхней дате черняховской культуры» (симпозиум в Эрмитаже 17—21 марта 1976 г.) монеты Гонория (395—423; достоинство не указано) как одного из моментов, определяющих верхнюю дату черняховских памятников, то она была найдена, как указывает Г. Диакону, в неясных стратиграфических условиях, а может быть даже, на уровне поселения V—VI вв., перекрывающего могильник III—IV вв. (*Diaconu Gh. Tîrgşor, p. 101*). Использовать эту монету как датирующую черняховские памятники нельзя.*
- ⁵⁷ *Mitrea V. Découvertes...*, p. 478, N 65.
- ⁵⁸ *Ibidem.*
- ⁵⁹ *Ibid.*, p. 476, 477, N 48.
- ⁶⁰ Небезынтересно и предположение Б. Митря, высказанное в связи с публикацией найденной на поселении культуры Сытана де Муреш — Черняхов Валя Сяка (деп. Васлуй) монеты Филиппа Араба (244—249); чеканенной в Месембрии. Она была найдена в яме близ жилища. Б. Митря полагает, что монеты, чеканенные западноонтийскими и мевийскими городами, найденные на территории Молдовы, могли представлять части добычи, награбленной во время карпо-готских вторжений в империю (*Mitrea V. Découvertes...*, p. 467, 481, N 84).

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА АБХАЗИИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.

Согласно античным источникам в I тысячелетии н. э. на территории современной Абхазии обитали главным образом племена апсильов¹ и абазгов². Те же источники называют здесь санигов³ и появившихся во II в. в юго-восточной Абхазии лазов⁴.

Вопрос об облике материальной культуры апсильов, абазгов и санигов специально в литературе не рассматривался. Лишь последнее десятилетие ознаменовалось важными открытиями, которые в сочетании с отдельными находками, известными ранее, позволяют впервые приступить к комплексной характеристике не только материальной культуры этих племенных образований, но и созданного в результате их объединения в VIII в. Абхазского царства — крупного раннефеодального государственного образования на Кавказе.

Ниже я остановлюсь с возможной полнотой на характеристике отдельных этапов развития местной (цебельдинской) культуры, придавая решающее значение материалам с территории уже хорошо изученной Апсильи и упоминая во всех возможных случаях материалы с территориями Абазгии и Санигии (рис. 1). Уточнение хронологии абхазских памятников рассматриваемого времени, проведенное А. К. Амброзом⁵ и мной⁶, позволяет выделить здесь семь этапов: 1) II — первая половина III в.; 2) вторая половина III — первая половина IV в.; 3) вторая половина IV — первая половина V в.; 4) вторая половина V — первая половина VI в.; 5) вторая половина VI — первая половина VII в., 6) вторая половина VII — начало VIII в.; 7) вторая половина VIII—X в. (рис. 2—4).

Для первого этапа характерны кувшины с воронкообразным венчиком с рантом по краю и ручкой со жгутовидным оформлением; мечи и клинжалы с кольцевидным навершием; серповидные ножи; фибулы северочерноморского типа одночленные провололочные подвзные, а позднее с фигурной провололочной обмоткой; пряжки-сюльгамы; провололочные височные подвески в полтора оборота; браслеты провололочные с заходящими или разомкнутыми рублеными концами или с двойной перевязкой⁷. Поселения цебельдинской культуры в рассматриваемый период представляли собой небольшие скопления деревянных хижин на вершинах холмов.

Во второй половине III — первой половине IV в. в Апсильи распространяются кувшины с воронкообразным венчиком без окантовки; большие двуручные кувшины; вазочки на высоком полом поддоне; боевые топоры с еще нешироким лезвием; наконечники копий с широким листовидным пером с продольным ребром, доходящим до конца острия; конические наконечники, служившие подтоками или дротиками; кованые плоские или конические наконечники стрел; двулезвийные мечи; мотыги с одной широкой рабочей частью; фибулы одночленные гладкие или с фигурной обмоткой, а также двучленные лучковые составные провололочные; пряжки северочерноморского типа с овальным, утолщенным спереди кольцом; браслеты провололочные гладкие с рублеными концами или двойной перевязкой; серьги северочерноморского типа колечковидные с верхней застежкой и каплевидным стеклышком в оправе; височные подвески с сердоликом в оправе и зажимовидным крючком на обороте⁸. В комплексах этого этапа встречены серебряные кесарийские монеты II—III вв. Площадь апсильийских поселений в этот период увеличивается. На территории Абазгии и Санигии найдены одночленные провололочные гладкие или витые фибулы; железные двулезвийные мечи; браслеты с двойной перевязкой⁹.

Апсильийские могилы третьего этапа содержат пифосы с плоским дном, приобретающие во второй половине периода небольшой поддон; кувшины

с чашекообразным венчиком, в V в. имеющие уже гофрировку и грушевидное тулово; миски; кухонные горшки; местные амфоры с перехватом; краснолаковые тарелки; зооморфные сосуды; стеклянные стаканы с синими налестками; боевые топоры с округлым проухом, узкой шейкой и широким свисающим вниз лезвием; наконечники копий с вытянутым пером с отступающим от конца средним ребром; разнотипные (шипастые, круглые в сечении, четырехгранные, трехлопастные, ромбические и т. д.) черешковые наконечники стрел; двулезвийные мечи; металлические умбоны на деревянных щитах; пожи с прямой закругляющейся к концу спинкой и прямым лезвием; мотыги с выступом на обухе и более узким, чем прежде, лезвием; однокольчатые удила с дополнительными кольцами; редкие одночленные фибулы; многочисленные дуговидные двучленные фибулы с подвязкой — гладкие и с фигурной обмоткой; прогнутые «лебяжипские» фибулы с двускатной или круглой в сечении спинкой; единичные в конце периода фибулы с заклепкой вместо завязки; пряжки с прямоугольным или овальным утолщенным спереди кольцом, прямой хоботковидной иглой и прямоугольным или овальным щитком; круглопроволочные разомкнутые браслеты с рублеными концами, иногда украшенные елочным орнаментом и круговыми нарезками; серьги с сердоликом в оправе овальной формы, с привесками из витой проволоки, с полым или биконическим грузиком; височные подвески из сердоликов в оправе и с крючком на обороте; различные цельнолитые перстни с печатками; шейные гривны из витой проволоки¹⁰. Поселения обнесены оборонительными стенами, возводившимися насухо из тесаных квадров или облицовочной кладкой на прочном известковом растворе, укреплены башнями. В культурных напластованиях поселений Апсолии помимо огромного количества фрагментов керамических изделий, по форме полностью соответствующих находкам в погребениях, встречаются фрагментированные фибулы, браслеты, ножи, зернотерки, терочки, шлаки, и пр. На территории Абазгии и Санигии найдены двулезвийные мечи; наконечники копий и дротиков; умбоны; двучленные подвижные фибулы с гладким или витым корпусом; пряжки с овальным утолщенным спереди кольцом и т. д.¹¹ Из памятников архитектуры можно упомянуть верхнее укрепление в Анакопии, относимое обычно к IV—V вв. Анализ материалов с абазгских поселений Гумистинского ущелья, где найдены и отдельные фрагменты чебельдинской посуды, позволяет выделить здесь значительный процент изделий из специфической глины, довольно тонкой обработки, с выгоревшей или полувыворевшей при обжиге примесью (толченые известняк, раковины, кальцит и др.), придававшей стенкам готовых изделий пористость¹².

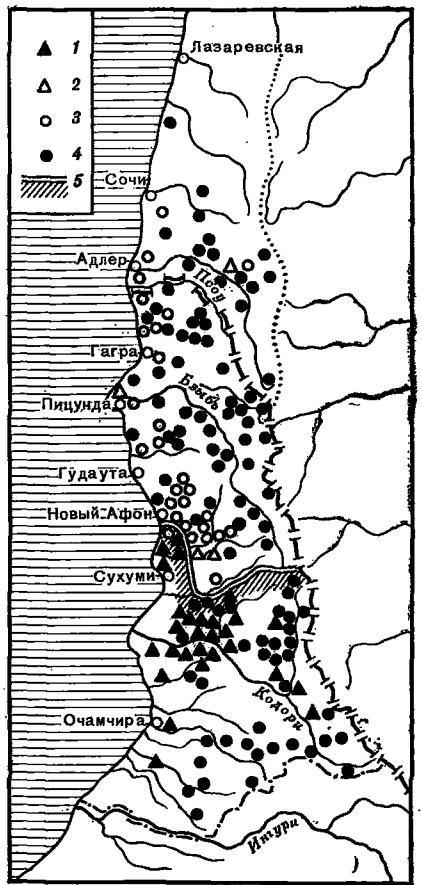

Рис. 1. Абхазия в I тысячелетии н. э.

- 1 — памятники чебельдинской культуры III—VII вв. (апсолы);
- 2 — отдельные находки чебельдинской керамики;
- 3 — памятники первой половины I тысячелетия н. э. (абазги);
- 4 — памятники VIII—X вв. (Абхазское царство);
- 5 — граница между апсолами и абазгами в IV—VII вв.

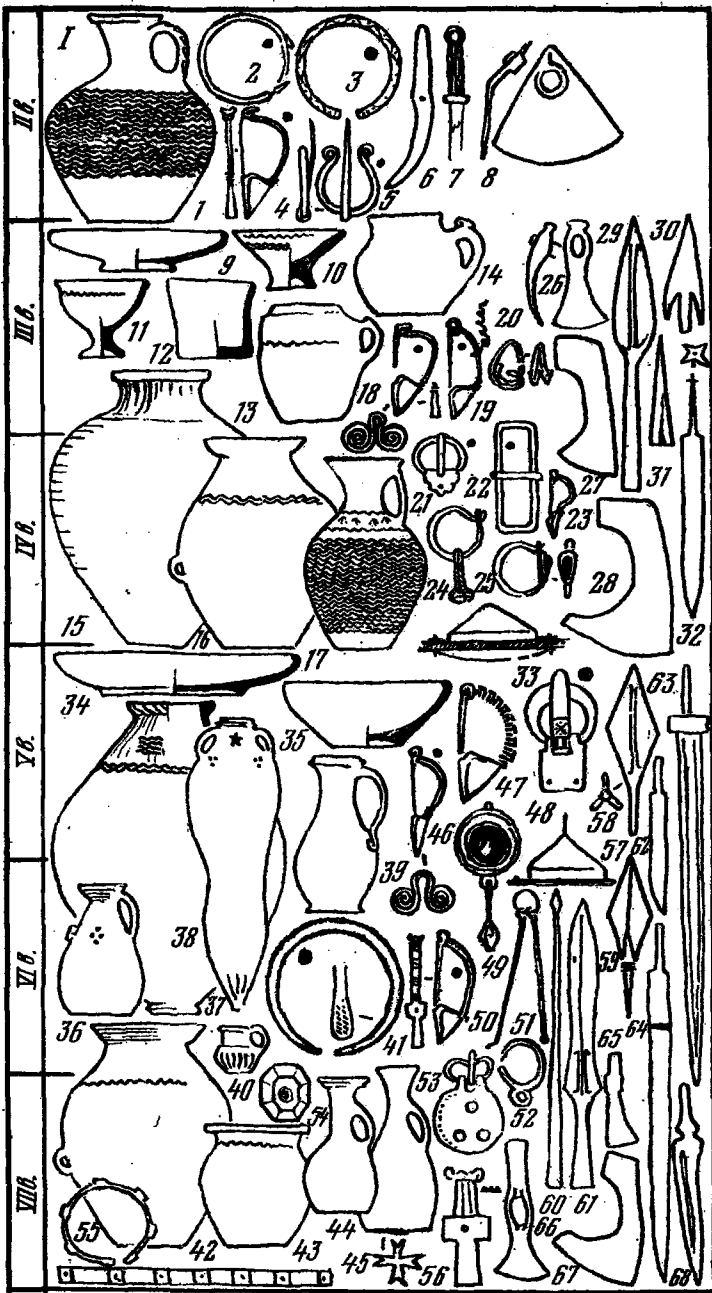
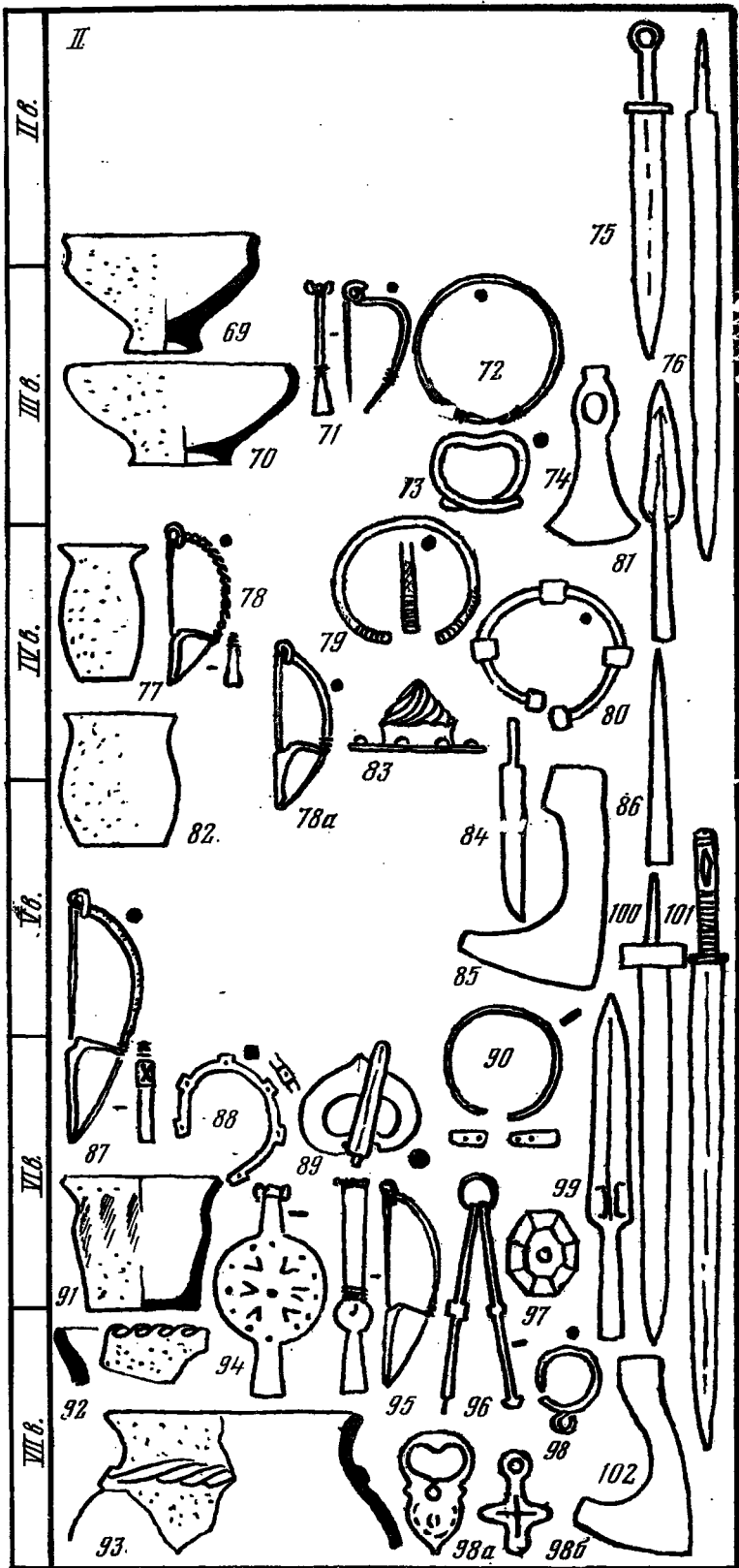

Рис. 2. Материальная культура Абхазии и прилегающей части Сочинского района в I тысячелетии н. э. Памятники апсидов (II—VII вв.)

1—3, 7—13, 18, 19, 21, 23, 24, 26, 28, 33, 66 — Цибилкумский могильник; 4—6, 14—16, 22, 29, 30—32, 34—44, 46—60, 62—65, 67, 68 — Шапкинский могильник; 17, 27, 45 — Апуштгинский могильник; 20 — Герзеульский могильник; 25 — Авантский могильник; 61 — Ларский могильник
 1, 9—17, 34—40, 42—45, 69, 70, 77, 82, 91—93, 103—125 — керамические изделия; 2, 3, 41, 55, 72, 73, 79, 80, 88, 90 — браслеты; 4, 18, 19, 23, 46, 47, 50, 56, 71, 78, 78a, 87, 94, 95 — фибулы; 8, 21, 32, 48, 53, 89, 98a, 127 — пряжки; 6, 7, 62, 68, 84 — ножи; 8, 26, 66, 74, 132 — мотыги; 20 — височная подвеска; 24, 25, 49, 52, 98 — серьги; 27, 28, 65, 67, 85, 102, 133, 134 — топоры; 29, 60, 61, 81, 86, 99 — наконечники копий; 30, 31, 58, 59 — наконечники стрел; 32, 63, 64, 75, 76, 100, 101 — мечи; 33, 67, 83 — умбоны; 51, 96 — туалетные наборы; 54, 97 — хрустальные бусы; 98b — крест; 128 — кресало; 128, 129 — садовые инструменты; 130, 131 — наконечники стрел

Инвентарь апсилийских могил второй половины V — первой половины VI в. характеризуется пифосами с массивным поддоном и венчиком; двуручными большими сосудами с гофрированным венчиком; амфорами с перехватом; одноручными кувшинами с грушевидным туловом и гофрированным чашечкообразным венчиком; мисками и краснолаковыми тарелками; кухонными горшками; стеклянными стаканами с синими напаями и орнаментом в виде сот и из бесцветных нитей; чащами и флаконами; топорами с широким лезвием; молоточковидными топориками; наконечниками копий с узким пером и продольным ребром, не заходящим за середину пера; обоюдоострыми мечами; разнообразными наконечниками стрел; ножами; умбонами; мотыгами с узкой рабочей частью и вытянутым крестовидным обухом; очень уже редкими двучленными подвязными фибулами с фигурной обмоткой и «лебяжипскими» фибулами с прогнутой спинкой; широко распространенными ранними крестовидными фибулами с круглой в сечении дужкой, приобретающей иногда в конце периода полукруглое или пластинчатое оформление; большими пряжками со звериными головками и прямоугольными, часто орнаментированными щитками; овальными серьгами с сердоликами в оправе и подвесками с биконическими грузиками; височными подвесками аналогичного оформления; крупными хрустальными бусами, появившимися в конце периода; иголками; туалетными принадлежностями (лопаточка и крючок на кольце)¹³. Апсилийские населенные пункты состоят из обширной крепости на вершине и поселения вне крепостных стен, на искусственных террасах. Из находок на территории Абазгии и Санигии к этому времени относятся ранние крестовидные фибулы с нарезкой; браслеты с рядом утолщений; топоры; наконечники копий; двулезвийные мечи, по форме не отличающиеся от апсилийских¹⁴.

На следующем этапе (вторая половина VI — первая половина VII в.) материальная культура Апс依ии характеризуется пифосами с массивным поддоном; большими двуручными сосудами: амфорами с перехватом; краснолаковыми тарелками и блюдами; кухонными горшками; кувшинами с чашечкообразным гофрированным венчиком и грушевидным туловом, сменяющимся на рубеже VI—VII вв. лощеными кувшинами из тонкоотмученной глины; боевыми топорами с широким лезвием и узкими топориками с молоточковидным обухом; узкоперыми наконечниками копий с очень коротким срединным ребром или совсем без ребра; стержневыми наконечниками копий с маленьким острием; двулезвийными мечами, часто имеющими на ножнах серебряную обкладку; железными умбонами; вытянутыми двулезвийными мотыгами; однокольчатыми удилами со стержневидными или пластинчатыми псалиями с загнутыми концами; бубенчиками; разнообразными стеклянными стаканами и бокалами; пластинчатыми крестовидными фибулами с плоским равномерной ширины ленточным корпусом, используемым во второй половине VI в. наряду с проволочными крестовидными фибулами раннего типа, а в первой половине VII в. приобретающими треугольную расплюснутую ножку и подвязку, приклепанную к нижней трети корпуса; северокавказскими фибулами с завитком, появляющимися в конце периода; витыми шейными гривнами; калачиковидными и простыми кольцевидными серьгами с припаянными украшениями (колечки, пирамидки зерна и др.), сменяющимися в начале VII в. прежние, с сердоликом в оправе и с подвесками; большими пряжками с зооморфной иглой и орнаментированными, обычно прямоугольными щитками; пряжками с вытянутыми овальными кольцами и инкрустированными массивными щитками; ранними В-образными пряжками; пряжками с полым снизу кольцом (последние три разновидности — с первой половины VII в.); крупнопроволочными браслетами, приобретающими на рубеже VI—VII вв. расплюснутые концы, украшенные рядами точечных нарезок и полосок; широко распространенными наборами туалетных инструментов; иголками с игольниками; пластинчатыми перстнями; нательными

крестами; гранеными хрустальными бусами и т. д.¹⁶ В одном из комплексов середины VI в. встречена монета императора Траяна (112—117). В об-
 лике поселений Аписилии никаких серьезных изменений не происходит.
 Материальная культура Абазгии и Санигии представлена более богатым
 по сравнению с прежними этапами набором изделий. Это боевые топоры
 с широким лезвием; двулезвийные мечи с инкрустированным перекрестием
 или в ножнах с серебряной обкладкой; наконечники копий с узким пером;
 однокольчатые удила со стержневидными псалиями с загнутыми концами;
 пластинчатые крестовидные фибулы с равномерно расплющенной тре-
 угольной пожкой; специфичные пока только для этой территории фибулы
 с ажурной круглой дужкой и массивные литые браслеты с призматически-
 ми утолщениями, орнаментированные кружочками и ямками, использо-
 вавшиеся наряду с круглопроволочными браслетами с расплющенными
 концами, украшенными точечной насечкой; наборы туалетных инстру-
 ментов, сходных с цебельдинскими или отличающихся от них утолщения-
 ми в средней части стержней и орнаментацией; пряжки с вытянутыми
 овальными кольцами и массивными щитками; большие хрустальные
 бусы¹⁶. В одном из комплексов того времени встречена монета императора
 Гонория (395—423).

На заключительном этапе существования памятников цебельдинской
 культуры (вторая половина VII — начало VIII в.) погребения Аписилии
 содержат лощеные кувшинчики; кухонные горшки; рюмковидные стек-
 лянные сосуды; боевые топоры с выгибом по верхнему контуру; наконеч-
 ники копий без срединного ребра; ножи с прямой спинкой; кинжалы в
 ножнах с серебряной обкладкой; двулезвийные мотыги; крестовидные пла-
 стинчатые фибулы с крестовиной посреди дужки и продольно ребристой
 спинкой; северокавказские фибулы с завитком; Т-образные шарнирные
 фибулы; полые пряжки с намечающимися чертами «фигурного» стиля; цель-
 нолитые пряжки; В-образные пряжки; раменные наконечники; браслеты
 проволочные с расплющенными концами, орнаментированными точечной
 насечкой и полосками; браслеты с рублеными концами и круговой наре-
 зкой; пластинчатые браслеты с квадратными утолщениями с ямками в цен-
 тре, возникшие под влиянием абазгских; наборы туалетных инструментов;
 иголки; проволочные перстни с напаянными щитками; кольцевидные про-
 волочные серьги с двумя привесками-бусинками; пластинки с проре-
 зями в виде запяток; пропеллеровидные пластинки; монеты Юстиниана I
 (527—565) и др.¹⁷ На территории Абазгии и Санигии найдены боевые то-
 поры с выгнутой спинкой; наконечники копий с тупоконечным пером;
 большие крестовидные фибулы с ребристой дужкой; В-образные пряжки¹⁸,

Вторая половина VIII—X в. — период сложения раннесредневекового
 Абхазского царства — характеризуется на рассматриваемой террито-
 рии многими десятками малоисследованных поселений, крепостей
 и недостаточно изученных храмов¹⁹. Могилы того времени почти неиз-
 вестны, а их инвентарь предельно скуден. В этот период широко распро-
 страняются пифосы с высоким слабоогнутым венчиком, яйцевидным ту-
 ловом, украшенным в верхней части рельефным рантом с пальцевым орна-
 ментом, и узким выступающим поддоном; одноручные кувшины с воронко-
 образным венчиком, имеющим иногда слив; лощеные кувшины с росписью
 бурой краской; сосудики с четырехлепестковым сливом; миски со сливом;
 вазы на высокой полой ножке; кубки; кухонные горшки, среди которых

Рис. 3. Материальная культура Абхазии и прилегающей части Сочинского района
 в I тысячелетии н. э. Памятники абазгов и санигов (II—VII вв.)

69—72, 75, 81, 88 — окрестности Сочи; 73, 78а, 80, 84, 87 — Лацста; 74, 98, 98б, 100 — Гагра; 76 —
 Мацеста; 77, 82, 85, 102 — Хапугсе; 78 — Ачмарда; 79 — Куланурхва; 83 — Красная Поляна;
 86 — Ачадара; 89, 90, 95—97 — Новый Афон; 91—93 — Откош; 94 — Гребешок; 98а — окрестно-
 сти Сочи; 99, 101 — Гудаута

Расшифровку предметов см. рис. 2

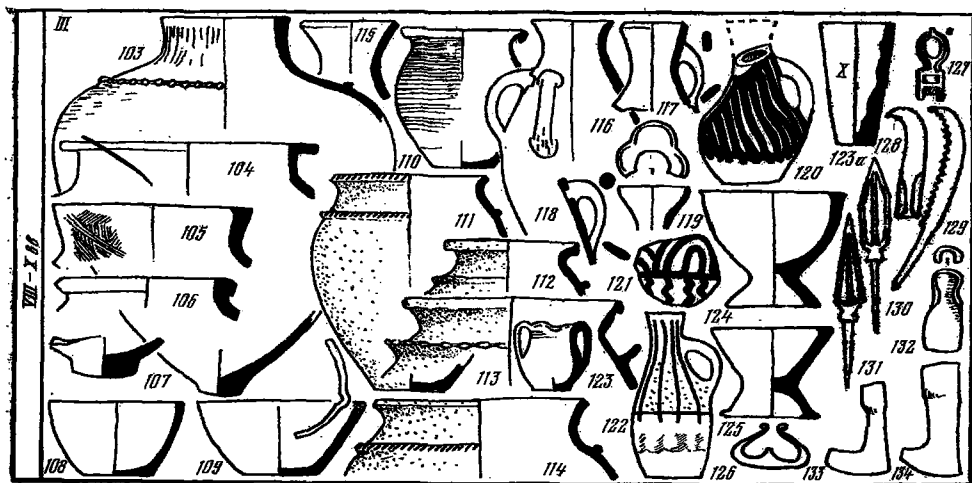

Рис. 4. Памятники материальной культуры Абхазии в эпоху Абхазского царства (VIII—X вв.)

103, 110, 116, 118 — Алахадзы; 104, 107, 123—125 — Анухва; 105, 108, 109, 111, 121, 123а, 132—134 — Красная Поляна; 106, 113 — Чобанлук; 112, 115, 119 — Псху; 114 — Чаманка; 117, 127 — Клыч; 120, 122 — окрестности Сочи; 126 — Отюш; 128, 129 — Новый Афон; 130, 131 — Маи
Расшифровку предметов см. рис. 2

Выделяется многочисленная группа с пористыми стенками; топоры с широким провисающим лезвием; наконечники копий с двускатным узким пером; сабли; ножи с прямой спинкой; разнообразные (трехлопастные, квадратные в сечении, ромбические плоские и др.) наконечники стрел; двулезвийные и тесловидные мотыжки; щалдообразные орудия; гвозди; луковидные кресала; различные колечки и бляшки от уздечных и поясных наборов и т. д. Среди многих десятков раннесредневековых укреплений, известных ранее и выявленных в последние годы, выделяются городища (Ачипсе, Пслух, Аибга, Хашупсе, Бзыбь, Псху, Анакопия, Ачапара, Скайсук и др.), крепости (Хоста, Монастырь, Бешенка, Калдахвара, Мушба, Чхалта, Клыч, Сакен и др.), замки (Хасанта-абаа, Уз-абаа, Шубара, Ткварчели, Наджих, Пахулани, Сатанжо и др.) и ограды (Отюш, Австрица и др.). К последним относятся отчасти и «ацангуары» — пастушеские жилища и загоны для скота, возведенные из камня на альпийских пастбищах. В этот период складывается выразительный тип абхазских крестовокупольных трехапсидных (Лео, Хашупсе, Пицунда, Бзыбь, Лыхны, Мсыгхуа, Симона Кананита, Моква и др.) и одноапсидных (Хоста, Монастырь, Ковалевское, Алахадзы, Ачануа, Анакопия, Тхубун, Бедиа-А и др.) храмов.

В заключение хочется указать еще раз на уже отмеченную диспропорцию в степени изученности памятников Апсолии, с одной стороны, Абазгии и Санигии — с другой. Будущие исследования на территории Апсолии направлены теперь на детальное изучение уже имеющихся достаточно обильных сведений. На соседних же территориях (включая и лежащую на юго-востоке Лазике) по-прежнему первостепенной задачей остается поиск археологических объектов, число которых в настоящее время явно недостаточно для необходимых обобщений. Несколько лучше обстоит дело с памятниками эпохи Абхазского царства, но и здесь настоящие исследования только начинаются.

¹ Согласно Плинию (NH, IV, 14), Флавию Арриану (PPE, 15) и Прокопию Кесарийскому (Bell. goth., VIII, 9, 15—17) апсилы занимали в I—II вв. территорию по побережью от Ингура до Кодора, а в VI в. — от Очамчыры до Нового Афона. Последним

- источником подтверждается их пребывание и в Кодорском ущелье. Ряд обстоятельств позволяет предположить, что в последних веках до нашей эры — самом начале нашей эры апсилы (фасиане греческих источников VI—V вв. до н. э., население Чхороцху I—III вв. н. э.) жили и южнее Ингура, занимающая Центральную Колхиду (см.: *Воронов Ю. Н. Тайна Цebelьдинской долины*. М., 1975, с. 134—140).
- ² Согласно Флавию Арриану (PPE, 15), Псевдо-Арриану (PPE; 57, 16) и Прокопию Кесарийскому (Bell. goth., VIII, 3, 12, 15—20) абазги занимали территорию северо-западнее Сухуми (в VI в. Трахея, располагавшаяся, по-видимому, в районе современного Нового Афона, была наиболее южным опорным пунктом абазгов) до реки Абаск (совр. Псоу).
- ³ Согласно Страбону (XI, 2, 19), Плинию (NH, VI, 30), Флавию Арриану (PPE, 15) и Прокопию Кесарийскому (Bell. goth., VIII, 4, 4) сапиги в I—II вв. занимали все побережье северо-западной и центральной Абхазии до Сестаополиса (совр. Сухуми), соседствуя с одной стороны с абазгами, с другой — с гениохами, тождество которых с сапигами неоднократно подчеркивалось. См.: *Амброз А. К. История и культура древней Абхазии*. М., 1964, с. 169—176; *Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии*. Сухуми, 1969, с. 77.
- ⁴ Лазы проникают в южные районы современной Абхазии во II в. н. э., оттеснив на северо-запад племена апсидов. См.: *Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии*. Тбилиси, 1959, с. 383; *Воронов Ю. Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии*. — ВДИ, 1968, № 3, рис. 3.
- ⁵ *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы*. — СА, 1974, № 2, с. 107—111.
- ⁶ *Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цebelьдинской культуры в Абхазии*. — СА, 1973, № 1, с. 171—191; *Воронов Ю. Н. Тайна...*, с. 54—153.
- ⁷ *Трапи М. М. Культура цebelьдинских некрополей*. — В кн.: *Трапи М. М. Труды*, III. Тбилиси, 1974, табл. III; *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии...*, с. 107; *Воронов Ю. Н. Тайна...*, рис. 13, 6; 32, 11, 13; 42, 1—3; 43, 1; 44, 1—4; 45, 13.
- ⁸ *Шамба Г. К. Ахаччарху — древний могильник нагорной Абхазии*. Сухуми, 1970, табл. IV; *Трапи М. М. Культура цebelьдинских некрополей*, табл. II; *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии...*, с. 107; *Воронов Ю. Н. Позднеантичные памятники села Аванта*. — Труды АГМ, IV, 1974, рис. 6; *он же. Тайна...*, рис. 13, 2—5; 29, 2—4; 30, 1—3; 31, 1; 32, 1, 2; 42, 4, 5, 14, 15; 43, 3; 44, 5, 6; 45, 1, 2, 4.
- ⁹ *Шамба Г. К. Погребение II в. из Мапесты*. — СА, 1970, № 2, с. 232—237, рис. 1; *он же. Археологические разведки 1967 г. в Гагрском районе*. — МАИА, с. 48.
- ¹⁰ *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии*. — СА, 1970, № 1, рис. 2, 3, 7, 10, 11; *Шамба Г. К. Ахаччарху...*, табл. VII, X, XII, XIII; *Трапи М. М. Культура цebelьдинских некрополей*, табл. III, XI, XII, XV, XVIII, XXI, XXII, XXX, XXXI, XXXIII, XLI, XLIV; *он же. Материалы по археологии средневековой Абхазии*. — В кн.: *Трапи М. М. Труды*, IV. Сухуми, 1975, табл. VII, X, XII, XIII; *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии...*, с. 107; *Воронов Ю. Н. К истории экономических связей Апсиды в IV—VII вв. (привозная посуда из Цebelьды)*. — КСИА, 133, 1973, рис. 1; *он же. Позднеантичные памятники...*, рис. 5; *он же. Тайна...*, рис. 11, 8, 10; 14, 1—5; 29, 5; 30, 6—10; 31, 2—4; 33, 4; 34, 1, 2; 42, 6—10, 16; 43, 2, 4—6; 44, 7; 45, 3—5.
- ¹¹ *Шамба Г. К. Археологические разведки...*, рис. 1, 1; 16, 7; *Трапи М. М. Материалы...*, рис. 69, 5, 6.
- ¹² *Воронов Ю. Н. Археологическая карта...*, с. 53—56.
- ¹³ *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник...*, рис. 8, 14; *Шамба Г. К. Ахаччарху...*, табл. XIV; *Трапи М. М. Культура цebelьдинских некрополей*, табл. V, VI, X, XIV, XVI, XX, XXVIII, XXXIII, XXXV, XXXIX, XLII, XLIV, XLV, XLVII, XLVIII; *он же. Материалы...*, табл. IV, X; *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии...*, с. 107; *Воронов Ю. Н. К истории...*, рис. 2; *он же. Тайна...*, рис. 14, 6—10; 26, 1—34; 29, 6; 42, 11—13, 17, 18; 43, 7, 9; 45, 6, 7, 15.
- ¹⁴ *Воронов Ю. Н. Археологическая карта...*, табл. XLI, 13; *Шамба Г. К. Археологические разведки...*, рис. 16, 6; 17, 7; 19, 1, 2, 6.
- ¹⁵ *Куртин Б. А. Материалы к археологии Колхиды*, I. Тбилиси, 1949, табл. VII, 4, 6, 10, 11; *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник...*, рис. 9, 12, 13; *Шамба Г. К. Ахаччарху...*, табл. IV, VIII, XI, XV, XXI; *Трапи М. М. Культура цebelьдинских некрополей*, табл. VII—IX, XIII, XIX, XXII, XXV, XXVI, XL, XLIII, XLVI, XLIX; *Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии...*, с. 110; *Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники...*, рис. 4, 11; *Воронов Ю. Н. К истории...*, рис. 2, 3; *он же. Тайна...*, рис. 11, 8; 14, 11—13; 21, 2, 3; 25, 33—35; 29, 8—11; 31, 8, 10, 11; 32, 5—9; 33, 8, 9; 34, 3—5, 7, 8; 41, 10; 42, 20—24; 43, 10—15; 44, 8; 45, 9—11; 46, 2, 4; 47, 2, 6—8, 11, 12; *Трапи М. М. Материалы...*, табл. I, II, XII.
- ¹⁶ *Спицер А. А. Могильник V в. в Черноморье*. — ИАК, 23, 1907, с. 103—107; *Лукин А. Л. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии*. — Труды ОИПК, I, 1944, табл. IX, 3; XXVII, 4—7; *Куртин Б. А. Материалы...*, рис. 21, 1—9; *Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века (по данным археологии)*. — Труды

- КЧНИИЯЛ, IV, 1963, табл. II, 8, 14, 20, 24; III, 6; 8, 30, 35, 39; IV, 24; *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта..., табл. XXXVII, 44; XXXIX, 11, 34; XLI, 20, 22—24, 30, 31; XLIII, 13—15, 28—31; XLIX, 3, 28; XLV, 2; *Шажба Г. К.* Археологические разведки..., рис. 1, 3; 4; 16, 4, 5, 8; 17, 3; 18, 1—7; 19, 7; *Трапиш М. М.* Материалы..., рис. 69, 1, 2, 7.
- ¹⁷ *Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А.* Ануштинский могильник..., рис. 6; *Амброс А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., с. 110; *Воронов Ю. Н., Юшин В. А.* Погребение VII в. н. э. из с. Цебельда в Абхазии.— КСИА, 128, 1971, рис. 41, 42; *они же.* Новые памятники..., рис. 12—15; *Воронов Ю. Н.* Тайна..., рис. 38, 39, 42, 24—27; 44, 9, 10.
- ¹⁸ ОАК за 1904 г., с. 130; *Спицын А. А.* Могильник V в. ..., с. 107; *Миллер А. А.* Разведки на черноморском побережье Кавказа в 1907 г.— ИАК, 33, 1907, с. 83, рис. 22, 3, 11, 17; 23, 3; *Амброс А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., с. 110, рис. 6, 7.
- ¹⁹ *Баширов А. С.* Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 г.— ИАНО, IV, 1926, с. 33—37; *Алексеева Е. П.* Материальная культура черкесов..., табл. VI, 13а; *Беридзе В. В.* Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX в. Тбилиси, 1967, с. 43, 44; *Афанасьев К. Н.* Собор в Мокве и архитектура Киевской Руси.— В кн.: Памятники культуры и туризм. М., 1968, с. 49—51; *Лежанидзе В. А.* По поводу Анакопийской крепости.— ВГМГ, XXV-V, 1968, с. 89—104; *Пачуалиа В. П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М., 1968, рис. 2, 4, 6; 12, 14, 17, 18, 20, 28, 34, 38, 39, 42, 45; *Ковалевская В. В., Воронов Ю. Н., Михайличенко Ф. Е.* Исследования средневековых памятников северо-западного Кавказа.— АО 1968 г. М., 1969, с. 124, 125; *Воронов Ю. Н., Ситникова Л. Н., Ситников Л. Л.* Археологические разведки в бассейне р. Мзымта.— АО 1969 г. М., 1970, с. 86, 87; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, табл. 36, б, 5, 6; *Ситников Л. Л., Ситникова Л. Н.* Разведки в Красной Поляне.— АО 1970 г. М., 1971, с. 127; *Воронов Ю. Н.* Разведки в Абхазской АССР.— АО 1970 г. М., 1971, с. 377—379; *он же.* Разведочные работы в Абхазской АССР. АО 1971 г. М., 1972, с. 471, 472; *он же.* Археологические разведки в Абхазии.— АО 1972 г. М., 1973, с. 421, 422; *он же.* О датировке абхазских апангуаров.— СЭ, 1973, № 6, с. 30—40; *он же.* Раннесредневековые крепости на территории Абхазии (VII—X вв.).— Мадие, 1975, № 3, с. 80—82; *Бгажба О. Х.* Материальная культура средневековой Абхазии (VI—XIII вв.). Автореф. канд. дисс.— М., 1972, с. 8—10, 17—28; *Якобсон А. Л.* О дате большого Пицундского храма (Абхазии).— КСИА, 132, 1972, с. 38—45.

ПУБЛИКАЦИИ

В. П. ЯЙЛЕНКО

НЕСКОЛЬКО ОЛЬВИЙСКИХ
И БЕРЕЗАНСКИХ ГРАФФИТИ

(по материалам Одесского археологического музея)*

Березанские граффити в собрании Одесского государственного археологического музея в большинстве своем происходят из дореволюционных раскопок Э. Р. Штерна и раскопок 1927—1930 гг. М. Ф. Болтенко, ольвийские — из раскопок 1924—1925 гг. Б. В. Фармаковского и С. С. Дложевского. Они были изданы отчасти Э. Р. Штерном, но главным образом И. Д. Головки¹, публикация которого в значительной степени устарела: во-первых, во многих случаях его чтение и интерпретация надписей вызывают возражения; во-вторых, отсутствуют прориси (за исключением нескольких граффити, казавшихся автору негреческими). В связи с этим возникла необходимость новой публикации этого материала.

Коллекция, обработанная И. Д. Головки, претерпела ряд перемещений, которые привели к тому, что часть материала пропала, а ряд надписей не поддается отождествлению с публикацией И. Д. Головки из-за отсутствия должной документации; основную часть граффити удалось идентифицировать по инвентарным номерам. Нижеследующая подборка включает два березанских граффити из раскопок Э. Р. Штерна (№ 1, 11), девять наиболее значительных ольвийских надписей (№ 2—10, раскопки 1924—1925 гг.) из бывшей коллекции Одесского государственного университета (кроме № 8а, 9) и известное граффито на килике из покупок Одесского археологического музея 1901 г. (№ 12). Леммы к ольвийским граффити включают нынешний инвентарный номер Одесского археологического музея (в скобках — номер Одесского государственного университета), описание керамического фрагмента с надписью², датировку. Номера граффити в описании и на рисунках идентичны: прориси даны в натуральную величину, за исключением особо оговоренных случаев. При ссылках на И. Д. Головки имеются в виду порядковые номера его публикации. Ввиду недостатка места комментарий дается в самом сжатом виде.

№ 1. 23339 (37731). По дну небольшого открытого сероглиняного сосуда, найденного в 1906 г. при раскопках Э. Р. Штерна на Березани, две надписи — снаружи и внутри (рис. 1, 1, 1а). Третья четверть VI в. до н. э. Издатель читал: ΜΗΔΕΙΣ ΜΕ ΚΛΕΥΤΕΙ, отмечая: «Можно согласиться с владельцем сосуда, что из-за этого простого кувшина не стоило стать вором»³. Э. Р. Штерн полагал, что надпись носит шуточный характер, поскольку сделана на простом, невзрачном сосуде. Из текста Э. Р. Штерна можно заключить, что он понимал κλέφει в качестве футурума: «Никто меня не украдет!» Но в отчете о раскопках дан перевод: «Пусть никто

меня не украдет!», что предполагает понимание κλέφει в качестве конъюнктивной формы⁴. Эта неясность позиции Э. Р. Штерна послужила отправной точкой дальнейших исследований.

П. Фридлиндер воспринял, с одной стороны, тезис Э. Р. Штерна о шутовском характере надписи, но с другой — определенно понимал κλέφει как конъюнктив (= κλέφῃ) и переводил: «Пусть никто не украдет меня» (Let no one steal me)⁵. Б. Джентили также считал форму глагола конъюнктивной (κλέφῃ) и указывал на метрический характер надписи⁶. Недавно специальную заметку этому граффито посвятил П. А. Хансен, который отметил, что интерпретация Э. Р. Штерна исходит из понимания κλέφει: скорей как формы будущего времени⁷. По мнению П. А. Хансена, форма эта, однако, может быть хорошо понята в качестве конъюктива, т. е. «Пусть никто не украдет меня!» (κλέφει = κλέφῃ)⁸, и такое понимание соотносится с близкими параллелями из числа охранительных надписей на сосудах⁹.

Интерпретация указанными учеными глагольной формы как конъюктива и соответственно содержания надписи безусловно справедливы. Охранительная формула на простом сосуде может быть хорошо объяснена, как отметил П. А. Хансен, исходя из замечания П. Фридлиндера, что греки могли придавать простейшим керамическим изделиям индивидуальную ценность посредством нанесения прозаической или стихотворной надписи, серьезной либо шутовской¹⁰.

Следует отметить, что надпись не содержит в первом слове *ιωты*, которую Э. Р. Штерн подставлял, очевидно, для соблюдения аттической нормы. Отсутствие *ιωты* объясняется передачей в надписи неестественного дифтонга *ει* через *ε̄*, что обычно для ионийской эпиграфики, в том числе и березанской¹¹. Таким образом, в целом текст надписи следует читать: $\mu\eta\delta\acute{\epsilon}\varsigma\ \mu\epsilon\ \kappa\lambda\acute{\epsilon}\phi\epsilon\iota$ («Пусть никто не украдет меня!»).

П. А. Хансен сомневался в справедливости мнения Б. Джентили о метрическом характере надписи, но вопрос этот спорен ввиду краткости граффито.

По внутренней стороне сосуда есть еще одно граффито, не отмеченное Э. Р. Штерном, начертанное буквами очень больших размеров (по черепку?): ΙΑ (рис. 1,1а, 1/5 натуральной величины), являющееся, по-видимому, сокращением имени владельца.

№ 2. 80667 (969). По фрагменту круглого основания ножки чернолакового сосуда V в. до н. э. посвящение: [ῬΑγαθ]ῶ Δαίμ[ονος] (рис. 1,2). Известны аналогичные синхронные посвящения Доброму Гению, происходящие из Ольвии¹². И. Д. Головки (36) читал ΟΔΑΙΑ.

Добрый Гений был покровителем каждого человека (известны домашние алтари с его именем). В качестве возлияния ему в конце еды выплескивалось на пол несколько капель несмешанного вина¹³. Культ Доброго Гения — покровителя человеческой личности был тесно связан с культом Зевса Сотера¹⁴. Оба эти божества чествовались на симпозиях¹⁵.

№ 3. 80666(973). По фрагменту венчика чернолакового открытого сосуда начала V в. до н. э. внутри: [ῬΑπόλλω]νι Δελ[φινίωι] (рис. 1,3). И. Д. Головки (33) предположительно читал так же.

В Ольвии культ Аполлона Дельфиния был распространен с конца VI в. до н. э. При раскопках теменоса найдена серия посвящений ему, датированных концом VI — началом V в. до н. э.¹⁶

№ 4. 80678(963). По фрагменту венчика чернолакового килика первой половины V в. до н. э. посвящение. Снаружи: [οἱ δαίτες ἀνέ]θεσα[ν-], внутри: [Διὸς Ῥαγορ]αῖῶ sc. εἰμί (рис. 1,4,4а), т. е. «(Такие-то) посвятили... (я принадлежу) Зевсу Рыночному». И. Д. Головки (37) читал только сохранившиеся буквы.

Эпikleва Зевса «Рыночный» возникла вследствие того, что его статуи ставились в общественных местах. По мнению Л. Р. Фарнела, культ Зевса Рыноч-

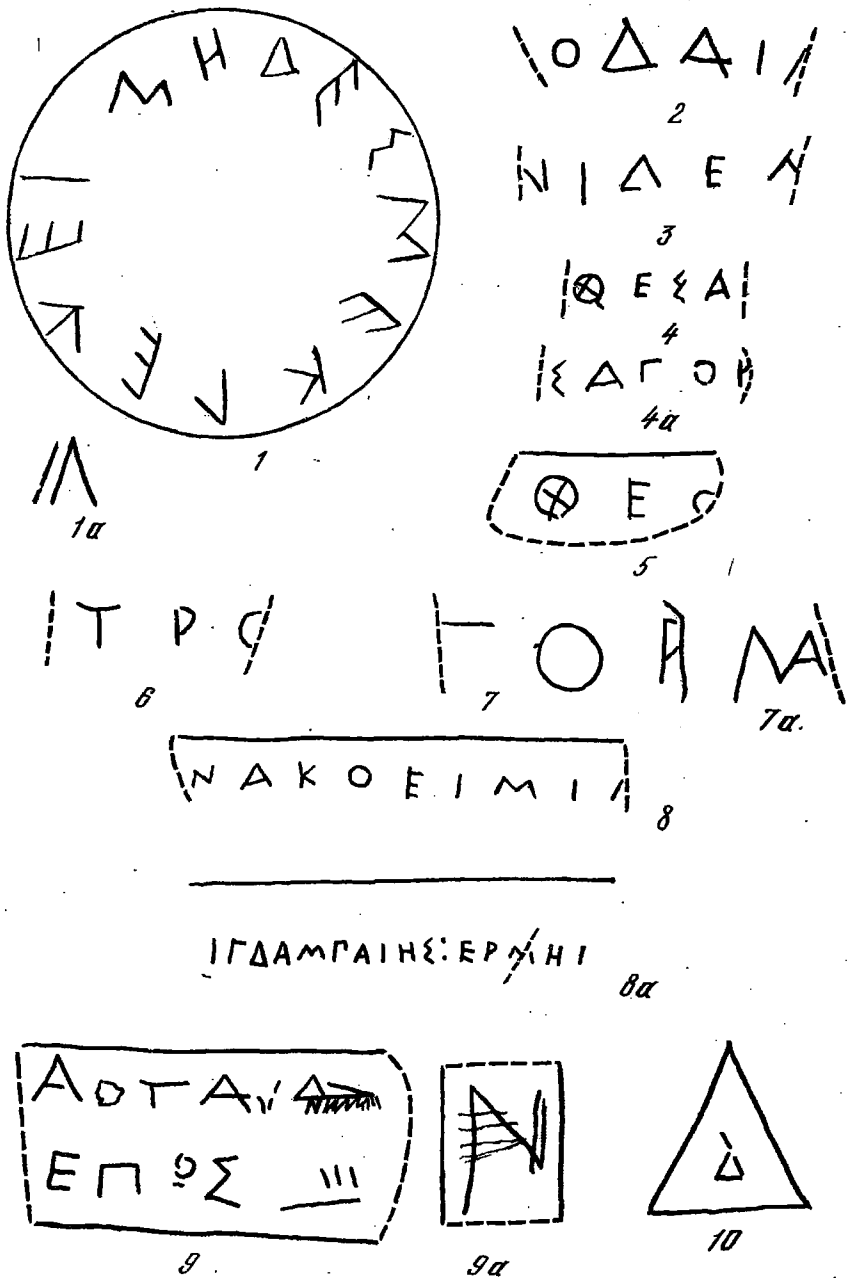

Рис. 1. Ольвийские и березанские граффити (1—10)

ного, по-видимому, не был вполне идентичен культу Гермеса Рыночного — покровителя торговли. Скорее Зевс Агорэй был верховным покровителем в общественных собраниях и судах (*Aesch. Eum.*, 973), хотя известную роль он играл и при рыночных операциях¹⁷. В этом смысле он близок другим ипостасям — Зевс Советник, Зевс Полиэй (покровитель города). Если правильно предположение, что в раннее время Зевс Рыночный был покровителем общественных собраний и суда, а лишь затем его функции распространились и на сферу торговли, то ранняя дата нашего граффито может указывать на общественный характер посвящения, тем более что оно сделано от имени нескольких лиц.

№ 5. 80651(870). По фрагменту венчика чернолакового килика первой половины V в. до н. э. посвящение: Θεῷ[Μεγᾶλλῷ]? (рис. 1,5). Аналогичное граффито ΘΕΟ было найдено в Ольвии при раскопках 1928 г. Граффито может быть признано посвященным, поскольку надписи данного рода, как правило, наносились на обзорных местах сосудов. И. Д. Головки (40) оставил эту надпись без интерпретации.

№ 6. 80623(961). По фрагменту венчика чернолакового открытого сосуда V в. до н. э. внутри посвящение: [Ἰη]τρῷ (sc. εἰμί) (рис. 1, 6). Культ Аполлона Врача документирован в Ольвии и в ольвийской хоре несколькими надписями¹⁸. И. Д. Головки (35) читал надпись ΙΗΤΡΩ, ошибочно полагая, что посвящение было в дательном падеже.

№ 7. 80683(967). По фрагменту венчика чернолакового килика V в. до н. э. остатки двух надписей. Снаружи: ΤΟΡ или ΓΟΡ; внутри: ΛΑ (рис. 1,7,7a). Обе надписи могут быть трактованы различными способами. Если читать ΤΟΡ, то возможно, во-первых, личное имя, например [Ἄρα]τῶρ[ιος], хорошо известное как в лапидарной эпиграфике Ольвии (IOSPE, I², № 208, середина V в. до н. э. и др.), так и в керамической (из раскопок 1936 и 1937 гг., IV—III вв. до н. э.); во-вторых, возможен вариант: [ἰερὴ εἰμί τῶρ[μῆω] (= τοῦ Ἑρμῆω), т. е. «Я (килик) священная собственность Гермеса». Аналогичное граффито с тем же красисом члена ἰερὴ εἰμί τῶρμῆω было найдено на Березани¹⁹. Если же читать ΓΟΡ, граффито могло быть посвящением Зевсу Рыночному (см. № 4): [Διὸς Ἄγ]γορ[αίῳ], или антропонимом, например [Ἀναξά]γορ[ης]. В любом случае, судя по месту расположения данной надписи, это было посвящение. Возможно, структура его была подобна структуре граффито № 4, отдельные части которого также были размещены снаружи и внутри сосуда. Для букв ΛΑ на внутренней стороне сосуда также можно предполагать начало личного имени посвящателя. Формально, впрочем, граффито могло быть и застольным. И. Д. Головки (23) читал ΤΟΡ и ΛΑ.

№ 8. 80610(968). По фрагменту верхнего края чернолакового скифоса V в. до н. э. [Ἐμ]ινάχῳ εἰμί [- -] (рис. 1,8). Из имен, оканчивающихся на -νάχος, в Ольвии V в. до н. э. известно только одно — Ἐμινάχος — на серебряных монетах середины или второй половины этого столетия. Изображение натягивающего лук Геракла на этих монетах было убедительно трактовано П. О. Карышковским в качестве одного из эпизодов скифской этногонической легенды (*Herod.*, IV, 9, 10,) что позволяет в Эминаке видеть скифского царя, возводившего свой род к Таргитаю — Гераклу²⁰. Поместив на монетах изображение родоначальника скифского царя и имя самого царя, ольвиополиты тем самым продемонстрировали свою лояльность к властям могущественного скифского окружения, и в этом можно видеть отражение нового этапа греко-скифских отношений. Немногом раньше, в VI — первой трети V в. до н. э., лишь отдельные представители скифской знати воспринимали греческую культуру (Анахарсис, Скил), что стоило им головы, поскольку скифская верхушка в целом была настроена антагонистически по отношению к грекам. В силу материальной заинтересованности скифская знать поддерживала связи с Ольвией лишь в экономической сфере (греческий импорт шел в обмен на сельскохозяйственную продукцию). Однако уже во второй четверти V в. до н. э. греки добились установления связей со скифской знатью не только в экономической, но также в политической и культурной сферах. Деятельность Тимна на посту телохранителя или скорее начальника гвардии скифского царя — пожалуй, первый известный нам показатель перелома в греко-скифских отношениях, проявлявшихся до того в основном в торговых связях²¹. Посвящение Аполлону Дельфинию и Врачу из Журовки (см. примеч. 18) может свидетельствовать о деятельности греческой фактории на территории скифов-земледельцев, оставивших нам киевскую группу памятников, и о возможности культурно-религиоз-

ного симбиоза — такого, как в Гелоне, а более ощутимо — на Тамани, в Сукасе (эллинская фактория в Финикии на туземном поселении), на Самофракии и т. д.²² Сюда можно добавить еще одно письменное свидетельство — граффито первой трети V в. до н. э. из Ольвии (раскопки Б. В. Фармаковского 1902 г., рис. 1, 8а)²³: Ἱγδαμπαίης: Ἐριήι — посвящение знатного или состоятельного (надпись сделана на ценном предмете — чернофигурном килике) скифа Игдампая в святилище Гермеса²⁴. Аналогичным образом и наше граффито, по-видимому, было сделано по заказу Эминака, и сосуд был посвящен в одно из ольвийских святилищ. В целом посвящение Эминака могло содержать следующий текст: [ε. γ. τὸ δῶρον Ἐμ]ινάκῳ εἰμί[-]. У правого скола сохранилась наклонная гаста *лямбды*, *мю* или *ню*, т. е. надпись имела продолжение, возможно патронимик или этникон посвятителем²⁵.

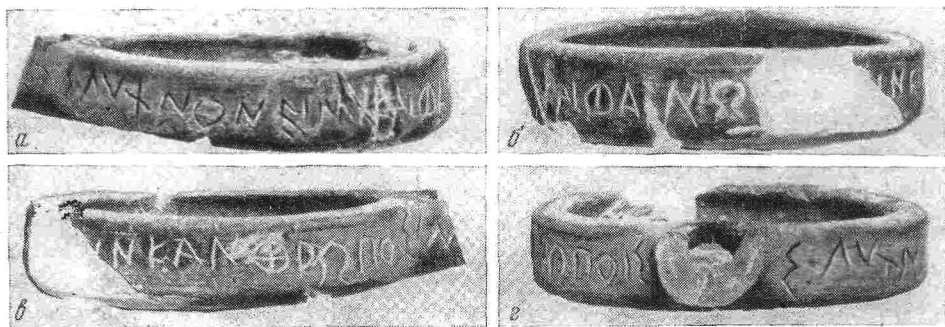

Рис. 2. Светильник из Березани (а — г)

№ 9. 23762. На обломке профилированной ручки чернолакового сосуда IV—III вв. до н. э. по верхней и нижней поверхности две надписи. По верхней стороне двустрочная надпись: ΑΟΤΑΔ и ΕΠΟΣ (рис. 1, 9), что может быть прочтано как [-τ]αῖτα δ[ε] ἔπος (ταῖτα=ταῦτα — свойственное ионийской графике IV в. написание дифтонга *αι* через *αιο* — известно и ольвийской эпитафике²⁶. К возможному содержанию текста ср.: Plat. Phileb., 18d: τί πρὸς ἔπος αὐ ταῦτ' ἐστί («Как это относится к делу?»). Возможен также вариант с *αῖοτά* (= *αὐτά*), но что подразумевалось под этим местоимением, в обоих случаях неясно. Значение *ἔπος* может быть не только «слово», но и «шговорка», «стихотворное произведение». Граффито с этим словом было найдено в Пантикапее: νίκη Γυγῆντος καὶ Παταίχου ἔπος («Победа Гигента и стихотворное сочинение Патайка!»)²⁷. Очевиден лишь факт вторичного использования черепка в качестве письменного материала, поэтому неправ Э. Р. Штерн (он читал ΔΕΓΑ...ΕΠΟΣ), трактовавший граффито как надпись владельца, обезобразившего ею ручку сосуда²⁸. Грубые прочерки вряд ли возможны на целом сосуде и более уместны на черепке (школьное упражнение?). Не упомянутая Э. Р. Штерном надпись на нижней поверхности ручки (рис. 1, 9а, 1/2 натуральной величины). — скорее всего N или цифровая запись $\bar{7}$ (7).

№ 10. 80657(972 и 964). По дну фрагмента небольшого чернолакового килика V—IV вв. до н. э. внутри цифровой записи: две *дельты* одна в другой (20) (рис. 1, 10). И. Д. Головки (43) отмечал одну *дельту*.

№ 11. При раскопках Э. Р. Штерна в 1909 г. на Березани был найден светильник с надписью (рис. 2, а—г): ὡς λύχνον εἰμί καὶ φαίνω θ[εοῖσιν] καὶ ἀνθρώποισιν («Поскольку я светильник, то и свечу богам и людям») ²⁹. Эта ценная надпись до сих пор не получила должного воспроизведения ³⁰, поэтому прилагаем здесь фотографию всего текста (с негативов, хранящихся в фотоархивах Ленинградского отделения Института археологии, инв. № 10890—10894).

По шрифту граффито относится к середине — третьей четверти VI в. до н. э.³¹ Составленная в размере гексаметра, надпись является произведением местного версификатора³². «...Свечу богам и людям» — это указание следует понимать в том смысле, что лампочка происходит из святилища. Таким образом, граффито свидетельствует о том, что на Березани было святилище, посвященное пескольким сохранным богам.

Посвящения Березани очень специфичны. Во-первых, в отличие от обычной нормы размещать посвятельную надпись по наружному (изредка внутреннему) краю сосуда, здесь посвящения выцарапывались преимущественно на дне³³. Во-вторых, согласно дневникам раскопок Г. Л. Скадовского и Э. Р. Штерна, большинство посвящений происходит из могил. Эти специфические обстоятельства показывают, что не все из

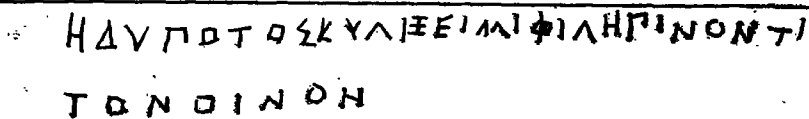

Рис. 3. Прорись надписи ольвийского килика (уменьшено)

упоминаемых в посвящениях богов (Афина, Афродита, Ахилл, Врач, Гермес, Дионис) имели на Березани свои святилища: некоторые сосуды могли быть посвящены их владельцами при жизни по обету тому или иному божеству и по смерти положены с ними в могилу. По-видимому, на небольшом березанском поселении в VI—V вв. до н. э. было только одно святилище нескольких сохранных богов.

№ 12. В ОГАМ хранится происходящий из Ольвии большой чернолаковый килик V в. до н. э. с надписью между ручками, изданной Э. Р. Штерном (рис. 3)³⁴: ἡδύποτος κύλιξ εἰμί φίλη πινόντι τὸν οἶνον («Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино»). Вопреки Э. Р. Штерну прилагательное ἡδύποτος не перенесено с гомеровского ἡδύποτος οἶνος (Od., II, 340 и др.) на κύλιξ, оно неоднократно встречается среди керамических надписей применительно к несущему их сосуду³⁵.

Б. Дженгили установил следующий метрический характер граффито: - - - - - | - - - - - | - - - - -³⁶. На мой взгляд, однако, здесь следует видеть гексаметрический стих с принятием *iota* перед *ksi* за краткую (ср. неоднократно встречающуюся среди граффити форму κύλις, дающую краткую мору)³⁷.

* Пользуюсь случаем поблагодарить директора ОГАМ Г. А. Дэвис-Райко, научных сотрудников музея А. М. Тарадаш, Э. И. Дьяманта за содействие в работе, а руководство ЛЮИА — за разрешение использовать архивные материалы (№ 8а, 11).

¹ Штерн Э. Р. Новый эпиграфический материал, найденный на юге России. — ЗООИД, XXIII, 1901, с. 18 сл.; Головкин И. Д. Килька невиданных граффити из Ольвии та в Березани. — МАИП, 2, 1959, с. 167—176.

² Обычно граффити размещаются по внешней поверхности сосуда, поэтому специально оговариваются лишь случаи нанесения надписи по его внутренней стороне.

³ Штерн Э. Р. Раскопки на Березани в 1906 г. — ЗООИД, XXVIII, приложение, 1907, с. 50; Stern E., von. Graffiti. — Philologus, 72, 1913, S. 548.

⁴ OAR за 1906 г., с. 55.

⁵ Friedländer P. Epigrammata. Berkeley — Los Angeles, 1948, N 177d.

⁶ Gentili B. Epigramma et elegia. — In: L'Epigramme grecque. Entretiens sur l'antiquité classique, 14, 1968, p. 49, n. 4.

⁷ Hansen P. A. Friedländer, Epigrammata 177d. — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 16, 1975, N 1, S. 79, 80.

⁸ См. примеры конъюнктива с краткой гласной в графике у ионийцев: Thumb A., Scherer A. Handbuch der griechischen Dialekte, 2. Heidelberg, 1959, S. 280.

⁹ Приведу как пример ионийское граффито из италийской Кимы. См.: Jeffery L. H. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford, 1969, p. 409, N 3: «Я лекиф Татайи. Кто меня украдет, пусть ослепнет!». Тут, кстати, также κλέψαι = κλέψηι. Ср.

- надпись из Пантикапея (см.: *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. — Л., 1953, № 151): «Он украд меня (сосуд) у Гигесия».
- ⁴⁰ *Friedländer P.* Epigrammata (комментарий к № 177b).
- ⁴¹ *Thumb A., Scherer A.* Handbuch..., 2, S. 252; *Яценко В. П.* К датировке и чтению березанского письма Ахиллора. — ВДИ, 1974, № 1, с. 138.
- ⁴² *Толстой И. И.* Греческие граффити..., № 12, 14 (с комментарием). См. также: IOSPE, I², N 22.
- ⁴³ *Nilsson M. P.* Greek Popular Religion. N. Y., 1940, p. 70.
- ⁴⁴ *Gruppe O.* Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906, S. 1087, 1088.
- ⁴⁵ *Nilsson M. P.* Die Götter der Symposion. Opera selecta, I. Lund, 1951, S. 440.
- ⁴⁶ *Леву Е. И.* Материалы ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 6, 140 сл.; она же. Новые посвячительные надписи Аполлону Дельфинию из раскопок Ольвии. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 196 сл.
- ⁴⁷ *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States, I. Oxford, 1896, p. 58, 162.
- ⁴⁸ *Hirst G. M.* Ольвийские культы. — ИАК, 27, 1908, с. 91—93; *Толстой И. И.* Греческие граффити..., № 76 (Березань, VI в. до н. э.); НО, № 65 (IV в. до н. э.). Возможно, также: IOSPE, I², № 164. К ольвийскому же региону тяготеет граффито на килике начала V в. до н. э. из Журовки (б. Киевская губ.): Δελφινίῳ ἔσθη Ἰγτρο. См.: *Толстой И. И.* Врач и Дельфиний. — ИАК, 14, 1905, с. 44 сл.
- ⁴⁹ *Штерн Э. Р.* Новый эпиграфический материал..., с. 21. Мнение Э. Р. Штерна о «странности» такого красиса неосновательно, поскольку в графике ионийских надписей VI—V вв. до н. э. непривычный дифтонг ou выражался через õ, чему есть множество примеров, в том числе и в Северном Причерноморье. См.: *Thumb A., Scherer A.* Handbuch..., 2, S. 252. Другие примеры подобного красиса см.: *Schwyzler E.* Dialectotum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim, 1960, N 731A, 737 (лемма). То же в ольвийском посвящении рубежа VI—V вв. до н. э. Аполлону от лица Тихона, сына Гекатокла: Τύχων ἑκατοκλέδς τ. е.: Τύχων ὁ ἑκατοκλέδς. См.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 149.
- ⁵⁰ *Карышковский П. О.* О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ. — СА, 1960, № 1, с. 189—195. Менее вероятно предположение, что Эминак был ольвийским гражданином негреческого происхождения, поскольку все засвидетельствованные в Ольвии V в. до н. э. бесспорно негреческие имена связаны со скифским окружением, а не с населением самого города.
- ⁵¹ О Тимне см.: *Herod.*, IV, §76. Способ выражения Геродота — ἐπίτροπος (cum gen. personae) — указывает, что Тимн был телохранителем или скорее начальником гвардии, охраны царя (см.: *Thuc.*, II, 80, 6 и др.; *Liddel H. G., Scott R., Jones H. S.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968, s. v. ἐπίτροπος, II). Τύμνις — карийское имя, воспринятое ионийцами. Известные нам Тимны раннего времени — выходцы из Милета. См.: *Herod.*, V, 37; *Pfohl G.* Greek Poems on Stones. Leiden, 1967, N 39). Отсюда явствует ольвийское происхождение и нашего Тимна, который был информатором Геродота, побывавшего в Северном Причерноморье около 460—450 гг. до н. э.
- ⁵² Об Афродите Урании Апатаре как контаминированном греко-скифском божестве см.: *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М. — Л., 1949, с. 212, 213; *Яценко В. П.* Заметки по греческой лексике и ономастике. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 221, 222; *Rijs P. J.* Sukas, I. København, 1970; *Samothrace*, 4, pt. 1, 2. N. Y., 1962—1964.
- ⁵³ Фотоархив ЛОИА, Q 579, 7. Шрифт и словоразделительный знак указывают на 490—470 гг. до н. э., с чем по заключению В. Д. Блаватского согласуются форма сосуда и характер его росписи.
- ⁵⁴ По толкованию В. И. Абаева, любезно сообщенному нам, значение имени Игдампай — хранитель закона, обычаев (из αἴτα — закон, обычай и ра — оберегать, охранять), что в условиях архаического еще состояния скифского общества также может указывать на высокий социальный ранг его носителя. Конечно, доводы в пользу высокого положения Игдампая предположительны. Более определена и тем самым очень существенно датировка этого граффито периодом не позднее 470-х годов до н. э., что устанавливает начало перелома в ольвийско-скифских отношениях.
- ⁵⁵ Ср. постановку патронимика после имени и глагола в граффито из Феодосии: Βοσπορίῳ εἰσι τῷ Τιμόριος κλυτῆ («Я килик Боспориха, сына Тимория»). См.: *Штерн Э. Р.* Graffiti на античных южнорусских сосудах. — ЗООИД, XX, 1897, с. 181, 182.
- ⁵⁶ *Толстой И. И.* Греческие граффити..., № 63.
- ⁵⁷ *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 93. Ср. группу восклицательных граффити из Дидимы и Милета (*Didyma*. Berlin, 1958, S. 303), содержащих слово κλυτή и имя в родительном падеже.
- ⁵⁸ *Штерн Э. Р.* Новый эпиграфический материал..., с. 25, 26.
- ⁵⁹ *Штерн Э. Р.* Отчет о раскопках на о. Березани летом 1909 г. — ЗООИД, XXVIII, 1910, с. 88; ОАК за 1910 г., с. 108 (с переводом: «Я служу как светильник и свечу богам и людям»); *Stern E.*, von. Graffiti, S. 547. Светильник найден в яме 28 на раскопе В⁸. Э. Р. Штерн датировал надпись VI в. до н. э.

- ³⁰ К отчету в ОАК была приложена прорись, а Б. В. Фармаковский опубликовал фотографию светильника только с одной стороны, где видна примерно треть надписи. См.: *Pharmakowsky B. Archäologische Funde im Jahre 1909.*— AA, 1910, S. 227.
- ³¹ Ср. аналогии из ионийского круга: *Jeffery L. H. The Local Scripts...*, pl. 56, 30; 57, 43; 58, 65; 64, 29; ср.: p. 325 (с формами *эпсилона*, *ро*, *ипсилона*).
- ³² Это реминисценция стиха 8 гомеровского гимна к Солнцу: *ὅς φαίνει θνητοῖσι καὶ ἄθανάτοισι θεοῖσιν* — «которое светит людям и бессмертным богам» (ср.: II, XX, 64 с той же формулой). Любовь ольвиополитов (гесп. березанцев) к Гомеру, о которой сообщал Дион Хрисостом (XXXVI, 51), восходит, таким образом, еще ко временам основания березанского и ольвийского поселений; они вынесли ее из Ионии.
- ³³ Толстой И. И. Греческие граффити..., № 76, 78, 79.
- ³⁴ *Stern E. P. Новый эпиграфический материал...*, с. 26, 27; *Stern E., von. Graffiti*, S. 547; *Friedländer P. Epigrammata*, N 1771.
- ³⁵ *Kretschmer P. Die griechischen Vasenschriften. Gütersloh, 1894*, S. 118; *Walters P. ΝΑΥΠΟΤΟΣ.*— AJA, 11, 1896, p. 147—149.
- ³⁶ *Gentili B. Epigramma...*, p. 49.
- ³⁷ *Kretschmer P. Die griechischen Vasenschriften*, S. 181, 182; *Thumb A., Scherer A. Handbuch...*, S. 309. Форма *κόλις* аттического народного языка известна и в Ольфии: граффито IV в. до н. э.— *Ἀφροδίτης ἢ κόλις* (Киевский исторический музей, раскопки 1938 г., инв. № Б5-1482). Оба эти граффити указывают, что в произношении ольвийских греков V—IV вв. до н. э. ξ спорадически упрощалось в с. Составитель надписи на килике из ОГАМ, видимо, мыслил разговорную форму, но вырезал литературную.

И. Ю. ШАУБ

АФИНСКАЯ ЧЕРНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СФИНКСОВ

(из раскопок ольвийских теменоса и агоры)

В общей массе афинской чернофигурной керамики, обнаруженной экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР при раскопках ольвийских теменоса и агоры, видное место принадлежит фрагментам сосудов с изображениями сфинксов¹. Это обломки по большей части весьма незначительные, преимущественно скифосов, но также киликов, лекан и кратеров. Не имея выдающегося художественного значения, они представляют определенную научную ценность ввиду слабой изученности позднеархаической чернофигурной керамики.

Древнейшим образцом рассматриваемой нами керамики является найденная на теменосе часть стенки, расположенной над ручкой большого чернофигурного кратера, с изображением двух сидящих в геральдической позе сфинксов (O/73 № 1370; рис. 1). От правого сфинкса уцелело тулово без головы и верхней части крыла, от левого остались только часть груди и незначительная часть верха ноги. Детали рисунка выполнены гравировкой и пурпуром. Сюжет геральдических сфинксов, довольно часто встречающийся на амфорах, скифосах и некоторых других чернофигурных сосудах, нехарактерен для кратеров². Судя по слиянию груди обоих сфинксов, а главное по тому, что оба они имели одну кошу, являющуюся типичной деталью изображения сфинксов, у описываемых сфинксов была одна голова, исполненная en face. Подобный сюжет мы видим на коринфском арибалле VII в. до н. э. из Британского музея³, а также на горле халкидской амфоры из собрания Кастеллани⁴. Рассматриваемое нами изображение, судя по всему, датируется 40-ми годами VI в. до н. э.

Возможно, к третьей четверти VI в. до н. э. относится фрагмент крышки леканы (O/72 № 633), на котором сохранилась часть лучевого орнамента, опоясывающего ручку крышки, и фриза, ограниченного сверху полосой

лака, с остатками фигур сфинкса и льва, повернувшего голову назад. Детали изображения выполнены гравировкой и пурпуром. Близкую аналогию этой композиции представляют изображения на обломках крышек лекал из раскопок Ксанфа, правда более ранних (круга Лидоса)⁵.

Наибольшее количество ольвийских фрагментов чернофигурной керамики с изображениями сфинксов принадлежит скифосам. По стилистическим особенностям эти изображения можно сгруппировать следующим образом.

Группа А. Изображение четкое, детали выполнены гравировкой, белой краской (лицо, грудь, полоса на крыле) и пурпуром (глаз, основание крыла, головная повязка). В исполнении деталей наблюдаются следующие особенности: 1) обильное и аккуратное применение гравировки (крыло, детали передних лап); замкнутый контур в изображении косы; пурпур на крыле положен двумя пятнами или мазками, не пересекающими косу⁶; 2) применение гравировки более ограничено (характерно отсутствие ее при передаче деталей передних лап), и она более небрежна (в частности, не замкнут контур косы); пурпур у основания крыла положен мазком в виде завитка, начинающегося на груди и пересекающего косу (см. обломки О/60 № 2133 и О/68 № 4837; рис. 2, 1). Изображения сфинксов этой группы имеют ряд аналогий⁷.

Группа В. Изображение менее аккуратное, и гравировки значительно меньше (редкие небрежные полосы на крыльях), чем во втором варианте группы А; крылья, в отличие от серповидных крыльев сфинксов первой группы, более аморфны; пурпур у основания крыльев положен одним пятном (фрагменты О/69 № 2226, 2406, 2416; рис. 2, 2; О/71 № 2733). Аналогии встречаются на скифосах из некрополя Ритзоны в Беотии⁸.

Группа В. Изображение более небрежное, чем в предыдущей группе; белая краска совершенно не применяется. В этой группе наблюдаются следующие особенности: 1) частые небрежные полосы гравировки на крыле; пурпур пятнами положен у основания крыла или на груди; исполненная пурпуром головная повязка на лице выходит за пределы головы (О/63 № 2532; рис. 3, 2; О/69 № 2225; рис. 3, 1; О/72 № 856; О/73 № 405); 2) изображение почти силуэтное, с более редкими и небрежными гравированными полосами на крыле; завиток пурпура на груди и пятно на лице (О/68 № 4273; рис. 3, 4; О/68 № 5528; рис. 3, 3; О/72 № 625). Изображения этой группы имеют многочисленные аналогии⁹.

На основании аналогий (прежде всего среди скифосов из комплексов некрополя Ритзоны)¹⁰ мы можем заключить, что выделенные нами группы фиксируют стилистическую деградацию изображения сфинкса, которая соответствует следующей хронологической последовательности: группа А — 10-е годы VI в. до н. э.; группа В — 500-е годы до н. э.; группа В — рубеж VI—V — начало V в. до н. э.

Многие обломки скифосов столь малы, что на них сохранились лишь незначительные части рисунка. Эти изображения сфинксов невозможно отнести к какой-либо из выделенных групп. Однако иногда мы можем реконструировать фланкируемые сфинксами композиции, что позволяет дополнить список сосудов, выделенных Дж. Бизли по главным сюжетам их росписи в группу СНС¹¹.

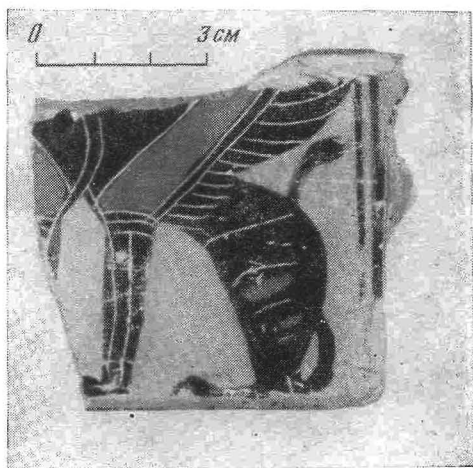

Рис. 1. Фрагмент пластины от ручки чернофигурного кратера

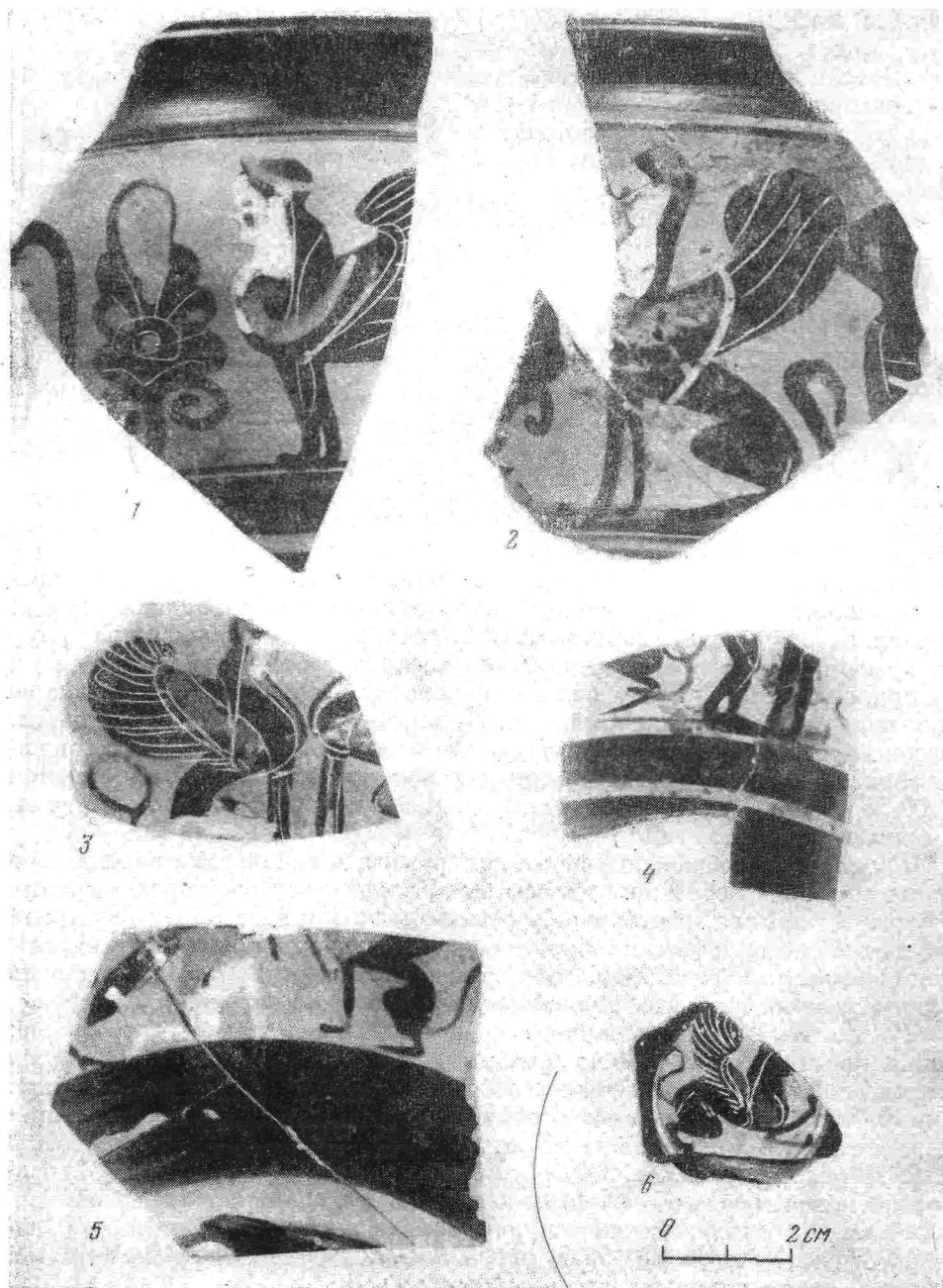

Рис. 2. Фрагменты чернофигурных сосудов
1-4 скифосы; 5,6 — килики

Так, на фрагменте O/58 № 1140¹² сфинксы группы A₁ фланкируют изображение, от которого сохранились женская фигура вправо в длинном хитоне, часть одеяния и ноги женской фигуры влево и ноги мужской фигуры между ними. Е. И. Леви видит здесь изображение силена, преследующего менаду. Нам кажется более вероятным, судя по аналогиям¹³, что здесь изображен дионисийский танец. Аналогичный сюжет, вероятно, украшал еще один скифос, от которого остался только незначительный обломок (O/72 № 626).

Рис. 3. Фрагментированные чернофигурные скифосы (1—4)

Изображение танца мы видим также на большом фрагментированном скифосе (O/63 № 2632; рис. 3, 2). На одной его стороне сидит сфинкс группы B_1 вправо, рядом стоит мужчина, играющий на двойной флейте, и перед ним танцуют две женщины (сохранились нижняя часть фигуры одной из танцовщиц в длинном хитоне и часть хитона и нога другой). По другую сторону ручки уцелело изображение сфинкса без большей части головы и груди, а также (частично) двух движущихся вправо женских фигур в длинных хитонах. Детали небрежного рисунка исполнены пурпуром и гравировкой. Очень близкую аналогию по сюжету и стилю представляет скифос из Болоньи ¹⁴.

Интересен небольшой фрагмент (O/72 № 627; рис. 2, 4), где сфинксы (от левого сохранились задняя лапа и часть хвоста, от правого — только часть хвоста) фланкируют две стоящие лицом друг к другу мужские фигуры. Изображение на скифосе из некрополя Ритзони ¹⁵, очень близкое по стилю и сюжету, позволяет предположить, что левая фигура с чуть согнутыми ногами — влюбленный юноша (эраст), а правый персонаж (в верхнем правом углу обломка сохранилась белая краска) — возлюбленный мальчик, держащий в руках полученный от эраста дар любви — петуха. Эта

сцена ухаживания в различных вариантах часто изображалась на поздних чернофигурных скифосах. Она является самым распространенным сюжетом (наряду с колесницей и амазонками) в группе СНС.

Этот же сюжет мы видим и на фрагментированном скифосе (О/69 № 2225; рис. 3, 1а, 1б). На одной его стороне (а) между двумя сфинксами группы В₁ выполнена в беглом стиле сцена ухаживания с характерной деталью — вытянутой левой рукой эраста. Сюжет на противоположной стороне (б) — аналогичен, но трактовка его необычна.

На фрагменте со сфинксами группы Б (О/69 № 2416; рис. 2, 2) в правой части обломка сохранилась часть мужской фигуры вправо. Судя по положению левой руки персонажа (жест эраста), весьма вероятно, что здесь мы снова встречаем сцену ухаживания. Возможно, аналогичен сюжет и на фрагменте О/71 № 2733.

Той же группе скифосов СНС принадлежат и обломки с изображением сидящих один против другого сфинксов группы А₁ (О/72 № 624; рис. 2, 3) и группы В₂ (О/68 № 5528 и 4273; рис. 3, 3, 4). На последнем из скифосов сфинксы фланкировали исполненную в беглом стиле мужскую фигуру, сидящую на складном стуле, с жезлом в руке (сюжет также нередкий для этой группы).

Из обломков киликов наибольший интерес представляет фрагмент О/68 № 4836 (рис. 2, 5), в правой части которого сохранилась нижняя часть фигуры сфинкса влево, с поднятой передней лапой (сохранившаяся часть груди сфинкса выполнена пурпуром). Перед сфинксом — стоящая на одном колене женская фигура вправо (ноги, шея и сохранившиеся части рук исполнены белой краской; облегающий тело короткий хитон — пурпурной). В левой руке, изображенной очень небрежно, женщина держит продолговатый предмет, вероятно щит. От мужского персонажа в левом углу фрагмента осталась только нижняя часть ноги вправо. Сюжет росписи этого килика — битва греков с амазонками — аналогичен, вплоть до сфинкса с поднятой лапой, изображению на плечиках амфоры с сигнатурой Никосфена¹⁶. По стилю этот килик можно датировать последней четвертью VI в. до н. э.

Почти полностью (за исключением верхней части головы) сохранилось изображение сфинкса в медальоне килика из заполнения архаического здания в районе агоры (О/73 № 496; рис. 2, 6). Изображение сфинкса, лежащего в напряженной позе, с приподнятой передней лапой и задранном хвостом, не отличается особым изяществом. Если во второй и в начале третьей четверти VI в. до н. э. сфинксы в медальонах чернофигурных киликов изображались сравнительно часто, то для последней четверти этого столетия, когда самым популярным сюжетом на дне киликов являлся горгонейон, сфинкс — редкость. Аналогичное изображение, судя по незначительным остаткам верхней части головы и крыла, было помещено на медальоне килика, обломок которого найден в теменосе (О/73 № 1093). На наружной стороне этого килика, вероятно, была изображена пара глаз, от одного из которых сохранилась только большая слезница, исполненная белой краской; между глазами — сидящий сфинкс вправо, от которого остались только лапы. Близкой аналогией является изображение на килике из Вюрцбурга, датированном Е. Ланглотцем временем около 520 г. до н. э.¹⁷

Изображения на трех обломках киликов близки изображениям на скифосах группы СНС. Так, килику О/54 № 2563 (сидящий сфинкс вправо) близкую аналогию по сюжету представляют некоторые скифосы из некрополя Ритзоны¹⁸.

Не только по сюжету, но и по стилю близки скифосам группы СНС два фрагмента О/69 № 2417 — возможно, части противоположных сторон одного и того же килика. На большом обломке частично сохранилось изображение четырех пар ног (три пары — мужских и одна — женская). Изображение фланкируют сидящие лицами друг к другу сфинксы. От

левого уцелели передние лапы и задняя часть туловища с хвостом, от правого — только нижние части лап. На маленьком фрагменте осталось изображение туловища и основания крыла сидящего влево сфинкса (детали исполнены белой и пурпурной краской) и части стоящей к нему спиной мужской фигуры.

Насколько мы можем судить по публикациям, в Ольвии афинской позднеархаической керамики с изображениями сфинксов найдено больше, чем в каком-либо другом городе, включая и Афины. Наиболее вероятным объяснением популярности сфинкса в Ольвии (здесь стоит вспомнить также и о сфинксах, украшавших дворец Скила) кажется нам следующее. В одной из своих главных ипостасей сфинкс выступает как смертоносный демон. Гесиод называет сфинкса «губительной Фикс» (*Hesiod. Theod.*, 326). В некоторых мифах сфинкс — посланец владыки подземного царства. В одной эпитафии начала V в. до н. э. он назван «собакой Гадеса»¹⁹. По принципу гомеоматической магии *similia similibus curantur* изображения сфинкса уже с древнейших времен выступали в Греции как апотропей и скорее всего рассматривались как наиболее могучие защитники от зла, происходящего из загробного мира. Ольвиополиты особенно нуждались в «защите» от потусторонних сил, поскольку в архаическую и, возможно, еще в классическую эпоху северо-западная область Понта мыслилась таинственной и страшной областью, близкой к потустороннему миру²⁰.

- ¹ Нами обработано 54 фрагмента афинской чернофигурной керамики с изображениями сфинксов. Эти фрагменты обнаружены Ольвийской экспедицией ЛОИА за период с 1954 по 1974 г. Некоторые из них, где сохранилась только часть крыла, могли принадлежать сосудам, украшенным изображениями не сфинксов, а сирен, поскольку иконография этих монстров может быть в ряде деталей (особенно в изображении крыльев) весьма близкой.
- ² Геральдические сфинксы на пластине от ручки кратера встречены нами только раз на фрагменте кратера из Навкратиса, датируемого издателями серединой VI в. до н. э. (см.: CVA, Great Britain, 9 (Oxford, 2), tabl. XII, 5, p. 102).
- ³ Payne H. *Necrocorinthia*. London, 1931, tabl. XVI, 14.
- ⁴ Mingazzini P. *Collectione Castellani*. Roma, 1930, tabl. 26.
- ⁵ Metzger H. *Fouilles de Xanthos*, t. IV. Paris, 1972, tabl. 54.
- ⁶ Сюда относятся фрагменты O/58, № 977, 1001, 1140, 1150 (см.: Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М. — Л., 1964, с. 146, рис. 13), а также O/58 № 999 и O/72 № 624 (рис. 2, 3).
- ⁷ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery from Rhitsona*. Oxford, 1927, tabl. XVIII, 26, 98; *Hesperia*, VII, 1938, 4, p. 573, fig. 7 (и аналогия); *Robinson D. M. Excavations at Olynthus*, 5. Baltimore, 1933, tabl. 54, 57; CVA, Roumanie, 1 (Bucarest, 1), tabl. XXIII, 2; CVA, Great Britain, 12, London (Reading 1), tabl. X, 13.
- ⁸ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery...*, tabl. XX, 18, 88, 18, 85.
- ⁹ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery...*, tabl. XIX, 80, 260, 112, 68; XX, 102, 105, 112, 69; CVA, Italia, 7 (Bologna, 2), Milano — Roma, tabl. 41, 3, 4; CVA, Roumanie, 2 (Bucarest, 2), tabl. 13, 2.
- ¹⁰ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery...*, p. 39a.
- ¹¹ Beazley J. D. *Attic Black-Figure Vase-Painters*. Oxford, 1956, p. 617—623; *idem*. *Some Attic Vases in the Cyprus Museum*. — In: *Proceedings of the British Academy*, 33, 1947, p. 22.
- ¹² Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса, с. 146, рис. 13.
- ¹³ Beazley J. D. *Attic Black-Figure Vase-Painters*, p. 620; *Dacia*, NS, II, 1958, p. 86, fig. 4, 1.
- ¹⁴ CVA, Italia, 7 (Bologna, 2), Milano — Roma, tabl. 41, 3, 4.
- ¹⁵ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery...*, tabl. XX, 18, 88.
- ¹⁶ Hoppin J. C. *A Handbook of Greek Black-Figured Vases*. Paris, 1924, p. 248.
- ¹⁷ Langlotz E. *Griechische Vasen in Würzburg*. München, 1932, tabl. 114, S. 80.
- ¹⁸ Ure P. N. *Sixth and Fifth Century Pottery...*, tabl. XIX. Cp.: *Hesperia*, VII, 1938, 2, p. 177, fig. 14.
- ¹⁹ Peek W. *Griechische Vers-Inschriften*. Berlin, 1955, S. 550, N. 1831.
- ²⁰ Толстой И. Остров Белый и Таврика. Пг., 1918.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА В 1974—1975 Г.Г.

Раскопки Р. Х. Лепера, проведенные в северо-восточном районе Херсонеса в начале нынешнего столетия, выяснили лишь средневековую планировку квартала¹. Раскопки Херсонесского историко-археологического музея в настоящее время преследуют цель изучить все этапы застройки этого района города и в первую очередь эллинистического времени. В результате этих работ открыта эллинистическая жилая усадьба, расположенная в южном углу первого квартала и состоящая из нескольких помещений и двора. Лучшее всего сохранились два полуподвальных помещения (8 и 9). Одновременно исследовалась и часть Второй поперечной улицы, непосредственно примыкавшей к указанным помещениям. На улице обнаружено и исследовано естественное углубление в скале площадью около 2 кв. м, засыпанное в древности грунтом с большим количеством керамики IV в. до н. э.

Публикации клейм на ручках амфор и черепицах (рис. 1; 2), найденных при этих раскопках, посвящена настоящая статья. Рассмотрим сначала клейма из скального углубления на улице.

СИНОПСКИЕ КЛЕЙМА

1. Клеймо на ручке амфоры: ΕΠΙ ΔΙΟΝΥΣΙΩ

Орел на дельфине, вправо ΦΟΡΜΙΩΝΟΣ

По хронологической классификации Б. Н. Гракова клеймо относится к первой группе. Имя фабриканта Формиона приведено им среди имен подгруппы А, датированной первоначально концом IV в. до н. э.² Позднее Б. Н. Граков передатировал начальный этап синопского клеймения, отнеся его к середине IV в. до н. э.³

2. Фрагмент черепицы с двумя клеймами.

Основное клеймо:

ΑΠΟΛΛ[ΟΔΩΡΟΥ
ΑΣΤΥ|ΝΟΜΟΥ
ΘΕΥ[ΔΩΡΟΥ

Дополнительное клеймо: монограмма из букв ΘΕΥ.

Основное клеймо относится ко второй группе Б. Н. Гракова (320—270 гг. до н. э.)⁴. Имя керамевса ΘΕΥΔΩΡΟΥ встречено на синопских клеймах в Ольвии⁵, причем эти клейма также сопровождалось дополнительным клеймом с монограммой ΘΕΥ⁶.

3. Клеймо на черепице:

ΔΙΟΦΑΝΤ|
ΟΥΑΣΤΥΝΟΜΕΥ|ΝΤΟΣ
Птица
ΝΕΥΜΕΝΙ|ΟΥ

Клеймо относится к первой группе Б. Н. Гракова.

КЛЕЙМА НА ГОРЛАХ ГЕРАКЛЕЙСКИХ АМФОР

4. Эпиграфическое клеймо, оттиснутое ретроградно:

ΛΥΚΟΝΩΡΟ[Υ]
ΕΥΓΥΙΩΝ[ΟΥ]

Рис. 1. Керамические клейма из Херсонеса
 1-3 — синопские; 4-6 — гераклейские; 7-13 — херсонесские

Рис. 2. Керамические клейма из Херсонеса

14–17 — херсонесские; 18–21 — родосские; 22–25 — синопские; 26–28 — неопределимые

Клеймо относится ко второму этапу по классификации И. Б. Брашинского и датируется 370—330 гг. до н. э.⁷

5. Эпиграфическое клеймо:

ΤΙΜΩΝ

Палица

ΕΠΙ ΚΥΡΟ

Клеймо относится к третьему этапу клеймения и датируется 330—300 гг. до н. э.⁸

6. Клеймо на горле гераклейской амфоры. Сохранилась начальная часть его:

ΗΡΑΚ

ΛΥΚ

Клеймо датируется по И. Б. Брашинскому 370—330 гг. до н. э.⁹

В настоящее время некоторые положения классификации гераклейских клейм, предложенной И. Б. Брашинским, пересматриваются. Ряд существенных замечаний к его хронологической схеме высказал Ю. Г. Виноградов¹⁰. Собственную хронологическую классификацию гераклейских клейм разработал Б. А. Василенко¹¹. Клейма, содержащие два имени, могут быть отнесены к третьей группе Б. А. Василенко и датироваться концом первой четверти IV — началом III в. до н. э.¹²

Керамический материал, найденный вместе с клеймами, — фрагменты эллинистических амфор, чернолаковая и краснофигурная посуда, — не выходит за пределы конца IV — начала III в. до н. э. По всей вероятности, образование слоя на улице происходило именно в это время.

В насыпи помещений 8 и 9 эллинистической усадьбы III—II вв. до н. э. найдено 21 клеймо, 11 из них — херсонесские.

ХЕРСОНЕССКИЕ КЛЕЙМА

7. Желобчатое клеймо на ручке амфоры:

ΗΡΟΞΕΝΙΟΥ

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Клеймо найдено во втором слое помещения 8. В своде херсонесских клейм В. В. Борисовой клейма с именем астинома Героксена датируются серединой и концом III в. до н. э.¹³

8. Желобчатое клеймо на ручке амфоры:

ΜΑΤΡΙΟΣ

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

Найдено в эллинистическом слое помещения 8. Датируется концом III — началом II в. до н. э.¹⁴

9. Плоское клеймо на ручке амфоры:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝ

ΤΟΣ ΑΠΟΛΛΩΦΑ

ΝΕΙΟΣ ΤΟΥ ΗΡΩ

Клеймо найдено в помещении 8 вместе с эллинистическим материалом. Датируется концом II — началом I в. до н. э.¹⁵ Оно представляет интерес, так как надпись выполнена в три строки, тогда как аналогичное клеймо, изданное В. В. Борисовой, имеет четыре строки¹⁶, т. е. клеймо отпечатывалось двумя штампами.

10. Желобчатое клеймо на ручке. Сохранились только буквы ΑΓΟ — вероятно, дополнительное клеймо к астиномному.

11. Двустрочное желобчатое клеймо, верхняя строчка которого почти полностью стерта. Сохранившиеся нижние части букв позволяют восстановить имя астинома ΑΓΑΣΙΚΛΕΟΣ. Во второй строке ясно читается ΑΣΤΥΝΟΜ. Датируется серединой и концом III в. до н. э.¹⁷

12. Желобчатое клеймо на ручке амфоры:

HP|ONIK|OZ
ΑΣΤΥ Ν|ΟΜΟΥ

Клеймо сохранилось частично, но восстанавливается с достаточной вероятностью. В. В. Борисовой клейма астинома Геронника отнесены к середине и концу III в. до н. э.¹⁸

13. Желобчатое клеймо на ручке:

[AΘANAIOY]
TA|YPIKO|N

Сохранилась левая часть клейма, но восстанавливается оно полностью. Аналогичное клеймо издано В. В. Борисовой и датировано концом III — началом II в. до н. э.¹⁹

14. Клеймо на ручке амфоры представляет собой монограмму в круге (возможно, *M*?). Клеймо очень стерто.

15. Плоское клеймо на ручке амфоры. Сохранность клейма очень плохая: оно почти полностью стерто, читаются только отдельные буквы. Сохранилась вся верхняя часть амфоры — горло с двумя ручками и плечики, что дает возможность определить ее тип. Амфора может быть отнесена к типу IIв классификации В. В. Борисовой. Датируется концом III—II в. до н. э.²⁰

16. Плоское, прямоугольное клеймо на ручке:

ΣΙΜΑ
ΤΩΝΤΟΣ

В материалах, приведенных В. В. Борисовой, имя Симатонтос встречается всегда с отчествами²¹, в нашем же случае оттиснуто только имя.

17. Клеймо на черепице. Сохранилась его верхняя часть:

ΠΑΣ|ΙΟΝΟΣ
ΑΣ|ΤΥΝΟΜΟΥ

Датируется клеймо концом IV — началом III в. до н. э.²² Клейма астинома Пасиопа известны лишь на ручках амфор и обычно сопровождаются дополнительным клеймом гончара. На публикуемом обломке черепицы — новое дополнительное клеймо гончара ΜΑ.

Таким образом, все херсонесские клейма нашего комплекса укладываются в хронологические рамки III — конца II в. до н. э. по хронологической классификации В. В. Борисовой.

РОДОССКИЕ КЛЕЙМА

18. Эпонимное клеймо, найденное в помещении 9:

ΕΠΙ ΠΥΘΟΔΩ
ΡΟΥ
ΥΑΚΙΝΘΙΟΥ

Аналогичное клеймо издано Е. М. Придиком²³. Клеймо эпонима Питодора найдено в Танаисе²⁴. Питодор отнесен В. Грейс к эпонимам IV группы — 180—150 гг. до н. э.²⁵

19. Эпонимное клеймо, найденное в эллинистическом слое помещения 8:

ΕΠΙ ΑΝΔΡΟΝΙΚΟΥ
ΔΑΛΙΟΥ

В списке эпонимных имен, изданном В. Грейс, приведено имя Андроник²⁶. Это имя встречено в трех клеймах из Танаиса²⁷. Датируется клеймо второй половиной II в. до н. э.²⁸

20. Эпонимное клеймо, найденное вместе с предыдущим:

ΕΠΙ ΚΛΕΩΝΥ
ΜΟΥ
ΠΑΝΑΜΟΥ

Клеймо с именем Клеопима издано Е. М. Придином, но оно круглое, с эмблемой в виде цветка и надписью, расположенной вокруг него²⁹. Форма ручки амфоры позволяет отнести сосуд ко II в. до н. э., как и аналогичные амфоры, найденные на Боспоре³⁰.

21. Фабрикантское клеймо:

ΝΙΚΑΓΙΔΟΣ

Такие клейма изданы Е. М. Придином³¹. Два аналогичных клейма найдены в Танаисе³². Деятельность мастерской Никагиды относят обычно к 220—180 гг. до н. э.³³

Родосские клейма, найденные при раскопках помещений эллинистической усадьбы, датируются в пределах II в. до н. э.

СИНОПСКИЕ КЛЕЙМА

22. Астиномное клеймо, найденное в помещении 9:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ Птица вправо
ΓΚΕΣΙΟΥ.
ΜΑΝΕΥΣ

Клеймо может быть отнесено к хронологической группе IV классификации Б. Н. Гракова. Датируется 220—183 гг. до н. э.³⁴

23. Клеймо, найденное там же:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ Юпитер на квадриге, вправо
ΧΟΡΗΓΙΩΝΟΣ
ΤΟΥ Α.ΕΩΜΕΛΟΝΤΟΣ
ΧΙΟΥ

Клеймо относится к группе V Б. Н. Гракова. Датируется 183—150 гг. до н. э.³⁵

24. Клеймо, найденное там же:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ Сфинкс вправо
ΜΑΝΤΙΘΕΟΥ
ΤΟΥ ΠΡΩΤΑΓΟΡΟΥ.
ΝΑΥΣΙΚΡΑΤΗΣ

Аналогичное клеймо издано Е. М. Придином³⁶. По хронологической схеме Б. Н. Гракова относится к группе VI. Датируется второй половиной II в. до н. э.³⁷

25. Астиномное клеймо, найденное в помещении 8:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ
ΕΣΤΙΑΙΟΥΤΟΥ
ΑΡΤΕΜΙΑΩΡΟΥ
ΜΕΝΟΝ

Аналогичное клеймо, найденное в Керчи, опубликовано В. В. Шкорпилом³⁸. По Б. Н. Гракову клеймо, как и предыдущее, относится к хронологической группе VI и датируется второй половиной II в. до н. э.³⁹

Синопские керамические клейма, как и родосские, укладываются в рамки II в. до н. э., а точнее — второй половины этого столетия.

НЕОПРЕДЕЛИМЫЕ КЛЕЙМА

26. Прямоугольное плохо сохранившееся клеймо — вероятно, какая-то монограмма.

27. Двустрочное клеймо на ручке амфоры, оттиснутое штампом эллипсоидной формы:

ΘΥΟΣ
ΑΛ

Определению клеймо не поддается. Амфора по составу керамического теста могла быть синопской.

28. На ручке небольшого тонкостенного сосуда оттиснуто маленькое круглое клеймо с изображением головы юноши.

Итак, керамические клейма, найденные в скальном углублении на Второй поперечной улице, датируют образование слоя засыпи концом IV—началом III в. до н. э. Появление его следует относить к планировочным работам, проводимым здесь во время строительства. Тогда же, вероятно, возникла и усадьба, занимающая южный угол квартала. Заметим, что строительные остатки предшествующего времени на нашем участке пока не обнаружены.

Клейма, найденные в помещениях эллинистической усадьбы, принадлежат амфорам различных центров и укладываются в довольно широкие хронологические рамки — от начала III до конца II в. до н. э. Это связано с тем, что почти все они были обнаружены не на полу помещений, а в засыпи, образовавшейся уже после гибели здания. Исключение составляют лишь два клейма, найденные вместе с другими вещами *in situ* на полу помещения (напи 15, 24, одно из них (15), к сожалению, не читается). Остальные клейма найдены во всех четырех стратиграфических горизонтах засыпи помещений. Они датируют образование этой засыпи временем не ранее конца II в. до н. э. Именно к этому периоду относится гибель усадьбы, по всей вероятности, во время войн Херсонеса со скифами⁴⁰. Отметим, что следы разрушения в конце II в. до н. э. зафиксированы в разных местах города — северном участке⁴¹, районе античного театра⁴². Не представляет в этом смысле исключения и северо-восточный район.

Археологические комплексы и слои этого времени до сих пор на городище почти не встречались. Лишь при раскопках одного дома в северном районе города (так называемый Дом Аполлония) был обнаружен археологический слой конца II в. до н. э.⁴³

¹ *Гриневич К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического. — ХС, III, 1930.

² *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, с. 119.

³ *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре. М., 1954, с. 90; *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э. — В кн.: *Античный город. М.,*

- 1963, с. 133 (приведена уточненная датировка синопских клейм, на которую мы в дальнейшем и будем опираться).
- ⁴ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма..., с. 122; Брашинский И. Б. Экономические связи..., с. 133.
- ⁵ Брашинский И. Б. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 312.
- ⁶ Там же, с. 310.
- ⁷ Брашинский И. Б. Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, V, 1955, с. 23, 24.
- ⁸ Там же, с. 25, 26.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Виноградов Ю. Г. Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, X, 1972, с. 9, 10.
- ¹¹ Василенко Б. А. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э.— НЭ, XI, 1974, с. 3—27.
- ¹² Там же, с. 7.
- ¹³ Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, XI, 1974, с. 116, 117.
- ¹⁴ Там же, с. 119.
- ¹⁵ Там же, с. 113.
- ¹⁶ Там же, табл. II, 10.
- ¹⁷ Там же, с. 108, 109.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, с. 120.
- ²⁰ Там же, с. 108, 109.
- ²¹ Там же, с. 120.
- ²² Там же, с. 119.
- ²³ Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917, с. 17, № 345.
- ²⁴ Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 70, № 190.
- ²⁵ Grise V. Timbres amphoriques trouvés à Délos.— BCH, LXXVI, 1952, p. 528.
- ²⁶ Grise V. The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps.— Hesperia, XXII, 1953, 2, p. 116—128.
- ²⁷ Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса..., с. 34.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Придик Е. М. Инвентарный каталог..., с. 12, № 236, 237.
- ³⁰ Зегст И. В. Керамическая тара Боспора. М., 1960, табл. XXIII, 49.
- ³¹ Придик Е. М. Инвентарный каталог..., с. 31, № 763—766.
- ³² Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса..., с. 113, № 427, 428.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма..., с. 138; Брашинский И. Б. Экономические связи..., с. 133.
- ³⁵ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма... с. 143; Брашинский И. Б. Экономические связи..., с. 133.
- ³⁶ Придик Е. М. Инвентарный каталог..., с. 74, № 248, 249.
- ³⁷ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма..., с. 148, 149.
- ³⁸ Шкорпил В. В. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г.— ИАК, 3, 1902, с. 126, № 25.
- ³⁹ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма..., с. 143, 149; Брашинский И. Б. Экономические связи..., с. 133.
- ⁴⁰ IOSPE, I², N 352.
- ⁴¹ Белов Г. Д. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, № 34, 1953, с. 17.
- ⁴² Домбровский О. И. Раскопки античного театра в Херсонесе в 1970 г.— В кн.: Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971, с. 164, 165; Стржелецкий С. Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху.— ПИСП, с. 79.
- ⁴³ Белов Г. Д. Эллинистический дом в Херсонесе.— В кн.: Культура и искусство античного мира. Л., 1962, с. 179.

ИЗ КЕРАМИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ НЕАПОЛЯ

В исторической литературе до сих пор нет единого мнения о времени возникновения древнего поселения на р. Салгир у окраины Симферополя, которое отождествляется со столицей позднескифского государства в Крыму Неаполем. П. Н. Шульц в одной из своих статей писал, что Неаполь возник в конце IV в. до н. э.¹, а в другой — что в III в. до н. э.² В. Д. Блаватский относил начало Неаполя ко II в. до н. э.³ Б. Н. Граков на основании найденной черепицы синопского производства со штемпелями середины IV в. до н. э. считал, что в это время здесь существовало поселение с домом греческого типа⁴. Т. Н. Высотская, изучавшая фрагменты чернолаковой керамики и клеймёной черепицы, утверждала, что как столица Неаполь был основан в IV в. до н. э.⁵ Как видим, определение времени основания города колеблется от IV до II в. до н. э. Поэтому публикация новых материалов, способных пролить свет на этот вопрос, представляет несомненный интерес.

В 1976 г. авторы настоящей статьи обнаружили в фондах Института археологии АН СССР среди коллекций Б. Н. Гракова керамические клейма из раскопок Неаполя 1945—1947 гг. (в рукопись IOSPE, III эти клейма не вошли). Большинство находок происходит из раскопа Б, где исследовались жилые кварталы, в частности здание с подвалом, вырубленным в скале, в котором были найдены «обломки амфор с клеймами на ручках Родоса и Синопы, херсонесская и синопская черепица, афинская чернолаковая керамика, итальянский и пергамский красный лак»⁶.

Мы обнаружили 63 клейма. По центрам производства они распределяются следующим образом: Родос — 46, Синоп — 6, Книд — 6, Кос — 2, Херсонес — 2, неизвестный центр — 4 (рис. 1; 2).

Клейма Синопы из Неаполя были в свое время определены Б. Н. Граковым⁷. С тех пор как Б. Н. Граков выделил и хронологически классифицировал синопские клейма, прошло почти 50 лет⁸. Если астиномные группы и их последовательность, установленная Б. Н. Граковым, сохраняют свое значение и поныне⁹, то абсолютные хронологические рамки групп пересматривались самим Б. Н. Граковым¹⁰, И. Б. Брашинским¹¹, В. И. Цехмистренко¹² и другими исследователями. В последнее время появились новые публикации синопских клейм¹³. Мы принимаем классификацию Б. Н. Гракова с хронологическими уточнениями И. Б. Брашинского и других ученых.

В нашей коллекции шесть синопских клейм. К группе I Б. Н. Гракова принадлежат четыре клейма (360—320 гг. до н. э.), к группе II — одно клеймо (320—270 гг. до н. э.), одно клеймо не определено. Обращает на себя внимание тот факт, что все клейма поставлены на черепице.

В рукопись IOSPE, III вошли 11 других синопских клейм из Неаполя, все — на черепице. К группе I принадлежат шесть клейм, к группе II — два клейма, три клейма не определены. Большинство клейм вместе с экземплярами из IOSPE, III (10 из 43) датируются 360—320 гг. до н. э.

Наибольшее количество клейм в нашей коллекции принадлежит Родосу. Литература, посвященная клеймёной таре этого центра, обширна. Кратко остановимся на хронологии¹⁴. Впервые общую хронологию родосских клейм предложил Б. Н. Граков, определивший дату родосского клеймения временем с 331 по 40 г. до н. э.¹⁵ В 1952 г. В. Грейс разработала классификацию почти всех родосских эпонимов, разделив их на шесть групп¹⁶. В последующих работах В. Грейс неоднократно уточняла датировки отдельных клейм¹⁷. Новые уточнения датировок родосских клейм можно найти в книге Д. Б. Шелова¹⁸, Ю. С. Бадалянц установил

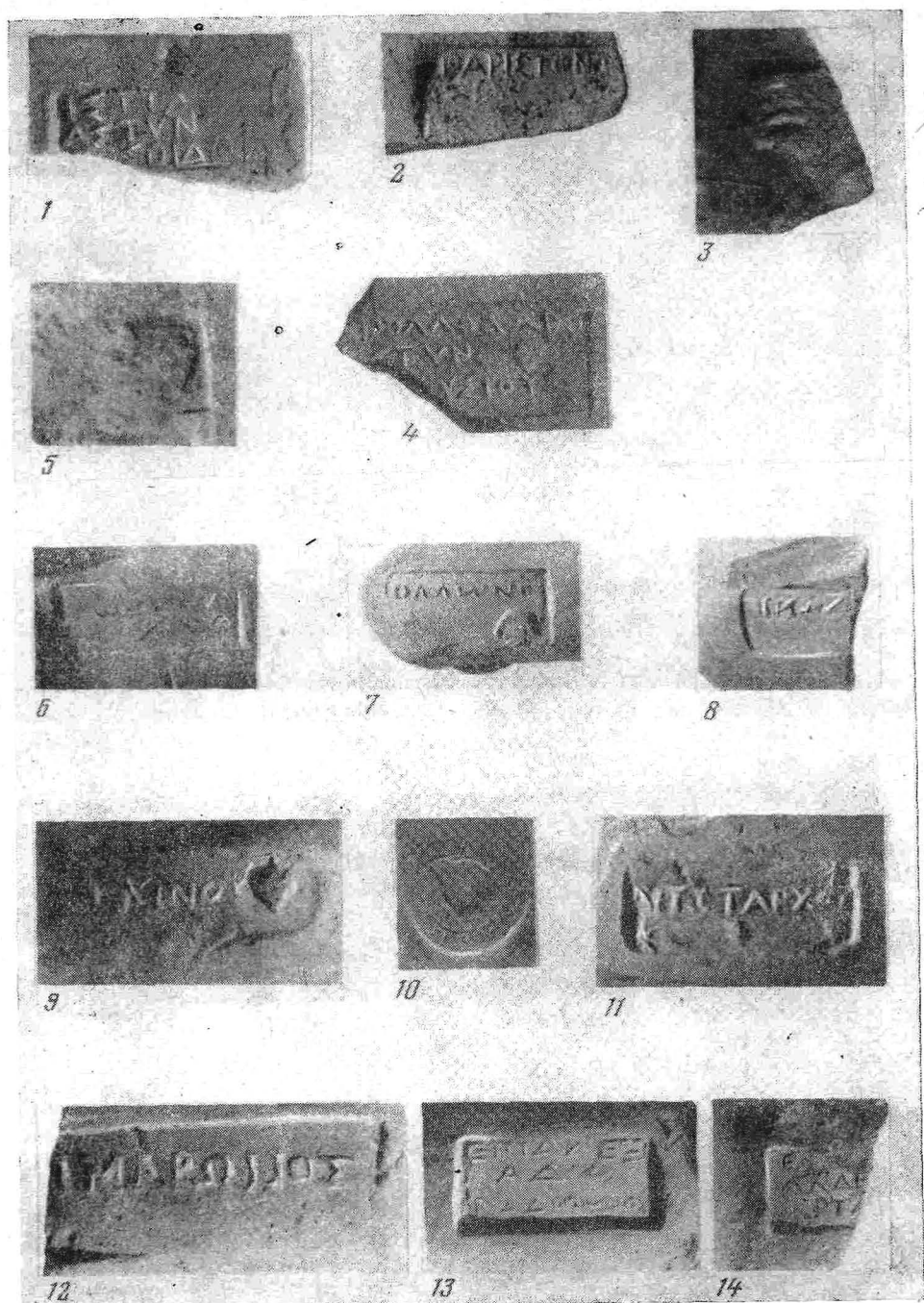

Рис. 1. Керамические клейма Синопы (1—5) и Родоса (6—14)

163 случая соответствия личных имен родосских эпонимов и фабрикантов, что значительно облегчает датировку фабрикантских клейм¹⁹.

Наши клейма по хронологической классификации В. Грейс с уточнениями других исследователей распределяются следующим образом:

Группа I (конец IV в. до н. э. — 275 г. до н. э.) — нет

Группа II (275—220 гг. до н. э.) — нет

Группа III (220—180 гг. до н. э.) — 11 клейм

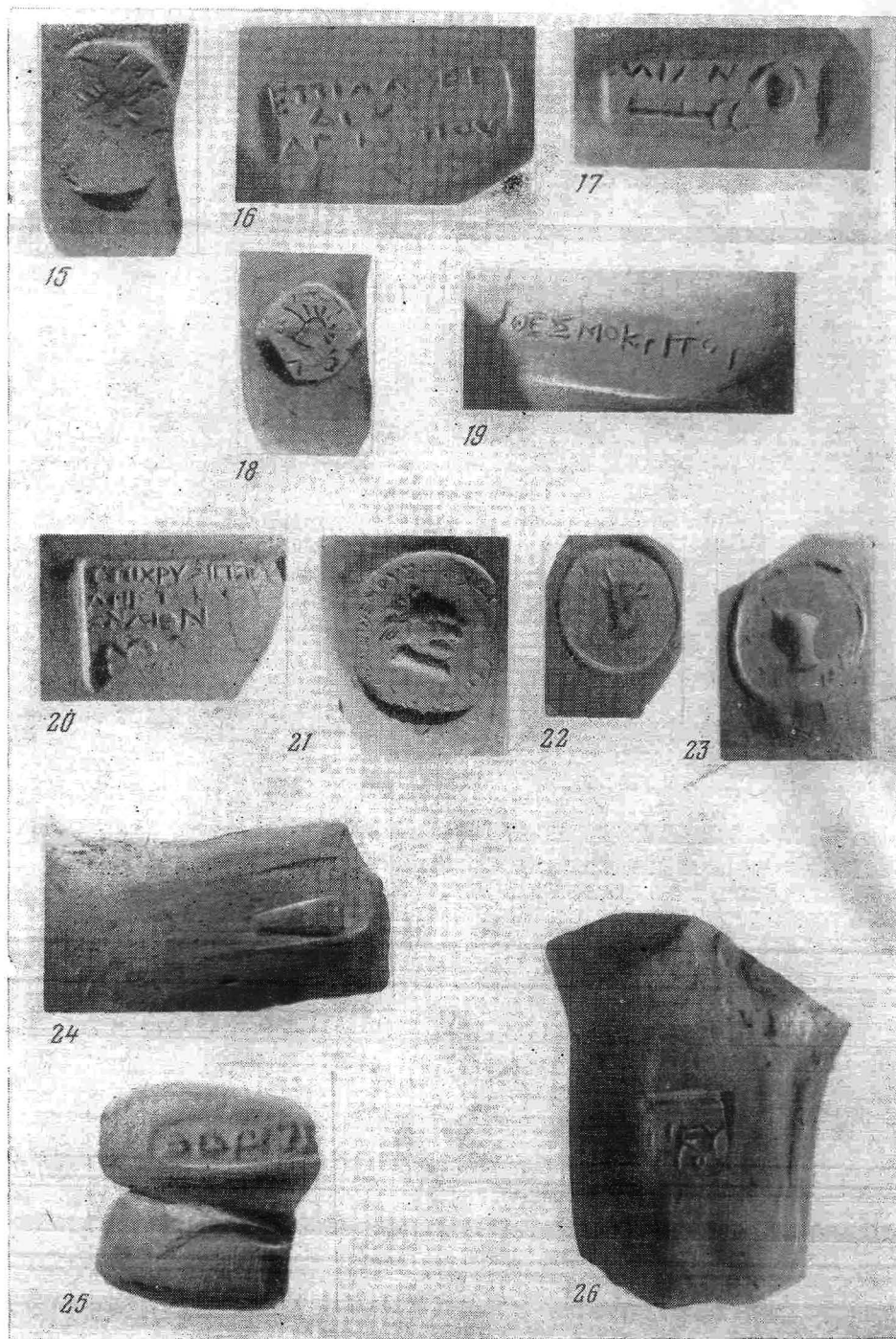

Рис. 2. Керамические клейма Родоса (15—19), Книда (20—24), Коса (25), Херсонеса (26)

Группа IV (180—150 гг. до н. э.) — 7 клейм

Группа V (150—108 гг. до н. э.) — 17 клейм

Группа VI (108 г. до н. э. — начало I в. до н. э.) — 4 клейма

Неопределенные — 7 клейм

Многие клейма, представленные в нашей коллекции, хорошо известны по находкам аналогичных экземпляров. Остановимся только на тех

клеймах, которые представляют определенный интерес для керамической эпиграфики.

№ 36. Εὐσέβης. Клеймо оттиснуто на амфорной ручке из светло-оранжевой чистой плотной глины. Поверхность ручки покрыта светлым ангобом. Клеймо прямоугольной формы. Надпись выполнена в одну строку. Шрифт тонкий, четкий. По шрифту наше клеймо похоже на клейма эпонима Протофана²⁰, чья деятельность относится к последним годам III в. до н. э., и фабриканта Агафокла²¹, время деятельности которого определится концом III — началом II в. до н. э.

В литературе такое имя нам не встретилось. Только в рукописи IOSPE, III отмечено родосское клеймо с надписью Εὐσέβης(ς)²². Но этот экземпляр — другого штампея и с лунарной *сигмой*, по шрифту прибли-

Рис. 3. Клеймо фабриканта Нола из Танаиса

жается к «курсивным» клеймам. Б. Н. Граков видел в этом клейме «несомненную ошибку резчика» и предлагал читать Εὐκλεβ(ς)²³. Из Неаполя происходит клеймо с надписью Εὐσέβης(ς) (НС-46, Б-4)²⁴. В этом клейме действительно может быть отмечена ошибка резчика, который дважды повторил слог *βη*.

Б. Н. Граков поместил в IOSPE, III родосское клеймо из Ольвии с восстановленными им *каппой* и *лямбдой* — Εὐ[κλ]εβς²⁵. Исследователь отметил, что *лямбда* перевернута. Если же букву не переворачивать, то мы получим только *ипсилон*. Если на месте третьей буквы восстановить *сигму* вместо *каппы*, можно прочесть то же имя — Εὐ[σβ]εβς. Итак, перед нами три точных и одно вероятное доказательства существования в греческой ономастике неизвестного до настоящего времени имени Евсиея.

№ 39. Θεοδοχρίτου. Очень редкое клеймо с именем фабриканта Тесмокрита²⁶. На ручках целой родосской амфоры из Ольвии сохранились два клейма²⁷; одно из них принадлежит фабриканту Тесмокриту, другое — эпониму Лафейду, деятельность которого приходится на вторую половину II в. до н. э.²⁸ Таким образом, выявлена новая пара соответствия имен эпонима и фабриканта.

№ 47. Νοῖλου Μ. Τ. Вокруг головы Гелиоса. Единственной аналогией этому клейму может служить клеймо фабриканта Нола, найденное в Танаисе (рис. 3)²⁹. Оба клейма круглые. Надпись нанесена по часовой стрелке вокруг лучезарной головы Гелиоса. Первая буква имени в обоих клеймах расположена сверху и чуть правее головы Гелиоса, *ипсилон*, однако, расположен слева от эмблемы. Размещение других букв в нашем клейме несколько сдвинуто. В клейме из Танаиса между *омегой* и *лямбдой*, а также между *ипсилоном* и *ню* есть лакуны, тогда как в неапольском клейме в первом случае стоит *иота*, а во втором — *ю* и *тау*.

Левый верхний край танаисского клейма вообще не пропечатался: круг вокруг надписи в этом месте прерывается. Очень схожи эмблемы обоих клейм; разница только в том, что в неапольском клейме — восемь лучей вокруг головы Гелиоса, а в танаисском — только шесть. Два луча могли не пропечататься. Аккуратнее проработана нижняя часть эмблемы — грудь Гелиоса.

Сказанное позволяет утверждать, что перед нами два штампея одного фабриканта Ноила. Отсутствие в танаисском клейме *иоты* объясняется тем, что эта буква в процессе клеймения не пропечаталась.

Пока нерешенным остается вопрос о значении букв М и Т в легенде неапольского клейма. В. Грейс определяет подобные отдельные литеры как цифровые обозначения³⁰. С этой гипотезой соглашается Д. Б. Шелов³¹, отвергая, правда, предположение В. Грейс, что цифры имели связь с возрастом вина. Ю. С. Бадальянц, соглашаясь с мнением В. Грейс, полагает, что отдельные буквенные обозначения в поле основного клейма были предшественниками дополнительных клейм³²; внесение дополнительных букв в основное клеймо было принято с конца IV в. до н. э. и применялось на протяжении III в. до н. э. до появления обособленных дополнительных клейм³³. Не вступая в дискуссию с авторитетными исследователями родосских клейм, мы хотим отметить следующее: клеймо фабриканта Ноила, содержащее отдельные буквы М и Т, датируется многим признакам второй половиной II в. до н. э. и не подтверждает гипотезы Ю. С. Бадальянца. Если буквы выражали цифры, то МТ дает число 340, что исключает возможность видеть в этом обозначении указание на возраст вина.

В Неаполе впервые встречено очень интересное клеймо на ручке амфоры Νεώπο. Ручка с плавным изгибом, овальная в сечении, слегка сплюснута по краям. Глина серо-коричневая с фиолетовым оттенком, с мелкими белыми и темными включениями, по составу очень напоминающая херсонесскую. Клеймо заключено в рамку, расположено сверху и поперек ручки. Аналогичных клейм мы не обнаружили. Известно только херсонесское клеймо Νεώπολις ὁ Μενεστράτου³⁴. Наше клеймо вполне могло происходить из Херсонеса. И. И. Толстой опубликовал граффито Νεώπολις на обломке ножки чернолакового канфара IV в. до н. э. из Херсонеса и писал, что «херсонесское граффито сохранило стяженную двухсоставную форму Νεώπολις, принадлежащую местному дорическому диалекту и бытовавшую, несомненно, в местной народной речи»³⁵. По форме клеймо напоминает херсонесские клейма с монограммами ΑΠΟ, ΠΑ, ΛΑ, ΔΙ, ΑΘΑ — все в рамках.

Датировать наше клеймо можно первой половиной II в. до н. э., так как по палеографическим признакам шрифт клейма очень близок лапидарной надписи из Херсонеса 179 г. до н. э. (IOSPE, I², № 402).

Одно клеймо нашей коллекции (№ 63) принадлежит неизвестному центру. На обломке горла амфоры светлой глины с белыми и черными включениями стоит энглифическое клеймо в виде лигатуры ΠΝΡ (ΠΟΝΤΗΡ).

Целая амфора с аналогичным клеймом, найденная на Козырском городище, датируется второй половиной II — началом III в. н. э.³⁶ В Неаполе была найдена такая же амфора, но без клейма³⁷.

Небольшая коллекция клейм из Неаполя позволяет сделать некоторые выводы. Все синопские клейма из коллекции оттиснуты на черепице, производство которой датируется второй половиной IV — началом III в. до н. э. Нет ни одной клейменной амфорной ручки Синопы этого времени. По-видимому, торговли между Синопой и Неаполем в IV в. до н. э. не было потому, что не существовало Неаполя. В пользу нашего тезиса говорит и то обстоятельство, что на городище не найдены клейма Фасоса и Гераклеи, хотя тара этих городов того времени встречается по всему Северному Причерноморью. Нет также ранних родосских клейм первых двух хронологических групп. Между клеймами Синопы и Родоса, найденными в Неаполе, наблюдается хронологический разрыв не менее 50 лет.

Неаполь мог быть основан в конце III в. до н. э. или, может быть, в последней его четверти. В это время скифы вели активные военные действия против греческих государств Северного Причерноморья. Возможно, они привозили черепицу с разграбленных поселений северо-западного Крыма или Гераклейского полуострова или покупали ее. Общеизвестно, что черепица могла существовать очень долго. Поэтому дата

ПРИЛОЖЕНИЕ

№№ и/п	Описание клейм	Год и место находки, № описи	Основные публикации аналогичных клейм *	Дата (до н. э.)
<i>Синопа</i>				
1	Орел на дельфине, справа налево Αἰσχίνου ἀστυνὸς(μου) Ποσειδῶ(νίου)	НС-46, Б-3, № 616	<i>Придик</i> , с. 85, № 469; <i>Граков</i> , с. 113, табл. IV, 3; <i>Цехмистренко В. И.</i> К вопросу о периодизации синопских керамических клейм.— СА, 1958, № 1, с. 65, рис. 49	345—320
2	ἐπ'Αρίστονος ἀστυνόμου. Ποσειδωνίου. Правая часть отбита	НС-45, кв. 23/2, № 84	<i>Граков</i> , с. 113, табл. III, 10	360—320
3	Ἰστυαίο(υ) Орел на дельфине ἀστυνό(μου). Ποσειδῶ(νίου). Zo.	НС-46, Б-3, № 618	<i>Придик</i> , с. 92, № 629; <i>Граков</i> , с. 115, табл. III, 9; <i>Цехмистренко В. И.</i> Синопское клеймо из Горгиппии.— КСИА, 145, с. 41 сл.	360—340
4	Προταγόρο(υ) Сосуд с одной ручкой	НС-46, Б-3, № 617	<i>Придик</i> , с. 97, № 731, табл. XIII, 14	340—320
5	ἀστυνό(μου). -----] Гроздь. Лист	НС-46, Б-4, № 654	<i>Граков</i> , с. 123; IOSPE, III, № 2441	340—320
6	Ἀπολλοδώρο(υ) ἀστυνό(μου) Διονυσίου. Трехстрочное, не читается.	НС-46, Б-3, № 620	—	—
<i>Родос</i>				
<i>Эпонимы</i>				
7	ἐπὶ Ἀλεξί- άδα. Βαδρονίου.	НС	IOSPE, III, № 515; <i>Grase</i> , Délос, p. 528; <i>Шелов</i> , № 13	Около 150 г.
8	ἐπ'Ἰερέως Ἀνδρῆα. Ἀρταμιτίου.	НС-46, Б-4, № 636	IOSPE, III, № 680; <i>Grase</i> , Délос, p. 528	Вторая половина II в.
9	ἐπ'Ἀρχι- νίου. Δαλίου. Третья строка справа на- лево, мелкий небрежный шрифт	НС-46, Б-4, № 623	IOSPE, III, № 1443	Вторая половина II в.
10	ἐπὶ Ἀρχί- βλου. Θεσ- μοφορίου.	НС-46, № 757	<i>Шелов</i> , № 73	Конец II в.
11	[ἐπὶ] Αὐτοκράτεος. Ἀγριανίου.	НС-46, Α-108	<i>Придик</i> , с. 7, № 117; IOSPE, III, № 1552; <i>Ше- лов</i> , № 88, 90	180—150
12	ἐπὶ Λαφι- δαος. Ἀγριανίου.	СК-45; подь- емный ма- териал	<i>Придик</i> , № 246, 247; IOSPE, III, № 2830—2833; <i>Шелов</i> , № 142	Вторая половина II в.
13	ἐπὶ Νι[χ]ασα- γάρα. Ἀρταμιτίου.	НС-46, Б-4, № 629	<i>Придик</i> , № 264; IOSPE, III, № 2974—2977; <i>Шелов</i> , № 152, 153	200—180
14	ἐπὶ Πολυαράτου. Δαλίου. Вокруг головы Гелиоса, по часовой стрелке	НС-46, Б-4, № 645	IOSPE, III, № 3672; <i>Ше- лов</i> , № 183	Вторая половина II в.

№№ п/п	Описание клейм	Год и место находки, № описи	Основные публикации аналогичных клейм *	Дата (до н. э.)
15	ἐπι[Τ]ε(ι)[σαμένου]. Ἄρταμιτίου. Вокруг головы Гелиоса, по часовой стрелке	НС	<i>Шелов</i> , № 202 (месяц — дальий)	Вторая половина II в.
16	Βαδρωμίου. ἐπι Τι[μ]οθέου. Справа палево	Б. н.	<i>Grace, Délos</i> , p. 530; <i>Grace, Tarsus</i> , p. 143; <i>Шелов</i> , № 216 (месяц — артамитий)	180—150
17	ἐπι Τε[ισα- μένου]. Δαλίου.	НС-45, № 623	IOSPE, III, № 4348; <i>Шелов</i> , № 202	Вторая половина II в.
18	ἐπ' ἱερέως -- -η-	НС-45, Б-4, № 626	—	—
19	ἐπι Φαιν[ί]λα. Ἄρταμιτίου.	НС-45, Б-5, № 107	<i>Grace, Délos</i> , p. 530	150—108
20	ἐπι Ἀ--- ου. Πανά- μου.	НС-46, Б-4, № 632	—	—
21	ἐπι-- νος. Θεσ[μο]φορίου.	НС-46, Б, № 763	—	—
22	Σ[μ]ιννίου. ἐπι ἱερέως Ναυσίππου.	НС-46, Б-4, № 634	<i>Grace, Délos</i> , p. 529	150—108
23	ἐπι--[γο]ρα. Σ[μ]ινθίου. Справа налево	НС-47, Б, № 761	—	—
<i>Фабриканты</i>				
24	Ἄμυντα. Венок с лентами	НС-46, Б-4, № 624	<i>Придик</i> , с. 22, № 463—468; <i>Grace, Tarsus</i> , p. 115, № 263, 264; <i>Вадалянци</i> , с. 39	220—180
25	Ἀ[πολλωνί- ου]. Гроздь	НС-46, Б-4, № 640	<i>Придик</i> , с. 23, № 506; <i>Grace, Délos</i> , p. 526; <i>Шелов</i> , № 282	220—180
26	Ἀπολλωνί- ου]. Справа налево	НС-46, Б-6, ЮЗ, № 453	<i>Шелов</i> , № 279	220—180
27	* Ἀριστάρχου. Гроздь? *	* НС-45, Б-2, № 617 *	<i>Придик</i> , с. 23, № 507—509; IOSPE, III, № 5451; <i>Шелов</i> , № 285	220—180
28	Ἀρ[ιστ]οφά[νε]υς.	НС-47, Б, № 73	<i>Grace, Délos</i> , p. 526; <i>Вадалянци</i> с. 40	108 — начало I в.
29	Δαμ[ο]κράτ[ευς]. Гроздь. Тирс	НС-46, Б-4, № 639	<i>Придик</i> , с. 25, № 573; <i>Шелов</i> , № 317; <i>Вадалянци</i> , с. 40	Начало I в.
30	Διοδότου.	НС-45, № 18	<i>Придик</i> , с. 25, № 579—583; IOSPE, III, № 6378; <i>Шелов</i> , № 319, 320	220—180
31	Διοχ[λεί]ας Восстановление предположительно	НС-47, Б, № 75	IOSPE, III, № 6405—6413; <i>Grace, Tarsus</i> , p. 143, N 54; <i>Grace, Savvatiapou-Petrorikou</i> , p. 308; <i>Шелов</i> , № 321; <i>Вадалянци</i> , с. 40	Около середины I в.

№№ п/п	Описание клейм	Год и место находки, № описи	Основные публикации анало- гичных клейм *	Дата (до н. э.)
32	Διοφάντου.	НС-47, Б-4, № 756	<i>Шелов</i> , № 327	180—150
33	Δώρου.	НС-46, Б-4, № 630	<i>Придик</i> , с. 26, № 610; <i>IOSPE</i> , III, № 6638—6668; <i>Grace</i> , Délos, p. 538; <i>Ше- лов</i> , № 334	108 — на- чало I в.
34	Εὐκλείτου. Кадущей	НС-46, Б-4, № 641	<i>Придик</i> , с. 26, № 622, 623; <i>IOSPE</i> , III, № 6853; <i>Ше- лов</i> , № 344, табл. IV	170—150
35	Εὐκλείτου.	НС-45, Б-3, № 638	Там же	170—150
36	Εὐδόμου.	НС-46, Б-4, № 628	<i>IOSPE</i> , III, № 6916. Ср.: Там же, № 6896, 6917	Конец III — на- чало II в.
37	Εὐφράνορος. Вокруг головы Гелиоса	НС-46, Б-4, № 643	<i>IOSPE</i> , III, № 6926; <i>Grace</i> , Délos, p. 526; <i>Шелов</i> , № 355	Вторая полови- на II в.
38	Ἡ[φ]αίστιος[ος].	НС-46, Б-3, № 638	<i>Придик</i> , с. 27, № 640; <i>Grace</i> , <i>Savvatianou-Petrorou- lakou</i> , N E-12; <i>Grace</i> , Dé- los, p. 520, 527	Вторая полови- на II в.
39	Θεσμοκρίτου.	НС-45, Б, № 737	<i>IOSPE</i> , III, № 7174; <i>Grace</i> , Délos, p. 527.	150—108
40	Κάλλωνος. Герма	НС-47, Б	<i>Придик</i> , с. 28, № 690, табл. I, 38; <i>IOSPE</i> , III, № 7572, 7573, 7589	Вторая полови- на II в.
41	Κάλλωνος. Герма Оттиснуто дважды	НС-45, Б-6, № 452	—	Вторая полови- на II в.
42	Λίνου. Гроздь	НС-46, Б-4, № 637	<i>Придик</i> , с. 29, № 709; <i>IOSPE</i> , III, № 7763; <i>Ше- лов</i> , № 392—397	200—180
43	Λίνου. Гроздь	НС-47, № 96	—	200—180
44	Μαρσύα, Θεσμοφορίου.	НС-48, А-976	<i>Придик</i> , с. 30, № 725; <i>IOSPE</i> , III, № 7874—7889; <i>Шелов</i> , № 402	220—180
45	Μάρωνος. Неясный знак или допол- нительное клеймо. Ветвь	НС-46, Б-4, № 625	<i>IOSPE</i> , III, № 7956—7961; <i>Grace</i> , Délos, p. 527	180—150
46	Μίδα, Кадущей	НС-46, Б-4, № 639	<i>Придик</i> , с. 40, № 743— 747; <i>IOSPE</i> , III, № 8121 (из Неаполя); <i>Шелов</i> , № 407—411	Вторая полови- на II в.
47	Νωίλου. М. Т. Вокруг головы Гелиоса, по часовой стрелке	НС-46, Б-4, № 644	<i>Шелов</i> , № 437	Вторая полови- на II в.
48	Σωτᾶ.	НС-47, Б, № 766	<i>IOSPE</i> , III, № 9059—9073; <i>Grace</i> , Délos, p. 528; <i>Gra- ce</i> , Pnyx, p. 141, N 71; <i>Шелов</i> , № 462	Вторая полови- на II в.
49	Τιμοξένου. Вокруг цветка, против ча- совой стрелки	НС-46, Б-4, № 646	<i>IOSPE</i> , III, № 9182 (из Неаполя); <i>Придик</i> , с. 33, № 841; <i>Grace</i> , Délos, p. 528; <i>Шелов</i> , № 466	200—180

№№ п/д	Описание клейм	Год и место находки, № описи	Основные публикации аналогичных клейм *	Дата (до н. э.)
50	Е-----	НС-46, Б-4, № 627	—	—
51	Не читается, прямоугольное	НС-47, Б, № 750	—	—
52	---χ--- Круглое	НС-46, Б-4, № 642	—	—
<i>Книд</i>				
53	Δαμοκ[ράτεος τοῦ] Ἀριστοκλεῦς. Вокруг головы быка	НС-45	Grace, Pnyx, N 177; Grace, Savvatianou-Petropoulakou, N E-66, E-67	146—вторая половина II в.
54	Ἀνδρῶ[ν] Δημητρίου. Κυδοσφένους. Вокруг головы льва с передней лапой	НС-46, Б-4	Grace, Pnyx, p. 148, 149; Grace, Savvatianou-Petropoulakou, N E-169	Конец II в.
55	Ἀρι[σ]τοκλεῦς. Палица Θεῦδοσιῦ. Κυ[ί]δι(ον).	НС-46, Б-4 № 653	IOSPE, III, № 522; Grace, Savvatianou-Petropoulakou, N E-51	188—166
56	ἐπὶ Χρυσίππου. Кадуцей Ἀριστοκ[λ]εῦς. Κυ(ί)διον.	НС-46, Б-4,	IOSPE, III, № 325; Grace, Pnyx, N 149	Вторая половина II в.
57	Не читается, ромбовидное, внутри тирс?	НС-45, А-12, № 200	—	—
58	Не читается. Вокруг головы быка	НС-46, Б-3, № 615	Grace, Pnyx, tabl. 70, 71	Конец II в.
<i>Косс</i>				
59	Ἀδαίου.	НС-46, Б-4, № 649	Grace, Savvatianou-Petropoulakou, N E-236; Штаерман, с. 41, рис. 5, № 103; Шелов, № 543, табл. IV	Начало I в.
60	----α.	НС-46, Б-4, № 650	—	—
<i>Херсонес</i>				
61	----ας ἀστυνόμου.	НС-45, Б-4, № 642	—	—
62	Νεῦπο. В рамке	НС-45, № 502	—	Первая половина II в.
<i>Неизвестный центр</i>				
63	Ποντήρ.	НС-47, Б	Бураков А. В. Козырское городище... Киев, 1976, с. 74, рис. 36	Вторая половина II — начало III в. н. э.

* Приняты следующие сокращения: Бадалянц — Бадалянц Ю. С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса. — СА, 1976, № 4; Граков — Граков Б. И. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928; Придик — Придик Е. М. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепках Эрмитажного собрания. Пг., 1917; Шелов — Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975; Штаерман — Штаерман Е. М. Керамические надписи из Тира. — КСИИМК, XXXVI, 1951; Grace, Délos. — Grace V. Timbres amphoriques trouvés à Délos. — BCH, LXXVI, 1952; Grace, Pnyx. — Grace V. Pnyx. Stamped Wine Jar Fragments. — Hesperia, Suppl. X, 1956; Grace, Tarsus — Grace V. The Stamped Amphora Handles. Excavations at Gözlükule. — Tarsus, I. Princeton, 1950; Grace, Savvatianou-Petropoulakou — Grace V., Savvatianou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs. — In: Exploration archéologique de Délos, XXVIII. Paris, 1970.

возникновения какого-либо памятника, установленная по клеймам на черепице, не может быть принята безоговорочно.

И. И. Толстой трактовал упоминаемое нами выше херсонесское граффито как Νεβκόλις — Невполис, т. е. Неаполь — название города в Крыму, недалеко от окраины нынешнего Симферополя. На основании датировки черепка, на котором было нанесено граффито, он заключил, что Неаполь существовал в Крыму еще в IV в. до н. э.³⁸ Против этого вывода возражал В. Д. Блаватский, который считал недоказанным существование города в IV в. до н. э. Надпись, по его мнению, означала наименование не города, а лица³⁹. В пользу этого мнения свидетельствует и клеймо херсонесита Невполиса.

Количественный подсчет, хотя и условный из-за малого количества материалов, показывает заметное увеличение торговли Неаполя с Родосом и Книдом во второй половине II в. до н. э., в отличие от резкого сокращения боспоро-родосских торговых отношений.

- ¹ Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция. — Известия АН СССР, сер. ист. и филол., IV, 3, 1947, с. 282.
- ² Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.). — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 68.
- ³ Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 28.
- ⁴ Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 74.
- ⁵ Высотская Т. Н. Скифские городища. Симферополь, 1975, с. 10, 17.
- ⁶ Шульц П. Н. Тавро-скифская экспедиция в Крыму. — Советский Крым, 1946, № 2, с. 104, 105.
- ⁷ Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского, с. 69, 70, примеч. 1.
- ⁸ Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
- ⁹ Другая классификация предложена В. И. Цехмистренко. См.: Цехмистренко В. И. К вопросу о периодизации синопских клейм. — СА, 1958, № 1, с. 56 сл. Она пока не принята учеными. См.: Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 138.
- ¹⁰ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954, с. 90.
- ¹¹ Брашинский И. Б. Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 133.
- ¹² Цехмистренко В. И. Синопские керамические клейма с именами гончаров. — СА, 1960, № 3, с. 66.
- ¹³ Василенко Б. А. К вопросу о датировке синопских клейм. — СА, 1971, № 3, с. 247—250; Кругликова И. Т., Виноградова Ю. Г. Клейма Синоп на амфорах из пос. Андреевка Южная. — КСИА, 133, 1973, с. 45.
- ¹⁴ Подробный очерк см.: Шелов Д. Б. Керамические клейма..., с. 16 сл.
- ¹⁵ Граков Б. Н. Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли [рукопись]. Архив ИА АН СССР, № 538, л. 28.
- ¹⁶ Grace V. Timbres amphoriques trouvés à Délos. — BCH, LXXVI, 1952, p. 525.
- ¹⁷ Grace V. The Eponyms Named on Rhodian Amphora Stamps. — Hesperia, XXII, 1953, 2, p. 116; eadem. Pnyx. Stamped Wine Jar Fragments. — Hesperia, Suppl. X, 1956, p. 138; Grace V., Savvatiadou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs. — In: Exploration archéologique de Délos, XXVIII. Paris, 1970, p. 302.
- ¹⁸ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., см. комментарий.
- ¹⁹ Бадалянц Ю. С. Хронологическое соответствие имен эпонимов и фабрикантов на амфорах Родоса. — СА, 1976, № 4, с. 32—41.
- ²⁰ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., № 186, табл. II.
- ²¹ Там же, № 254, табл. III.
- ²² IOSPE, III, № 6916, комментарий и фото.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же, № 6917.
- ²⁵ Там же, № 6896.
- ²⁶ Grace V. Timbres amphoriques trouvés à Délos, p. 527; IOSPE, III, N 7174.
- ²⁷ IOSPE, III, N 7154.
- ²⁸ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., № 142.
- ²⁹ Там же, № 437. Д. Б. Шелов любезно предоставил нам прорисовку клейма.
- ³⁰ Grace V., Savvatiadou-Petropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs, p. 307.
- ³¹ Шелов Д. Б. Керамические клейма..., с. 93.
- ³² Бадалянц Ю. С. Дополнительные и «курсивные» клейма на амфорах эллинистического Родоса. — ВДИ, 1973, № 4, с. 56.
- ³³ Там же, с. 59, 60.
- ³⁴ Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор. — НЭ, XI, 1974, с. 123.

- ³⁶ Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.—Л., 1953, с. 58.
- ³⁷ Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры.— Киев, 1976, с. 74, рис. 36.
- ³⁷ Карасев А. Н. Раскопки Неаполя скифского.— КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 170, рис. 55, б.
- ³⁸ Толстой И. И. Греческие граффити..., с. 57, № 80.
- ³⁹ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 28, примеч. 2.

Ф. Л. ОСМАНОВ

ПОСЕЛЕНИЕ И НЕКРОПОЛЬ У СЕЛА НЮДИ АХСУИНСКОГО РАЙОНА

Среди памятников Кавказской Албании очень интересны поселение и синхронный ему некрополь около с. Нюди Ахсуинского р-на АзССР. В 1966 г. здесь впервые были проведены раскопки разведочного характера и получен материал эллинистической эпохи¹. В процессе раскопок были обнаружены строительные остатки, орудия труда, керамика и другие предметы, относящиеся ко II в. до н. э.— I в. н. э.

Памятник сильно пострадал от выветривания и перекопов. Толщина культурного слоя достигает 1,2—1,5 м. На глубине 0,7 м выявлены остатки фундамента здания, сложенного из небольших камней. Открытая стена шла в направлении с севера на юг, длина ее 5 м, ширина — 0,6 м, высота сохранившейся части около 0,2 м. В южной части непосредственно на кладке найдены остатки пристройки в виде выступа, соединявшегося с первым зданием и направленного на восток. Остальные части строения не сохранились. Остатки стен свидетельствуют о том, что сооружение имело в плане четырехугольную форму. Для прочности кладки в некоторых местах ее был использован рваный камень. На западной стене сохранились остатки обожженной штукатурки со следами прутьев. Камни западной стены в ее северном углу почернели от огня и были покрыты зольно-угольным слоем: по-видимому, именно в этом углу находился очаг. Из-за перекопов верхнего слоя очаг не сохранил своей первоначальной формы. С внешней стороны здания, на расстоянии 1 м от очага, обнаружен вкопанный в землю хозяйственный сосуд высотой 1,5 м и диаметром горловины 0,6 м.

Находки остатков дерева (дуба) говорят о том, что при строительстве широко использовалась древесина. Этнографические наблюдения показывают, что местные каменщики до сих пор (возможно, учитывая сейсмичность Ширванской зоны) для прочности кладки стен между рядами камней прокладывают деревянные балки.

При раскопках на поселении найдены фрагменты глиняных сосудов, зернотерок и других изделий. Среди керамики — обломки больших лепных кувшинов и более мелких сосудов в основном красного обжига, украшенных различным орнаментом и глиняными налепами. Подобные керамические изделия встречаются в Мингечауре², Хыныслы³, Джафарханском могильнике⁴, Моллаисаглы⁵, Алазанской долине⁶, Ялойлутепе⁷ и т. д. Зернотерки имеют удлиненную ладьевидную форму. В большом количестве обнаружены орудия труда, связанные с земледелием, — железные серпы, секачи, а также ступы. Много остеологического материала, в котором преобладают кости быков, коз и баранов. Все это дает основание считать, что экономика поселения базировалась на земледелии и скотоводстве. Значительную роль в хозяйстве местного населения играли и ремесла, в частности гончарное и обработка металлов.

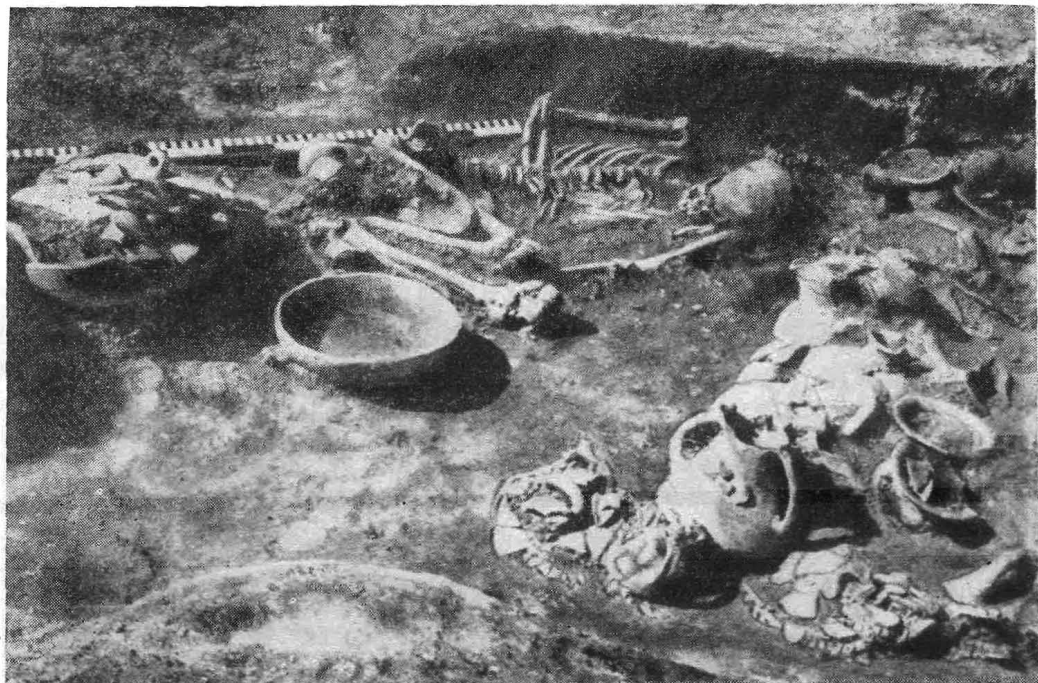

Рис. 1. Погребение 11 из некрополя у с. Ньюи

В 1972, 1973 и 1975 гг. раскопки памятника продолжались в восточной его части⁸. Здесь обнаружено более 30 погребений, из которых два — кувшинные (детские), а остальные грунтовые. Погребения, расположенные на небольшой глубине, оказались разрушены. Однако большая часть сохранилась довольно хорошо — например, погребение 11 (рис. 1). Во всех погребениях отмечены следы огня. Могильные ямы имели прямоугольную форму. Костяки лежали в скорченном положении. Могильный инвентарь состоял из орудий труда, глиняных сосудов и украшений. Обнаружены погребения, в которых число сосудов превышает 40.

Среди керамики имеются крупные кувшины, кувшины-долча, вазы, чаши, горшки, зооморфные сосуды (типа фляг) и др. Большие сосуды-кюпы встречались чаще в жилищах на поселении и реже — в погребениях. В могилах они находились у изголовья погребенного. Кувшины-кюпы в основном не орнаментированы и у них нет ручек (рис. 2, 1). Они были удобны для хранения различных сельскохозяйственных продуктов.

В следующую группу входят многочисленные кувшины с разнообразными венчиками — круглыми, трех- и четырехлепестковыми (рис. 2, 1—4; 3, 3). Тулово этих сосудов шаровидное или удлинненное. Они снабжены одной или двумя ручками, соединяющими венчик с плечиком. Средняя часть ручки у некоторых сосудов этого типа выполнена из ленточного жгута. Привлекает внимание изящный молочник с трехлепестковым венчиком розовато-желтого обжига, покрытый белым ангобом. Сосуд изготовлен из хорошо отмученной глины без посторонних примесей. У основания желобчатого слива находится ситечко. Ручка вылеплена из двух жгутиков и соединяет венчик с биконическим туловом (рис. 3, 1). Доньшко вогнуто внутрь. Сосуды этого типа широко распространены в пределах Кавказской Албании⁹. Ими пользовались для хранения молока, вина, соков, воды и т. д.

Особую группу среди сосудов античного времени составляют красноглиняные и черноглиняные вазы на одной или трех ножках (рис. 2, 5, 6; 3, 6). Вазы иногда имеют одну или две лентообразные ручки (рис. 4, 7). Вазы

Рис. 2. Керамика из некрополя у с. Нюди

1 — красноглиняный сосуд из грунтового погребения 5; 2 — глиняный сосуд желтого цвета из грунтового погребения 7; 3 — желтоватый глиняный сосуд с трехлепестковым венчиком из грунтового погребения 6; 4 — красноглиняный двуручный сосуд [из грунтового погребения 11; 5 — красноглиняный сосуд из грунтового погребения 11; 6 — красноглиняный сосуд с четырехлепестковым венчиком из грунтового погребения 11

на одной ножке заканчиваются вогнутым внутрь дисковидным основанием (рис. 3, 5, 6). Часто в вазах оказывались кости птиц и животных.

Один из характерных и массовых типов керамики нюдинского комплекса представлен красноглиняными чашами с одной (рис. 4, 2, 4) или двумя (рис. 4, 3) ручками. Среди них типологически выделяются сдвоенные чаши с одной почти вертикальной ручкой, расположенной на перемычке (рис. 4, 1).

Следующую характерную группу составляют красноглиняные, иногда лощеные горшки с двумя ручками, которые или расположены на тулове (рис. 4, 5), или соединяют венчик сосуда с плечиком (рис. 4, 6).

Интересны многочисленные красноглиняные фляги в виде черепаш и птиц (рис. 3, 2, 4). Форма этих сосудов, имевших применение в хозяйстве, отражает религиозные воззрения местных жителей.

В некрополе обнаружены в большом количестве металлические предметы — железные серпы, ножи, секачи, бронзовые копыя, проколки и украшения. Несмотря на то, что под действием солей и щелочей они сильно окислились, форма их хорошо сохранилась. Среди железных орудий следует отметить секач, имевший наибольшее распространение именно в этом районе. Такие секачи найдены в кувшинных погребениях Мингечаура¹⁰ и Хыныслы¹¹. Почти во всех погребениях Нюдинского могиль-

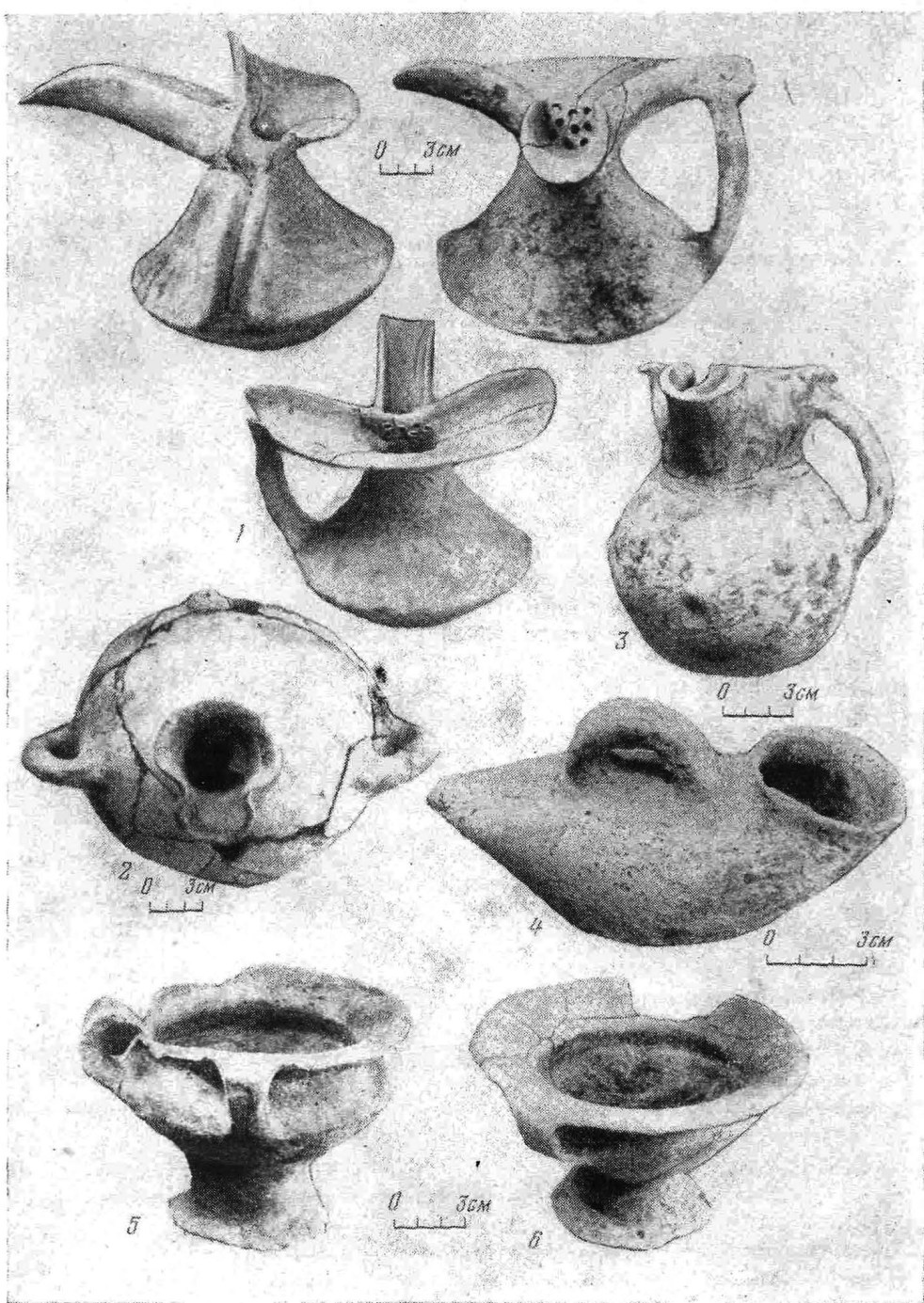

Рис. 3. Керамика из некрополя у с. Ньюди

1 — глиняный сосуд беловатого цвета с трехлепестковым венчиком и ситечком из грунтового погребения 11; 2 — глиняная фляга серого цвета со сливом из грунтового погребения 11; 3 — глиняный кувшинчик с трехлепестковым венчиком из кувшинного погребения 2; 4 — красноглиняный зооморфный сосуд в виде птицы из грунтового погребения 11; 5, 6 — красноглиняные вазы из грунтового погребения 11

ника встречаются железные наконечники копей (иногда по несколько экземпляров). Копье и дротик составляли основное вооружение албанских воинов¹². Это подтверждает Страбон. Он указывает, что албанцы вооружены дротиками и луками, носят панцири и большие продолговатые щиты, а также шлемы из шкур зверей, подобно иберийцам (Страбон, XI, IV, 5).

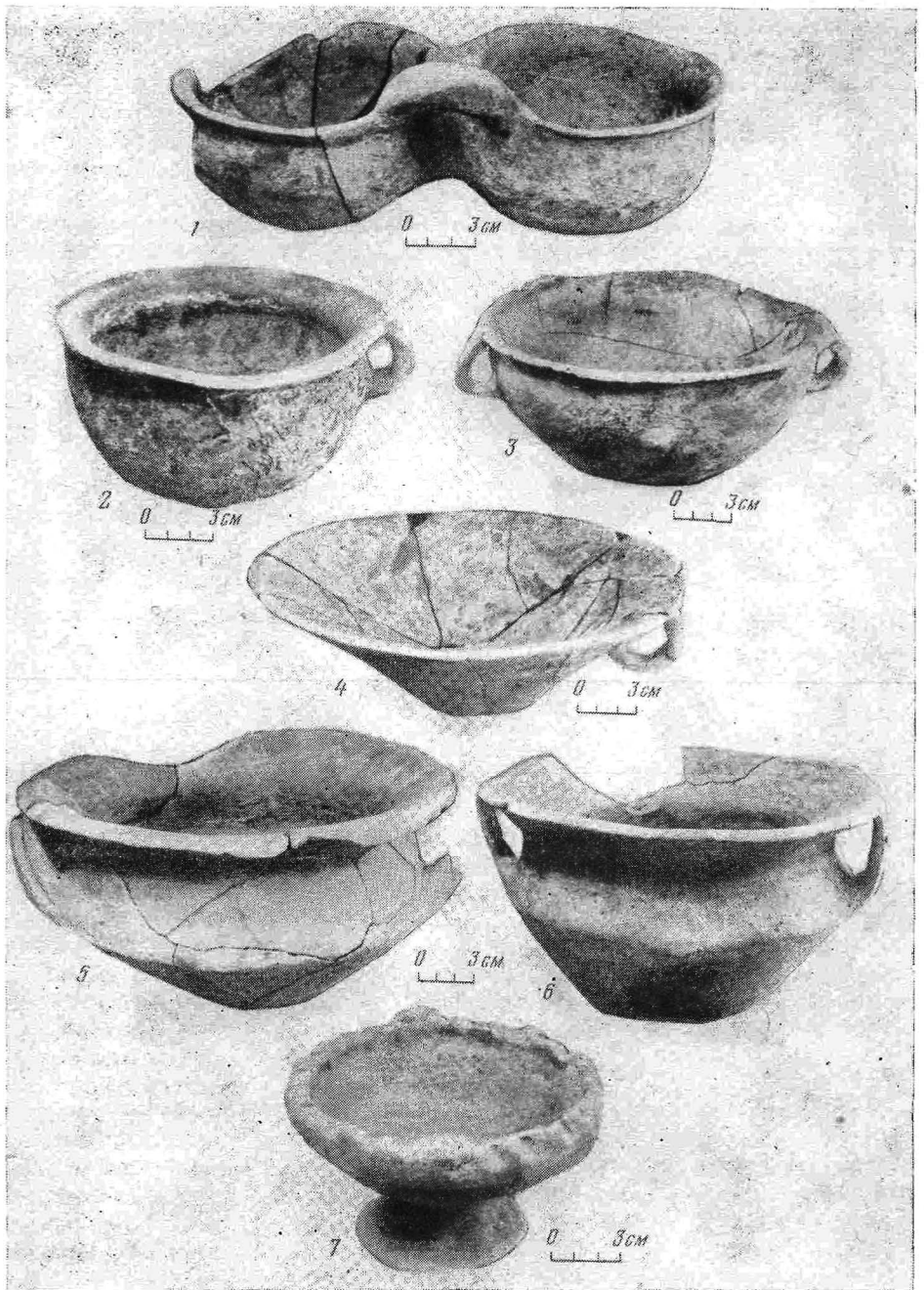

Рис. 4. Керамика из некрополя у с. Нюди

1 — краеноглиняная двоянная чаша из грунтового погребения 8; 2—4 — красноглиняные чаши из погребения 6; 5, 6 — красноглиняные горшки из погребения 11; 7 — красноглиняная ваза из погребения 11

В погребениях копьё обычно лежали у изголовья, напротив лица, иногда — на сосудах. Наконечники копий имеют листовидную форму с заостренным концом. Длина их различна. Копьё завершала втулка, в которую вставлялись деревянные черенки. Противоположная наконечнику сторона втулки несколько расширена, а середина ее, как правило, ребриста.

Среди находок особое место занимают украшения — браслеты, кольца, бусы, подвески и т. д. Браслеты изготовлены из бронзы, за исключением одного — железного. Диаметры их различны, сечения круглые, треугольные, четырехугольные. Лептовидные браслеты с сомкнутыми и несомкнутыми концами не орнаментированы.

Кольца различных видов изготовлены также из бронзы. Некоторые из колец имеют утолщенные концы, заходящие друг за друга. Одно из колец было железным, с углублением для вставки (не сохранилась). На кольцо были наизаны полые бронзовые бусы шаровидной формы. Представляют интерес два бронзовых кольца, сделанных из закрученной проволоки в шесть завитков. Оба конца этих колец заострены. Одно железное кольцо состоит из трех завитков. Этот тип колец характерен для памятников позднего бронзового и раннего железного века¹³, а также раннеантичной эпохи в Азербайджане¹⁴.

Найдены бусы, изготовленные из стекла, сердолика, пасты, бронзы, кости. Они имеют ромбовидную, продолговатую, круглую формы. Большинство бус следует считать привозными. Наиболее распространенными были бусы из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой, округлой и усеченно-круглой формы с тоненьким внутренним стерженьком и широким каналом (длина 0,8 мм, диаметр 0,4 мм). Встречались мелкие сдвоенные бусины с яркой внутренней позолотой.

Среди других бус часты инкрустированные разноцветными прожилками и глазками-кружочками. Стекло глазков более или менее прозрачное бесцветное или полупрозрачное синее. Синие полупрозрачные диски в глазках всегда окружены бесцветным стеклом. Промежуток между глазками заполнен кусочками белого стекла. Имеются эллипсоидные бусы со спиралевидным орнаментом из спаянных цветных нитей прозрачного синего, зеленого и непрозрачного белого и желтого стекла.

Из своего исследованных погребальных памятников Кавказской Албании пока только в Нюдинском могильнике встречены усеченно-округлые бусы, часто выполненные из свернутой серебряной полоски. Сравнительно часто попадаются здесь и стеклянные бусы с внутренней прослойкой серебра.

В 1972 г. в Нюди впервые обнаружен клад из 37 серебряных монет-драхм. Небольшой кувшинчик с монетами найден в грунтовом погребении 11 у ног умершего, похороненного в скорченном виде. Одна из драхм обнаружена в грунтовом погребении 22 под костями рук, направленных к лицу. Все монеты местной чеканки выполнены в подражание монетам Александра Македонского и селевкидским. На лицевой стороне схематично изображена голова человека в профиль с диадемой или в шлеме. На оборотной стороне — сидящая на троне фигура, возможно Зевс. В вытянутой правой руке, слегка согнутой в локте, он держит орла, иногда козу. Левая рука опирается на древко длинного скипетра или копья, иногда с раздвоенным концом. На голове сидящей фигуры — гребень. Несмотря на однотипность монет они биты несколькими штемпелями.

Такие монеты встречены у Хыныслы¹⁵, в Кабале¹⁶ и Ялойлутепе¹⁷. Подобные типы подражаний обнаружены только в Азербайджане. Они бесспорно являются местными, чеканенными где-то в районе предгорий Большого Кавказа. Местные монеты в Хыныслинском и Кабалинском кладах были смешаны с монетами, чеканенными в разных странах. В Нюди же найдены только местные подражания. Важно отметить, что монеты были положены в могилу вместе с умершим и не являются поздним кладом. Это обстоятельство помогает при определении этнической принадлежности и хронологии памятника. Погребальный инвентарь свидетельствует, что могильник у с. Нюди относится ко II—I вв. до н. э. В погребении 46 вместе с местной монетой обнаружена парфянская драхма, относящаяся к поздним эмиссиям Митридата II (123—88 гг. до н. э.)¹⁸. Эта находка подтверждает нашу точку зрения о датировке поселения и некрополя, а также уточняет время чеканки местных монет.

- ¹ Османов Ф. Л. Отчет о разведочных археологических раскопках 1965 г. у с. Нюди Ахсуинского р-на. Научный архив Института истории АН АзССР, № 6083; *он же*. Бронзовый шлем, найденный в Ахсуинском районе АзССР. — Доклады АН АзССР, 1, 1972, с. 71—75.
- ² Газиев С. М. Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960; Материальная культура Азербайджана, т. III. Баку, 1953, с. 9, 10.
- ³ Халилов Д. А. Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании. — СА, 1962, № 1, с. 211—213.
- ⁴ Пассек Т. С. Джафарханский могильник. — ВДИ, 1946, № 2.
- ⁵ Османов Ф. Л. Об археологических памятниках Исмаилинского района. — В кн.: Материальная культура Азербайджана, т. IV. Баку, 1965, с. 123—130 (на азерб. языке).
- ⁶ Ниорадзе Г. Раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940.
- ⁷ Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-тепе. Баку, 1927; Исмаилов О. Ш. Ялойлутепинская культура. Баку, 1956.
- ⁸ Османов Ф. Л. Раскопки античного некрополя у с. Нюди. — АО 1972 г. М., 1973, с. 441, 442; Османов Ф. Л., Ибрагимов Ф. А., Ахвердиев А. Ш. Работы Нюдинского отряда. — АО 1973 г. М., 1974, с. 456, 457; Османов Ф. Л., Раджабли А., Ибрагимов Ф. А., Ахвердиев А. Ш. Раскопки в с. Нюди. — АО 1975 г. М., 1976, с. 504.
- ⁹ Ниорадзе Г. Раскопки в Алазанской долине, с. 25, рис. 14, 15.
- ¹⁰ Газиев С. М. Материальная культура Азербайджана, т. III, с. 6, рис. 1; *он же*. Альбом..., табл. XXXVI, 7, 13.
- ¹¹ По устному сообщению Д. А. Халилова в Хыныслы обнаружено много таких орудий.
- ¹² Османов Ф. Л., Ибрагимов Ф. А. Об оружии албанцев из античного поселения Нюди. — Известия АН АзССР, сер. ист., филос. и права, 1976, 4, с. 52—61.
- ¹³ Кесаманлы Г. П. О хачбулагских каменных ящиках. — В кн.: Материальная культура Азербайджана, т. VI. Баку, 1965, с. 43, рис. II, 3.
- ¹⁴ Газиев С. М. Барданлы археоложи газынтыларнын Исесабыты (1956). — Известия АН АзССР, сер. общест. наук, 1960, 4, с. 44, табл. II, 6.
- ¹⁵ Пагомов Е. А. Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н. э. — В кн.: Материалы по истории Азербайджана (Труды Музея истории Азербайджана, т. V). Баку, 1962, с. 74—76.
- ¹⁶ Бабаев И. А., Казиев С. М. Кабалинский клад монет эллинистической эпохи. — НЭ, IX, 1971, с. 16—32.
- ¹⁷ Пагомов Е. А. Античные монеты в Албании. — В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 106—113.
- ¹⁸ Османов Ф. Л., Раджабли А., Ибрагимов Ф. А., Ахвердиев А. Ш. Раскопки в с. Нюди, с. 504.

М. М. КУБЛАНОВ

НОВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЛУРАТА

Раскопки Илурата в 1972 г. привели к открытию на южной оконечности некрополя новых погребальных сооружений. Среди них наиболее интересными представляются следующие:

1. Катакомба (26) — 12-е из раскопанных на некрополе сооружений этого типа¹. По устройству катакомба довольно типична для данной группы: небольшой открытый дромос, грубо вырубленный в скале, вытянутый с востока на запад; небольшая (длина 3,30 м, ширина 2,60 м, высота 1,45 м) камера в форме неправильной трапеции. Однако две особенности отличают ее от других. Первая — лежанка. Среди всех катакомб некрополя лишь одна еще имела лежанки. Вторая особенность — невысокий барельеф, грубо высеченный на козырьке свода у входа в камеру. Барельеф представляет собой изображение мужского лица. Широко расставленные глаза, небольшие нос и рот, широкая борода создают впечатление, что здесь, возможно, воспроизведены некоторые индивидуальные портретные черты. Барельеф обращен на запад. Камера ограблена. Скучные остатки погребального реквизита довольно обычны и датируют катакомбу III в. н. э. Из инвентаря стоит выделить лишь фрагмент железного серпа и фрагменты железного кинжала.

2. Вырубные склепы (24, 25, 31). Относя все три сооружения к данной категории, необходимо отметить, что между ними есть существенное отличие. Если склеп 24 — это комплекс из открытого дромоса и глубокой прямоугольной камеры (длина 2,6 м, ширина 2,2 м, высота 1,4 м), то два других представляют собой вырубные сооружения более мелкого залегания. Максимальная высота вырубленных стенок склепа 25 не превышает 1 м, дромоса — 0,8 м, а склепа 31 — соответственно 0,5—0,7 м и 0,2—0,25 м. Это побуждает думать, что на скальном поколе была надстроена верхняя часть стен, ныне разрушенная. Указанные склепы, как и ранее раскопанные, содержали по несколько захоронений. Однако такого скопления, как в склепе 24, до сих пор не встречалось. Костные остатки и вещевой материал здесь сильно перемешаны, вероятно, в связи с многократными захоронениями. Несмотря на то что кости истлели и во многих случаях превратились в порошок, здесь подобрано около 1500 костей человека, 155 зубов, не менее семи фрагментированных черепных крышек. Некоторые из них имеют четко выраженную прижизненную деформацию. Погребальный инвентарь разнороден. Например, большую глиняную чашу, покрытую по желтоватому тесту красно-оранжевым лаком, и хорошо сформованную краснолаковую тарелку можно датировать I — началом II в. н. э. С другой стороны, здесь же найдена грубо сформованная толстенная красноглиняная тарелка IV в. н. э.

Среди находок в склепе 24 — тонкостенный красноглиняный кувшинчик на поддоне; краснолаковый светильник с изображением головы Аттиса; терракотовая статуэтка всадника, мечущего копьё; железный нож; фрагменты витого медного браслета и бронзовых лучковых фибул; игла; осколки стеклянного балъзамария; бусы разных форм; костяная пуговица и др. Большой интерес вызывают впервые найденные в некрополе Илурата черепковые трехлопастные железные наконечники стрел (длина 3,5—4 см). Три наконечника лежали вместе. Под ними оказалось несколько обрывков кожи, возможно остатки горита.

Материал двух других склепов в основном также ordinaren: фрагменты железных гвоздей, ножичков, кинжалов, бронзовых браслетов из проволоки, фибул, сережек, колечек, перстеньков, иголок, керамики обычных типов и т. п. Но, в отличие от склепа 24, в них найдено несколько изделий из золота: трехчастная пронизка для ожерелья, серьга, наконечник, составленный из двух слоев спаянных золотых шариков, полая бусина, перстень, по ободу которого точечной насечкой сделана греческая надпись (рис. 1, 3). Надпись содержит два имени: *Mádas, Ψυχί*. Перстень может быть датирован III в. н. э. Здесь же найдены десятки бусин из стекла, пасты, сердолика и фрагмент сарматского зеркала.

3. Ритуальная площадка. Этим наименованием мы обозначили площадку со следами ритуальных действий при погребальном обряде. Она расположена к юго-западу от вырубных склепов 11 и 31 и вырубной могилы 30, которые как бы обрамляют ее. Здесь, на площади примерно 70—80 кв. м, открыты остатки двух погребальных кострищ, жертвенного мяса, захоронения собаки, лошади, головы другой лошади.

В мощном зольнике, оставшемся от большого погребального костра, оказалось много обожженных и закопченных предметов: фрагменты более 40 краснолаковых тарелок, чаш, кубков, типичных для некрополя форм, датируемых в целом II—III вв. н. э., оплавленное стекло; изделия из бронзы². Можно упомянуть фрагменты кухонных горшков и крышек к ним, а также маленькую терракотовую ладонь с чашей, выполненную без проработки деталей.

Рядом с этим зольником обнаружен другой, меньшего размера, со сходным материалом. Здесь следует выделить находку фрагментов двух больших красноглиняных ойнохой.

Непосредственно у этого кострища вскрыто захоронение собаки

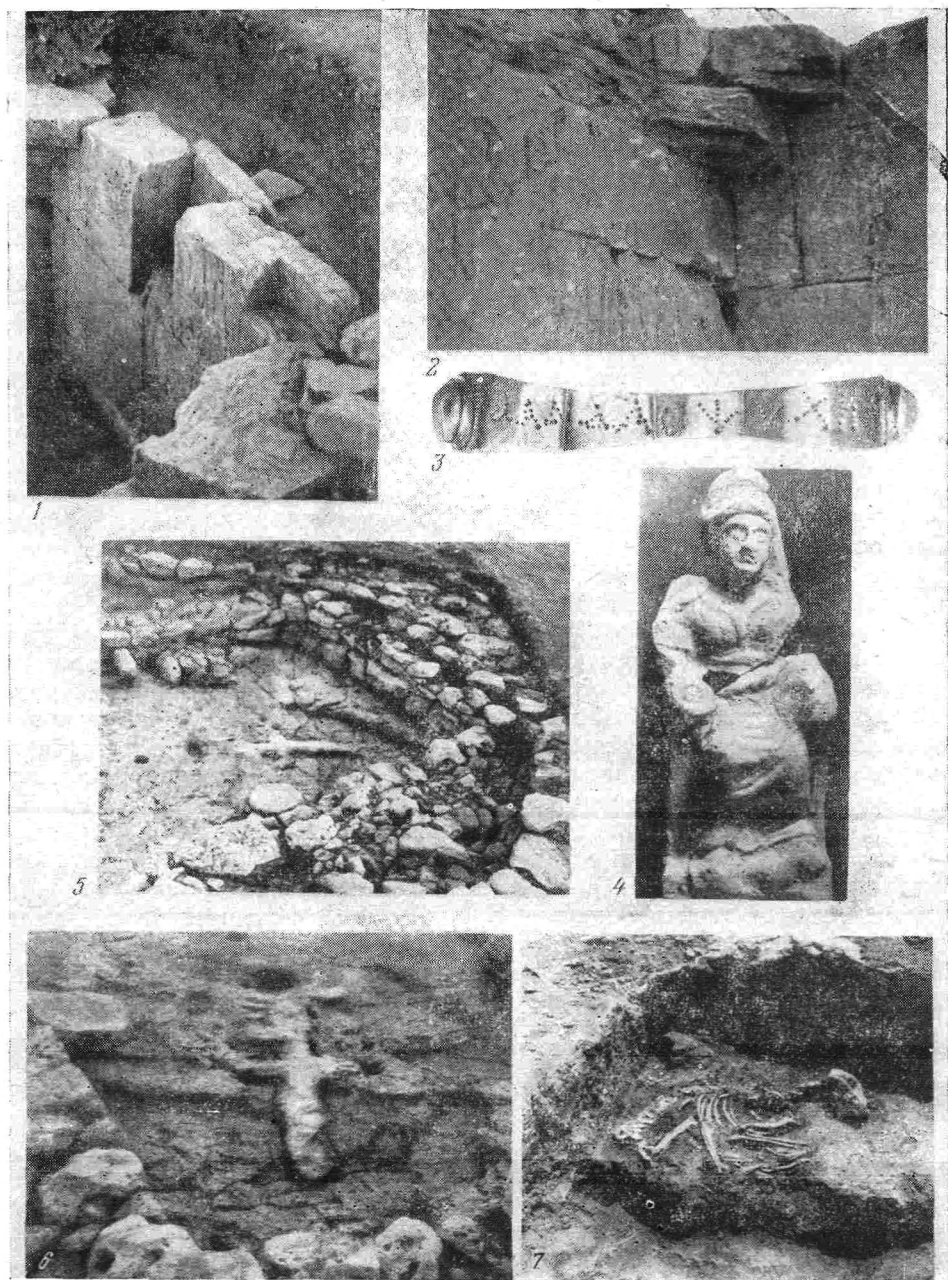

Рис. 1. Некрополь Илурата

1 — большая ниша с крестом в восточной стене камеры склепа 32; 2 — остатки уступов свода на углах камеры склепа 32; 3 — развернутая греческая надпись на золотом перстне из склепа 25; 4 — терракотовая статуэтка Кибелы из склепа 32; 5 — «святилище» (?), общий вид; 6 — рельефная композиция на скальном полу «святилища»; 7 — захоронение собаки на ритуальной площадке

(рис. 1, 7), умерщвленной и положенной здесь до возжигания костра. Собака была старая, с перебитым, но затем сросшимся позвоночником.

Неподалеку от этих кострищ, в составленном из плит закутке, находились аккуратно выложенные в ряд крупные трубчатые кости лошади и коровы и обломки челюсти лошади.

С другой стороны ритуальной площадки, неподалеку от зольников, на скале лежал скелет небольшой лошади. Передние и задние ноги

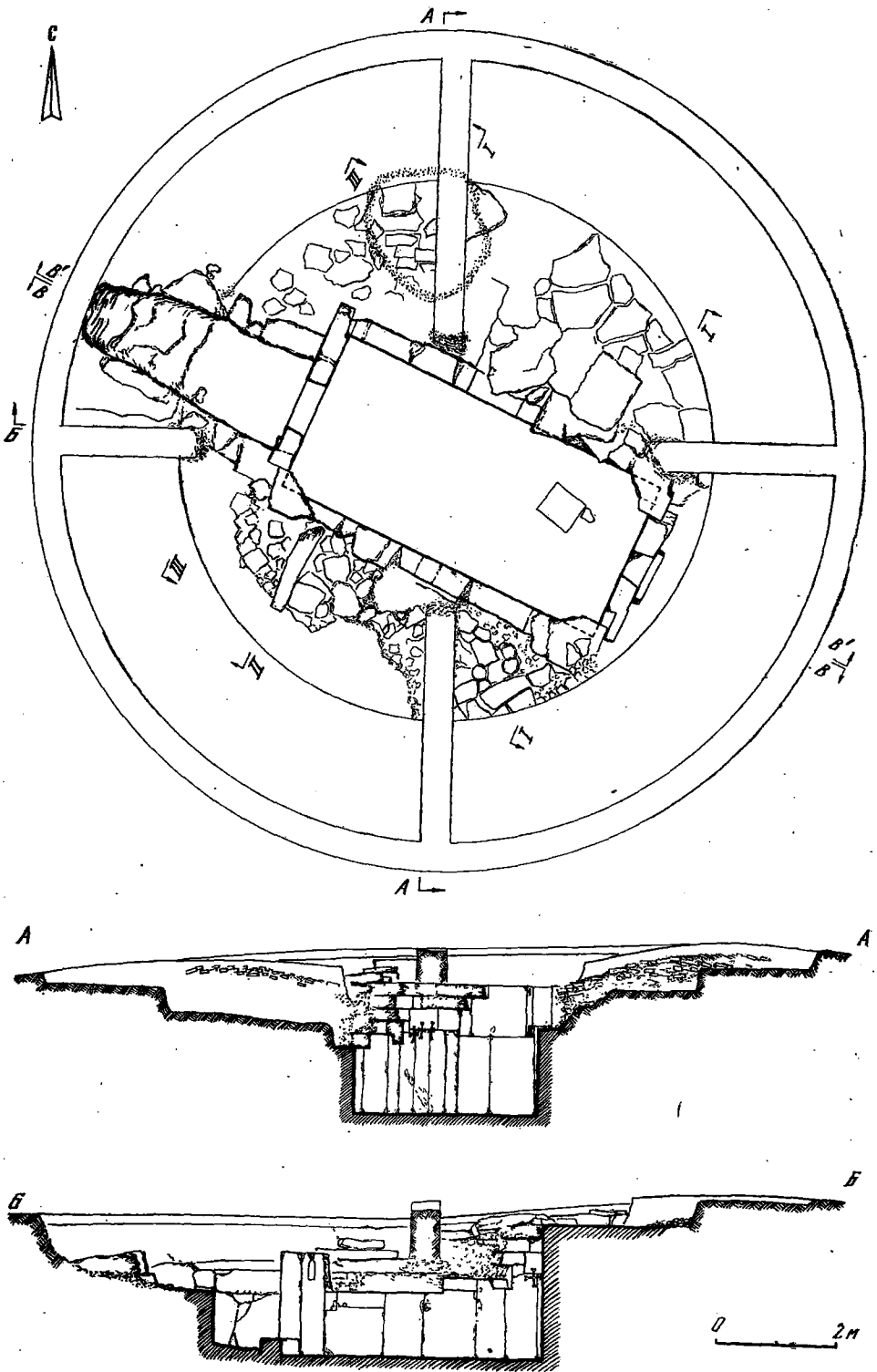

Рис. 2. Склеп 32. Общий план и разрезы

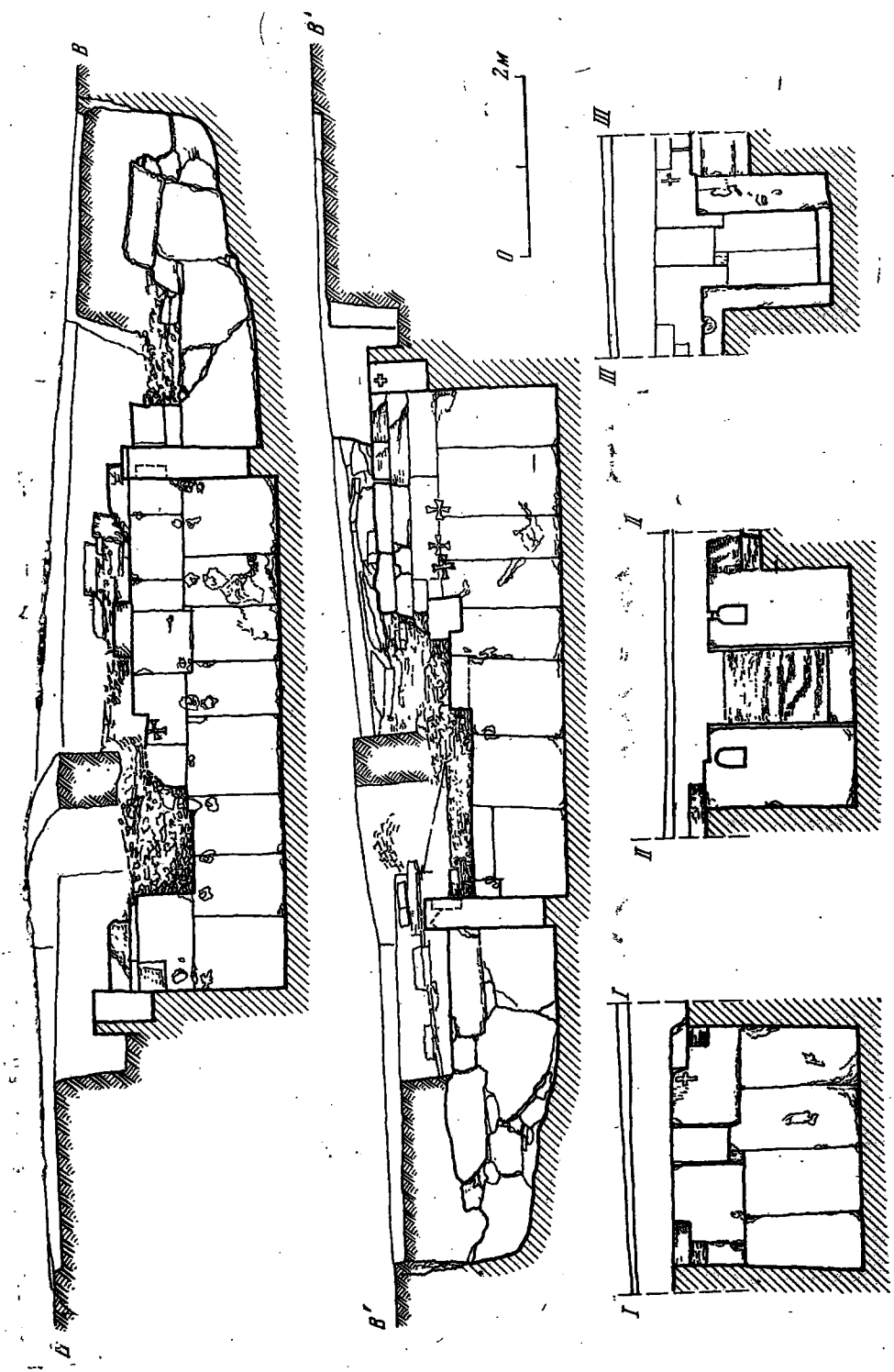

Рис. 3. Склад 32. Разрезы

лошади были сложены, как при «летучем галоше». Никаких следов упряжи не оказалось. На небольшом расстоянии отсюда найдена голова другой лошади, также без следов упряжи.

4. Склеп с крестами (32). Это сооружение некогда покоилось под курганом (рис. 2; 3), ныне полностью исчезнувшим. Часть насыпи обрушилась внутрь склепа, оставшая на протяжении веков постепенно была смыта с пологого склона, где ее воздвигли. Вход в склеп — с запада.

Склеп состоит из большой (длина 5,85 м, ширина 2,85 м) прямоугольной камеры, сложенной насухо из крупных блоков известняка, тщательно притесанных друг к другу. Блоки в основном двух типов: широкие прямоугольные — 1,70 × 1,40 м; 1,40 × 0,80 м и др. и узкие длинные — 1,20 × 0,40 м; 1,00 × 0,25 м и т. п. Сколько-нибудь строгой системы варьирования в кладке широких и узких блоков нет, но можно заметить, что широкие блоки составляли нижние ряды стен, а узкие дополняли их в верхней части. Наибольшая сохранившаяся высота стен 2,2 м.

В стенах камеры имелись три ниши. Одна, большая (высота 0,68 м, ширина 0,42 м, глубина 0,40 м), предназначалась, вероятно, для наиболее ценного погребального инвентаря. Две другие, маленькие, были выдолблены в противоположной стене, по обеим сторонам от входа, видимо, для светильников (один из которых подобран гут же на полу). Свод камеры обрушен. Однако сохранившиеся плиты-уступы (рис. 1, 2), перекрывающие углы камеры, позволяют установить, что здесь, впервые в сооружениях некрополя, выявлен склеп с уступчатым сводом.

Дромос (длина 3,8 м, ширина у входа в камеру 1,6 м) представляет собой узкий открытый коридор, суживающийся у входа в камеру. Он также сложен из блоков, обработанных, однако, более грубо.

Склеп был разграблен, захоронение нарушено. В нескольких местах на полу встречены небольшие золные пятна, по всей площади — обломки человеческих костей и фрагменты керамики: большой краснолаковой тарелки с вертикальным бортиком (III в. н. э.), тарелки более грубой формовки, покрытой плохим лаком (IV в. н. э.), обломки терракот (не менее трех). Одна из терракот, изображавшая Кибелу в кресле со львом под ногами (рис. 1, 4), может быть датирована концом III—IV в. н. э. Как отмечалось, под одной из маленьких ниш найден краснолаковый светильник с изображением Нерейды на дельфине. Обнаружены также несколько бус, фрагменты поделок из бронзы и железа.

За пределами склепа (у основания кургана) обнаружено большое кострище (остатки тризны). В золнике много разбитой керамики стереотипных для этого участка некрополя форм — краснолаковые колоколовидные чаши, тарелки с прямым бортиком (в трех случаях с клеймами — ступня в сандалии, лист аканфа) и некоторые другие. Следует выделить фрагмент желтоглиняного сосуда со своеобразным узором (клиновидными насечками) по тулову, обломок амфорной стенки с остатками метки, начертанной красной краской, обломок стенки с частью процарапанной сарматской тамги.

Одним из самых поразительных открытий оказались кресты на стенах камеры. Они вырублены неглубоко, и здесь не чувствуется рука профессионального камнереза. Четыре креста вырезаны на высоте 1,35—1,55 м от пола, т. е. на естественном для человека среднего роста уровне. Видимо, пол склепа в то время еще не был завален (как, например, в дромосе Царского кургана в Керчи, где кресты высечены на большой высоте над полом).

Всего в склепе 32 оказалось шесть крестов (рис. 2, разрезы): три — на северной стене, один — на южной и два — на восточной, причем один из них — в упомянутой большой нише (рис. 1, 1). По форме кресты производят впечатление довольно ранних. Некоторые наблюдения, сделанные при раскопках входа, а также найденная в камере керамика, позволяют предположить, что последний раз в склеп проникли не позже IV в. н. э. и что

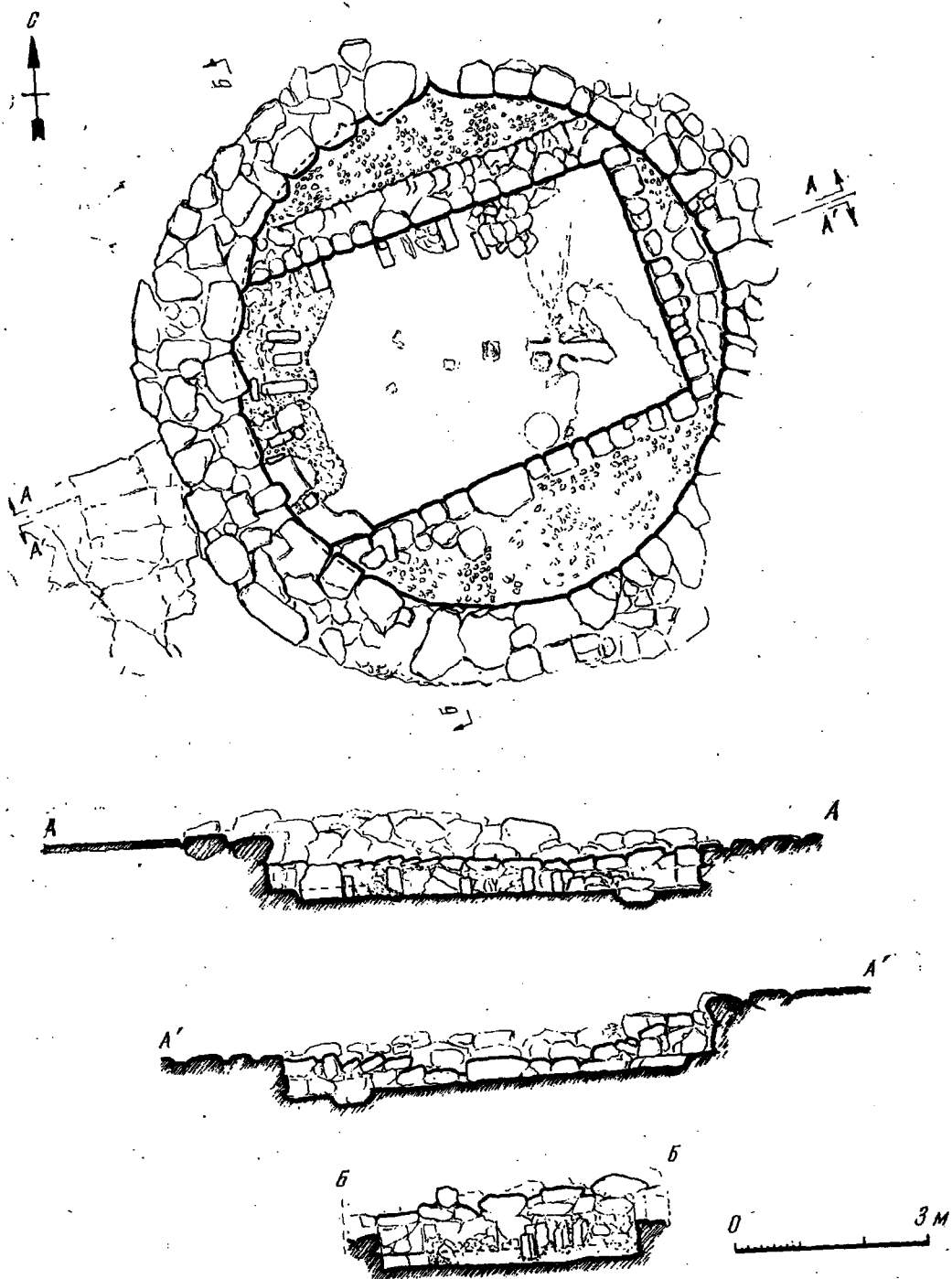

Рис. 4. «Святцылище». План и разрезы

тогда курганная насыпь еще не обрушилась в помещение. Таким образом, появление крестов можно датировать, по-видимому, этим временем³.

Открытие склепа с крестами побуждает упомянуть некоторые другие материалы этого рода, выявленные при раскопках некрополя Илурата. К ним можно отнести непо потревоженное вторичное захоронение без погребального инвентаря из катакомбы 12, раскопанной в 1969 г.⁴; амфорную стенку с процарапанным изображением креста, найденную в гумусном слое (близ склепа 22) в 1972 г.; возможно, своеобразное сооружение, названное нами условно «святилищем», разведочные раскопки которого начались в 1970 г.

5. «Святилище» (?) Это сооружение открыто на юго-западной окраине некрополя (в 80 м к западу от погребения 2). В ходе работ выявлены развалины круглой каменной постройки, внешний диаметр которой составлял 10,3 м, внутренний — 7,8 м, толщина — 1,3—1,5 м.

В этот каменный круг вписано прямоугольное помещение длиной 6,7 м и шириной 3,9 м (рис. 4). Оно сложено из небольших известняковых блоков на глине. Пол помещения глиняный со следами нескольких наслоений. В западной части этого прямоугольного помещения сохранились развалины большого очага. По продольной оси помещения выявлены три гнезда для столбов, вырубленные в скальном основании пола. Столбы, по-видимому, подпирали двускатную крышу. Материал, подобранный здесь, незначителен. Некоторыми хронологическими ориентирами могут служить лепной горшок с рифленным туловом и небольшая узкогорлая яйцевидная амфора, датируемые VII—VIII вв. н. э.

При дальнейшей зачистке установлено, что глиняный пол помещения (трижды подновлявшийся) перекрыл грубо вырубленную рельефную композицию (рис. 1, 5). На скальном основании помещения обнаружен крестовидный знак, продольная сторона которого — 1,2 м, поперечная — 0,6 м. Ориентирован он с востока на запад. С левой стороны поперечной перекладины можно усмотреть схематически вырубленный силуэт рыбы, с правой — птицы (рис. 1, 6). В неглубокой вырубке у основания крестовидного знака угадываются антропоморфные контуры.

Дальнейшие зачистки прямоугольного помещения привели нас к предположению, что его следует считать позднейшим, а описанная выше композиция связана не с ним, а с первоначальным круглым сооружением. Таким образом, этот памятник породил ряд вопросов, разрешение которых возможно лишь на основе дальнейшего расширения раскопок. И одним из них является вопрос о том, в какой мере указанная композиция может быть сопоставлена с христианской символикой.

¹ Классификацию погребальных сооружений илуратского некрополя см.: *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата в 1969 г. — КСИА, 130, 1972, с. 88.

² Значительная часть этих предметов собрана при раскопках зольника в 1970 г. См.: *Кубланов М. М.* Новые памятники некрополя Илурата. — КСИА, 145, 1976, с. 107.

³ Необходимо отметить еще одну подробность: во многих местах прекрасно обработанные блоки, составляющие стены камеры, оказались попорченными неглубокими перпендикулярно направленными вырубками-каналцами, образовавшими каменные перемычки, сходные с теми, которые выявлены в дромосе Царского кургана (рис. 3).

⁴ *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата в 1969 г., с. 83.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ АНАПСКОГО РАЙОНА

В послевоенные годы Анапский музей проводил систематическую работу по учету и охране археологических памятников в Анапском р-не. Составлена карта античных и раннесредневековых поселений и могильников на 1972 г. (рис.). В публикуемый вариант карты включены некоторые уже известные памятники, но большинство выявлено при недавних работах музея¹.

1. Горгиппия.

2. Курганы на восточной окраине Анапы.

3. Пос. Алексеевка. На предплауневой террасе, на месте бывшего кирпичного завода, где местные жители берут песок, остатки кургана. Найден каменный пест II тысячелетия до н. э.

4. Ст. Анапская. На южной окраине станицы в огороде колхозника Харьковского в 1950 г. найдены синдские меч и наконечник копья IV в. до н. э. При рытье котлованов затронута гробница из плоских каменных плит; разрушено три погребения; расчищены два лошадиных костяка с вещами салтово-маяцкого типа. Рядом — женское погребение, а в 200 м к востоку — погребение человека без инвентаря (только черепки сероглиняного лепного горшочка «сарматского» типа (4а).

5. С. Су-Псех. На северо-западном склоне горы между селом и карьером «Глинище», на площади 200 (300) × 200 (300) м, много эллинистической керамики. Примерно в 1 км к востоку в 1958 г. выпахано надгробие с рельефным изображением человека. В сотне метров к югу от села найден бронзовый проушный топорик конца II тысячелетия до н. э. (АМ, инв. № 7613). Рядом со зданием сельсовета в 1968 г. разрушен курган. Извлечены большие каменные обработанные плиты, найдена ручка синопской амфоры с клеймом.

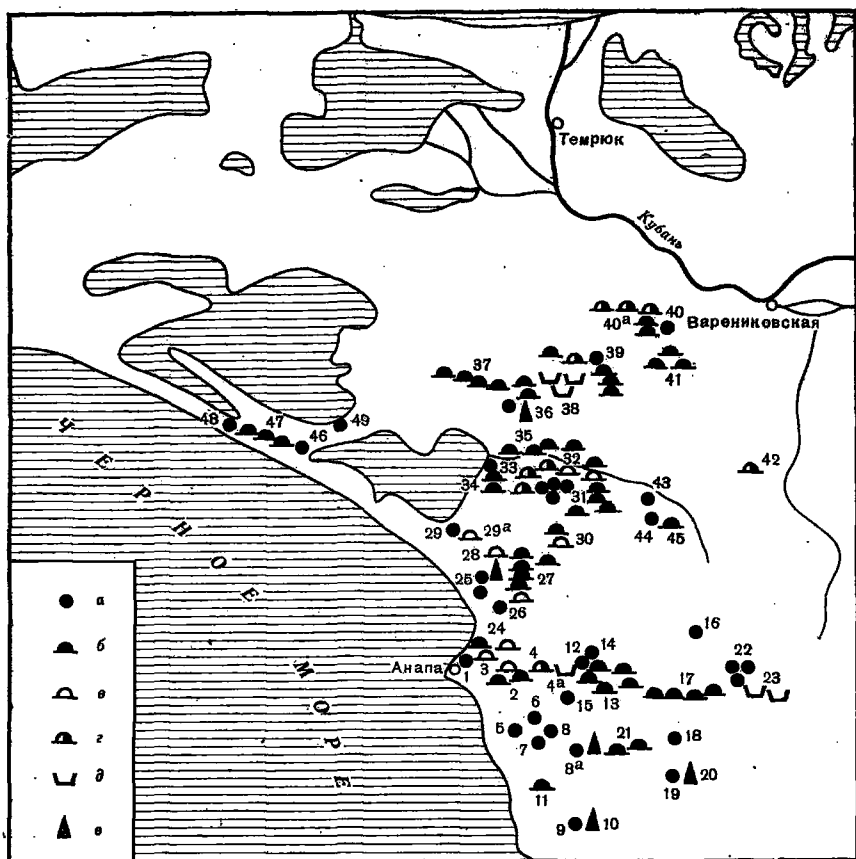
6. Пос. Махотры. В 0,5 км к северу от поселка на западном склоне горы, на площади 100(150) × 100(150) м найдены многочисленные обломки керамики первых веков нашей эры (двуствольные амфорные ручки, ножки амфор), обломок жернова, монета II в. н. э. (хранятся в АМ).

7. Гора Ковел. На южном склоне горы, спускающемся к д. Павловка, много керамики IV—III вв. до н. э., обломки чернолаковых сосудов, найдена бронзовая пантикапейская монета начала III в. до н. э.² Площадь поселения 200 × 200 м.

8. Хут. Бужор. На западном склоне горы, занимающей правую террасу оврага у хутора, встречаются эллинистические черепки, найдены мелкие обломки чернолакового сосуда, пантикапейская монета III в. до н. э. (АМ, инв. № 6861)³. Рядом разрушенный могильник X—XII вв.

8а. С. Гай-Кадзор. В 2 км к югу от села, у пресноводного источника — остатки поселения III—II вв. до н. э. Выявлено шесть пятен с эллинистическими черепками. Черепки встречаются по обоим склонам Шум-речки, от окрестностей родника до пруда. В 100 м к юго-западу от родника — холмик с очень большим количеством черепков, найдены две монеты II в. до н. э. В 1,5 км ниже по течению Шум-речки, на правой террасе, в 1972 г. выпахан клад монет IV в. н. э. У ключа найден целый стеклянный сосуд римского времени. Рядом разрушен средневековый могильник с керамикой XIII—XIV вв.

9—11. С. Сукко. В разное время найдено много античных вещей, но место поселения точно неизвестно. На восточной стороне «Савиной щели» найдена монета Фофорса 301 г. н. э. (АМ, инв. № 7237)⁴. Внизу в щели — пифос сероглиняный с орнаментом в виде витого валика по плечикам и по

Античные поселения и курганы на территории Анапского р-на

а — поселения; б — курганы; в — раскопанные и разрушенные курганы; г — разрушенные синдские погребения; д — раннесредневековые могильники; е — клады монет

тулову (9). Среди многочисленных вещей XII—XIV вв., найденных в разрушенном Натухайском могильнике, — акинак V в. до н. э. (АМ, инв. № 7757) ⁵ и ручка синопской амфоры с клеймом. На горе Павлиди у юго-восточной окраины села найден клад золотых и серебряных византийских монет VII в. н. э. Ираклия и Константина Погоната (10) (АМ, инв. № 1151, 1162—1167) ⁶. У дороги из Сукко на Варваровку в 2 км от последней — курган высотой 4—5 м (11).

12, 13. Хут. Усагова Балка. На мысе, образованном левыми террасами речки Анапка и Усатовой балки, много эллинистической керамики (12). В 1 км к югу от хутора расположено три невысоких кургана. Около западного найдено несколько десятков бронзовых монет первой половины III в. до н. э. (13 штук — в АМ, инв. № 1920, 6849, 7043, 7478 (13) ⁷).

14, 15. Хут. Рассвет. На юго-западной окраине хутора — укрепленная синдская усадьба конца II в. до н. э. — III в. н. э. и могильник V в. до н. э. (14) ⁸. В 4—5 км к юго-западу от хутора, за речкой Маскагой, на виноградунике — керамика римского времени (15).

16, 17. Ст. Натухаевская. На восточной окраине станицы у водокачки подобраны черепки II—III вв. н. э. (хранятся в АМ). Рядом — холм высотой до 3 м. Все распаханно (16). По обе стороны дороги на ст. Раевская, под горой и на горе, — до восьми невысоких курганов (17).

18—21. Ст. Раевская. В 1,5 км к северу от станицы, на террасе речки Маскага — Раевское городище (18) ⁹. В 3 км к западу от станицы, севернее пруда, на площади около 1,5—2 га много керамики эллинистического

времени (19). В 2—3 км к югу от станицы, у хут. Скрипки, на опушке леса найден клад бронзовых монет III—II вв. до н. э. (АМ, инв. № 4176—4505) (20)¹⁰. По дороге на с. Гай-Кадзор — три-четыре кургана средней величины (21).

22, 23. Пос. Ленинский Путь. В 200 м к северу от поселка, на северном склоне горы, — керамика IV—III вв. до н. э. (22). В 1 км к юго-востоку от поселка разрушен могильник с вещами салтово-маяцкого типа (АМ, инв. № 7174) (23).

24. Пос. Чембурка. В юго-восточной части поселка подобрано много керамики римского времени, монета Рискупорида III (III в. н. э.). В 1—1,5 км к северо-востоку распахано два кургана. Найдены остатки ракушечникового надгробия в виде рельефной головы человека (АМ, № 4971). На «глинище» разрыто погребение с биллоновыми браслетами на обеих руках костяка (на концах браслетов — утолщения). Найден сосудик II—III вв. н. э.

25. Пос. Джемете. На винограднике опытной станции виноградарства и виноделия, на площади 200 × 200 м много эллинистической керамики: обломки чернолаковых сосудов, амфор, горло гераклейской амфоры с клеймом. В 300 м к югу от дороги на хут. Воскресенский на поле много керамики IV—III вв. до н. э.: ножки амфор¹¹, обломок чернолакового сосуда. На территории, ограниченной холмами Джемете, предпляжевой террасой и Цыбановой балкой (с северо-запада), в 1974 г. выявлены селище, свыше 85 пятен и холмиков с эллинистической керамикой. Здесь найдены ножки амфор, солен с клеймом [90], фрагменты чернолаковой керамики, го-

ловка терракотовой статуэтки, бусина синего стекла в виде женской головки IV в. до н. э. и др. Отдельные пятна (предпляжевая терраса, хут. Клюева) содержат также более позднюю керамику (например, обломки краснолаковых сосудов рубежа нашей эры, ножка краснолакового светильника II—III вв. н. э., ножки амфор того же времени). Селище прослеживается в основном к северу от дороги на хут. Воскресенский (за поворотом — 40 пятен, а также вдоль террасы — 30 пятен). Юго-восточная часть поселения обследована до усадьбы у плавней (26).

26. Пос. Верхнее Джемете. На склоне горы, обращенном к морю, — остатки эллинистического поселения. Черепки встречаются на площади до 200 × 350 м. В центральной части — крупные обломки соленов, стенок пифосов, ручки и венцы амфор¹², горло гераклейской амфоры.

27. Хут. Воскресенский. От хутора до плавней у пос. Чембурки на протяжении 2 км на террасе расположено не менее 16 курганов. От одного из них уцелела гробница из больших, хорошо отесанных плит ракушечника. В другом найдены человеческие кости, два чернолаковых сосуда IV в. до н. э. и несколько простых круговых кувшинчиков.

28. В 150 м ниже асфальтовых разработок по склону горы в 1964 г. найден клад бронзовых монет III в. до н. э. (АМ, инв. № 3408—4172)¹³.

29. Хут. Благовещенский. В 300—400 м к западу от Витязевского кургана (29а), на террасе, спускающейся к морю, много античной керамики. Найдена скульптурная голова человека из ракушечника (АМ, инв. № 7570). Есть пятна золы. Площадь поселения около 300 × 300 м.

30. Плато Верхнего Джемете. По восточной террасе — цепь курганов. Большинство разрушено. Встречается много античной керамики.

31. Хребет Оцукутан. На южном конце хребта, у дороги Анапа — Го-стагай — курган Султанка 1, высотой около 6 м. Далее по хребту сохранилось до 20 целых курганов и до десятка разрушенных. Среди последних — курган Султанка 2, где в 1955 г. был расчищен склеп III в. до н. э. со ступенчатым сводом из ракушечника¹⁴. Рядом на глубине до 1,2 м вскрыты гробницы из больших тесаных ракушечниковых плит, находившихся под курганами высотой около 1 м.

32. В 1 км к северу от кургана Султанка 2 хребет понижается, и здесь образуется долина. На дне сохранилось свыше 30 холмиков — остатки античных строений. Много эллинистических черепков. Там, где северная терраса меняет восточное направление на северное, располагается могильник IV—III вв. до н. э. площадью около 20 × 60 кв. м. В расчищенной плитовой гробнице обнаружены три костяка черепами на восток, чернолаковые и простые круговые сосуды, наконечник дротика и пантикапейская бронзовая монета середины IV в. до н. э. Найдены меч с брусковидным навершием, лепной горшочек, надгробие с изображением креста около IV в. н. э. (АМ, инв. № 7562).

33. Хут. Красный Курган. На восточной окраине хутора при земляных работах зимой 1971—1972 гг. на глубине 2 м найдены лепной кувшин с шарообразным туловом емкостью около 25 л (II тысячелетие до н. э.)¹⁵ и человеческие кости.

34. Хут. Капустин. За южной окраиной хутора, у водокачки, на берегу Витязевского лимана — остатки поселения первых веков нашей эры площадью около 200 × 200 м. В обрыве у лимана виден мощный культурный слой с керамикой и камнями. Жители хутора выкапывали большие каменные плиты. Встречались завалы черепков с золой¹⁶. В 2 км к юго-востоку от хутора — пять курганов, один из которых достигает высоты 6—7 м.

35. Пос. Красная Гостагайка. По возвышенности на восток на 4—5 км тянется цепь курганов. Некоторые достигают высоты 6—7 м и более.

36, 37. Пос. Виноградный. На юго-восточной окраине поселка — остатки поселения эллинистического времени. На невысоком плато много керамики, найден обломок жернова, клад монет второй половины II в. до н. э.¹⁷ Площадь распространения керамики 200 × 200 м (36). В 3—4 км к северу от поселка, на хребте Уташа расположено пять курганов. В 1 км к востоку от поселка, за лесополосой — еще курган высотой до 3 м (37).

38. Пос. Уташ (совхоз «Россия»). В юго-восточной части поселка встречается керамика эллинистического времени и раннесредневековая. Найден обломок горшка (около VIII в.)¹⁸. У кладбища распахана часть могильника. Найдено надгробие с крестом в виде розетки в круге, вероятно византийское¹⁹. Уцелело несколько курганов, в некоторых из них — античная керамика.

39. С. Первомайка. Остатки античного поселения выявлены по краю северного склона впадины у родников. Многочисленная эллинистическая керамика встречается между хуторами Верхний и Нижний Хан-Чокрак. В 2 км южнее с. Первомайка, у хут. Хан-Чокрак — остатки античного поселения римского времени²⁰, случайные находки античных вещей, синдские погребения с инвентарем V—IV вв. до н. э. (АМ, инв. № 791, 792, 1942, 1943, 2397, 2670). На западной окраине — четыре кургана высотой около 2 м. Есть курганы и севернее, вдоль Кубани.

40, 41. Семибратнее городище²¹. На западной нераскопанной окраине — три небольших (высота 1—2 м) кургана. В 3—4 км к западу от городища — пять курганов высотой 3—4 м. Еще дальше, у хут. Чекон, на горе — три кургана, они располагаются в окрестностях Семибратних курганов (40а, 41).

42. Хут. Фадеево. На южной окраине хутора на глубине 0,2 м обнаружено синдское погребение с железными мечом и наконечником копья V в. до н. э. На расстоянии 1—1,5 км в разных направлениях — курганы.

43—45. Ст. Гостагаевская. В центре станицы, в траншее для водопровода, в 1963 г. найдены обломки античной черепицы и пантикапейские монеты (43). В 3 км к югу от станицы — укрепленное поселение римского времени (44)²². В 1—2 км к югу от станицы, у леса, справа от дороги в ст. Натухаевскую — полуразрушенный курган. Насыпь — земля с камнями и черепками сарматского типа²³. Обнажена кладка из грубо отесанных камней (45).

46—49. Ст. Благовещенская. В 1 км к западу от станицы, на винограднике, много античных черепков. В 1952 г. при подъеме плантажа найдены круглый глиняный светильник, барабан мраморной каннелированной колонны и обломки амфор, монета II в. н. э. В центре участка холмик (46). Здесь же вдоль террасы, у спуска к морю, — пять курганов (47). Примерно в 3 км к западу от станицы, на мысе, образованном морем и Бугазским лиманом, на площади около 0,3 × 0,5 км — черепки III в. н. э. В 1968 г. И. Т. Кругликова провела здесь разведочные раскопки (48)²⁴. К северо-востоку от станицы при земляных работах на кошаре на глубине 1 м найдены три бронзовые монеты IV в. до н. э.²⁵, ручка синопской амфоры с клеймом и сероглиняный кувшинчик (49).

¹ Блаватский В. Д. Разведки в Анапе. — КСИМК, XXXVII, 1951; Кругликова И. Т. Раскопки Гортигии. — КСИА, 108, 1966; она же. Боспор в позднеантичное время. М., 1966; Цветаева Г. А. Охранные раскопки в Анапе в 1965 г. — КСИА, 116, 1969.

² Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, № 16, 1951, табл. ХLI, 3.

³ Там же, табл. ХLI, 4 (с надчеканкой восьмилучевой звезды).

⁴ Там же, табл. L, 19.

⁵ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 482, табл. LXII, 1.

⁶ Кротошкин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, вып. Б4-4, с. 22, № 26.

⁷ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. ХLI, 4, 5.

⁸ Крушков Ю. С. Раскопки на х. Рассвет. — АО 1968 г. М., 1969, с. 108 сл.; она же. Древняя Синдика. М., 1971.

⁹ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. — МАК, II, 1889. О раскопках Раевского городища см. статьи В. Д. Блаватского в КСИА (КСИМК): XLVIII, 1952; 51, 1953; 58, 1955; 74, 1959.

¹⁰ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. ХLI, 12^a, 21.

¹¹ Зеев И. Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960, табл. V, 14; XII, 24a; XXVII, 59.

¹² Там же, табл. XIV, 32a.

¹³ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. ХLI, 5.

¹⁴ Раскопки Н. В. Анфимова и А. К. Коровиной при участии А. И. Салова.

¹⁵ Мунчаев Р. М., Сариниди В. И. Исследование Батумского курганного могильника в 1963 г. — КСИА, 106, 1966, с. 80, рис. 32, 4.

¹⁶ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 13, рис. 1.

¹⁷ Салов А. И. Клад боспорских монет из поселка Виноградного. — НЭ, X, 1973.

¹⁸ Плетьева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 59, 60, рис. 31, 5.

¹⁹ Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. — ИАК, 19, 1906, табл. IV, 80.

²⁰ Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время, с. 13.

²¹ Анфимов Н. В. Новые данные к истории Азиатского Боспора. — СА, VII, 1941, с. 258—266; он же. Исследования Семибратненского городища. — КСИМК, LI, 1953 — он же. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. — ВДИ, 1951, № 1, с. 111—114, 122.

²² Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время.

²³ Плетьева С. А. Средневековая керамика..., с. 30, рис. 16, 17.

²⁴ Кругликова И. Т. Отчет о раскопках за 1968 г. АМ, архив.

²⁵ Зограф А. Н. Античные монеты, табл. ХL, 30, 31.

НАДГРОБИЕ ИЗ КЕРЧИ

(из новых поступлений
в Керченский историко-археологический музей)

В марте 1975 г. в Керчи при рытье траншеи была найдена и передана в Керченский историко-археологический музей разбитая на две части надгробная стела из плотного желтоватого известняка с рельефными изображениями (инв. № КЛ-467, 468; рис. 1). Памятник обращает на себя внимание редкими и интересными деталями.

Размеры надгробия: высота 1,28 м, ширина 0,54—0,56 м, толщина 0,14 м. Излом приходится примерно на середину плиты. На нижнем фрагменте обломаны левый и правый верхние углы, отчего он приобрел трапециевидные очертания. Стела имеет два рельефа, расположенных один под другим. На рельефах повреждены сколами лица всех персонажей и отдельные детали изображений. Под нижним рельефом — гладкое поле плиты, предназначенное для надписи, очевидно, по каким-то причинам не выполненной. Нижняя грань стелы стесана — скорее всего для вставки в большой каменный постамент. На верхней грани памятника сохранился прямоугольный в сечении паз размерами 0,06 × 0,03 × 0,07 м. Этот паз дает возможность предположить, что имелось вставное навершие в виде фронтона или анфемиа.

Композиция верхнего рельефа, представляющего обычную сцену загробной трапезы, традиционна: середину и правую часть рельефа занимает фигура мужчины, возлежащего на ложе-клине, облокотясь на подушки. В правой руке он держит виноградную гроздь — агрибут, характерный для боспорских стел со сценой трапезы; в левой руке у него канфар. Слева в кресле сидит женщина в трехчетвертном повороте. Ее левая рука поднесена к лицу, правой рукой она поддерживает локоть левой. Рядом с женщиной — девочка-служанка с сосудом. Перед клиной стоит трехногий столик-трапеза. На нем размещены хлебная лепешка, канфар, киаф, кувшин. Рядом с трапезой стоит мальчик-слуга с сосудом в руках и полотенцем через плечо.

Нижний рельеф представляет двух воинов, стоящих у надгробия. Они обращены лицом к зрителю. Позы их зеркально повторяются: одной рукой каждый из них прикасается к стеле, а другая поднесена к лицу (траурный жест). Оба стоят, скрестив ноги. На них воинские походные костюмы: куртка, плотно облегающие штаны и короткие сапоги. Плащ свободно спадает за спиной, одним концом спускаясь на грудь. У воина справа на левом боку висит меч. По всей вероятности, оба были без головных уборов (голова у юноши справа сбита). Для подобного рода изображений в литературе утвердилось определение «воин у колонны». Материалы же самих боспорских стел показывают, что изображались не только колонны округлой формы¹, но и прямоугольные столбы², как на нашей стеле. Это скорее всего надгробные памятники, представленные с торцовой стороны. Подтверждением могут служить траурные позы воинов, более всего уместные у надгробия. Кроме того, боспорские стелы, особенно ранние V—IV вв. до н. э., по очертаниям и пропорциям с торцовой стороны напоминают памятник, изображенный на публикуемой стеле. В боспорской скульптуре есть еще один пример изображения надгробной стелы — это статуя Аристофонта, сына Формиона³, стоящего опираясь на стелу, торцовая сторона которой украшена двумя розетками под карнизом. Эти материалы позволяют предположить, что прямоугольные столбы на боспорских рельефах изображают надгробные памятники.

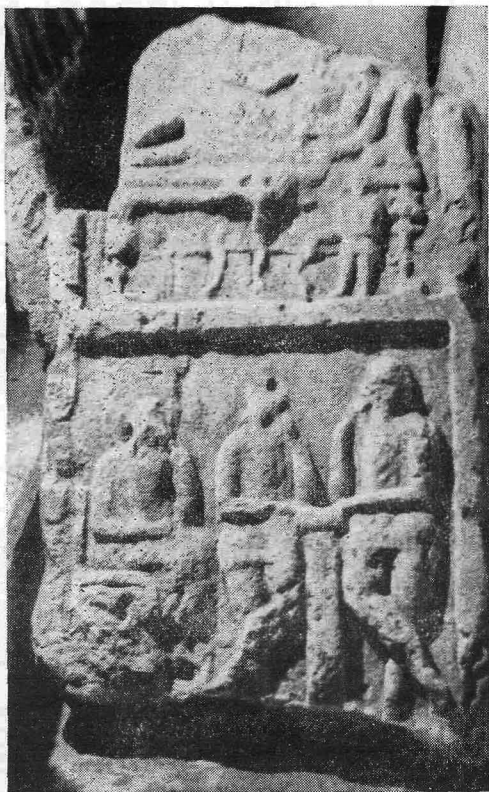

Рис. 1. Надгробная стела из Керчи

Рис. 2. Стела Сотера, сына Гастия

Поскольку надписи, которая позволила бы определить время создания надгробия, нет, попытаемся датировать его с помощью других памятников с аналогичными сюжетами.

Судя по датировкам стел со сценой трапезы в Корпусе боспорских надписей, этот сюжет получил широкое распространение на боспорских стелах в I — первой половине II в. н. э., причем подавляющее большинство таких стел приходится на I в. н. э., когда в боспорском искусстве шел процесс формирования так называемого иератического стиля. Черты этого стиля заметны уже на нашей стеле: персонажи как бы застыли в неподвижных позах, связи между ними, переданной хотя бы с помощью жестов, нет. Характерны также декоративность и подробная детализация всех атрибутов, костюмов, предметов быта, убранства, резной мебели. Однако если декоративность и заметна в передаче складок одежды, то в трактовке отдельных фигур, в частности воинов, сохраняются объемность и пропорциональность. Мастер не порывает окончательно с традициями греческой пластики.

Датирующим материалом публикуемой стелы может служить также представленная в сцене трапезы мебель, украшенная резными деталями: изголовье клины завершается львиной маской, играющей роль, возможно, не только украшения, но и апотропея. Место соединения изголовья с рамой ложа отмечено медальоном из двух концентрических окружностей. Ножка клины состоит из множества деталей, напоминающих различные геометрические фигуры: двояковыпуклые линзы, шар, усеченный конус. То же можно сказать и о кресле с прямой спинкой: его ножка в несколько меньшем масштабе точно повторяет очертание ножки клины. Опора поручня кресла обработана в форме ордерной аркады; стойки сделаны в виде колонок с базами и капителями, напоминающими ионические; конец по-

ручня выступает за переднюю стойку и нависает над ней. Подножная скамеечка также украшена резьбой: боковые стороны имеют треугольные вырезы, а ножки-опоры имитируют мягкие звериные лапки. Столик-трапева имеет столешницу овальной формы с профилированной торцовой стороной. Три его ножки с выгнутыми наружу коленцами по форме напоминают козьи. Такая мебель, как отмечает Н. И. Сокольский, характерна для Боспора I — первой половины II в. н. э.⁴

Изображение боспорянина в виде пешего воина становится распространенным на боспорских стелах с конца I — первой половины II в. н. э.⁵ Его можно увидеть в разных композициях: то одного у надгробного памятника, то в сопровождении слуги⁶, то перед женщиной, сидящей в кресле (инв. № КЛ-313, 400)⁷, то в сцене трапезы⁸. Но изображение двух воинов у стелы, как на публикуемом памятнике, встречается крайне редко, что делает наш рельеф особенно интересным и своеобразным. В коллекции Керченского музея есть стела Сотера, сына Гастия (инв. № КЛ-313; рис. 2)⁹, где на нижнем рельефе также представлены два воина, скорбящие у стелы, а рядом сидит женщина в кресле. Это ближайшая и, кажется, единственная аналогия публикуемому рельефу.

Таким образом, рассмотренные аналогии к рельефам представленной стелы позволяют прийти к следующему заключению: по сцене трапезы стела может быть отнесена к I — середине II в. н. э., но аналогии к рельефу с воинами позволяют уточнить датировку памятника и отнести его к концу I — началу II в. н. э.

В рельефах со сценой трапезы при стабильности композиционной схемы расположения главных действующих лиц все же варьируются некоторые детали, придающие каждой стеле индивидуальный характер и вносящие в изображение элемент конкретного действия. В частности, взаимное положение слуги и возлежащего мужчины трактуется различно и указывает на определенный момент пира: первый, самый распространенный вариант — подготовка к трапезе — слуга с сосудом в руках направляется к господину¹⁰; второй вариант — слуга протягивает господину сосуд — начало трапезы (в этих случаях слуга расположен за ножкой клины)¹¹; третий вариант — мальчик хлопочет во время пира, стоя у стола¹². Этот вариант встречается довольно редко. Именно к нему относится наша стела.

Смысл изображения загробной трапезы на votивных и надгробных стелах различных центров античного мира давно привлекал внимание ученых¹³. Уже одно назначение надгробных памятников свидетельствует, как мы думаем, что на рельефах представлены конкретные лица, героизированные умершие. Об этом прямо говорит, например, эпитафия на стеле Зила: «...я покоюсь здесь на резной стеле...»¹⁴. Вероятнее всего, боспорские рельефы со сценой трапезы в рассматриваемое время уже утратили чисто религиозное значение и приобрели бытовой характер. И хотя каноническая композиция сцены сохранялась, мастера нередко вводили в нее новых действующих лиц¹⁵ или сокращали их число¹⁶ в соответствии с конкретной реальностью.

Боспорские мастера придавали сцене трапезы особое значение, которое подчеркивалось тем, что в многоярусных стелах ее помещали всегда на видном месте, в верхнем рельефном поле¹⁷.

На нижнем рельефе нашей стелы, где представлены двое юношей у надгробия, оригинальны такие детали, как щиты над головами воинов в непривычном горизонтальном положении. Подобное расположение щитов на боспорских памятниках пока не встречалось. Можно предположить, что щиты выполняют здесь роль символов, подчеркивая воинский долг юношей. М. И. Ростовцев высказал интересное, на наш взгляд, предположение, что в рельефах многоярусных стел, расположенных под сценой трапезы, представлены родственники участников пира¹⁸. Применительно к рассматриваемой стеле смысловую связь обоих рельефов можно, кажется,

ся, выразить так: в верхней сцене представлены родители, в нижней — юноши, их сыновья.

Публикуемое надгробие позволяет увидеть, как боспорские мастера подходили к решению изображений на заказном памятнике: не нарушая в целом традиционных канонических схем расположения главных персонажей, они вводили отдельные детали, чтобы придать стеле индивидуальный характер, конкретизировать ее содержание применительно к пожеланиям заказчика.

¹ *Kieseritzky K., Watzinger G. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, N 315, Taf. XXI.*

² *Ibid., N 494, Taf. XXXV; N 725, Taf. LIII.*

³ *Ibid., N 738, Taf. LV.*

⁴ *Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971, с. 104, тип 4, табл. VII, 15—17; с. 106, табл. VIII, 4—7; с. 107, тип 2, табл. VIII, 11.*

⁵ *КВН, № 465, 647, 662, 710, 712, 1001, 1088, 1106.*

⁶ *Kieseritzky K., Watzinger G. Griechische Grabreliefs..., N 453, Taf. XXXII; N 454, Taf. XXXIII; N 494, Taf. XXXV; N 529, Taf. XXXVI.*

⁷ *Шкорпил В. В. Боспорские надписи, найденные в 1910 г. — ИАК, 40, 1911, с. 108, № 22; он же. Боспорские надписи, найденные в 1911 г. — ИАК, 45, 1912, с. 12, № 4.*

⁸ *Kieseritzky K., Watzinger G. Griechische Grabreliefs..., N 725, Taf. LIII.*

⁹ В *КВН*, с. 643 (№ 1106) указано, что в настоящее время местонахождение стелы неизвестно. В лапидарии Керченского музея обнаружена верхняя часть этой стелы с рельефными изображениями. Фото рельефов публикуются впервые.

¹⁰ *Kieseritzky K., Watzinger G. Griechische Grabreliefs..., N 688, Taf. XLIX; N 689, 690, 693, 702, Taf. I; N 691, Taf. LI; N 704, 718, Taf. LII; N 725, Taf. LIII, N 769, Taf. LIV.*

¹¹ *Ibid., N 712, Taf. LII; N 720, 722, Taf. LIII; N 730, Taf. LIV.*

¹² *Ibid., N 694, Taf. LI; N 724, Taf. LIII; N 728, Taf. LIV.*

¹³ Дискуссию по этому вопросу подробно изложила И. Т. Кругликова в связи с публикацией вотивного рельефа из Анапы. См.: *СА*, 1962, № 1, с. 287, 288.

¹⁴ *КВН, № 144.*

¹⁵ *Kieseritzky K., Watzinger G. Griechische Grabreliefs..., N 690, 702, Taf. I; N 718, Taf. LII.*

¹⁶ *Ibid., N 712, Taf. LII; N 713, Taf. LI; N 730, Taf. LIV.*

¹⁷ Бывают исключения, например стела Публия, сына Коссы. См.: *Ibid.*, N 763, Taf. LV (сцена трапеции помещена внизу).

¹⁸ *Ростоцкий М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, с. 188, примеч. 2.*

Э. А. СИМОНОВИЧ

ПАМЯТНИК ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В РАЙОНЕ ДРЕВНЕЙ ТИРЫ

В 1966 г. на окраине с. Приморское Белгород-Днестровского р-на Одесской обл. при строительных работах было выполнено древнее захоронение¹. На глубине более 1 м рабочие обнаружили погребение взрослого человека. Погребенный был уложен на спину и обращен головой на север — северо-запад. Сбоку стояло восемь сосудов: три грубо вылепленных от руки горшка, чернолощенный орнаментированный кувшин с одной ручкой, три сделанные на круте серогливяные лощеные миски и кубок, ныне утраченный². Кроме того, к погребению относились две бронзовые пряжки и бляшка с растительным орнаментом, не имеющая аналогий в материалах черняховской культуры (рис. 1, 1—3, 5—11)³. При осмотре места находки Николаевским отрядом Института археологии АН СССР в 1972 г. были собраны фрагменты типичной черняховской керамики (рис. 2, 7, 9, 18, 22—25).

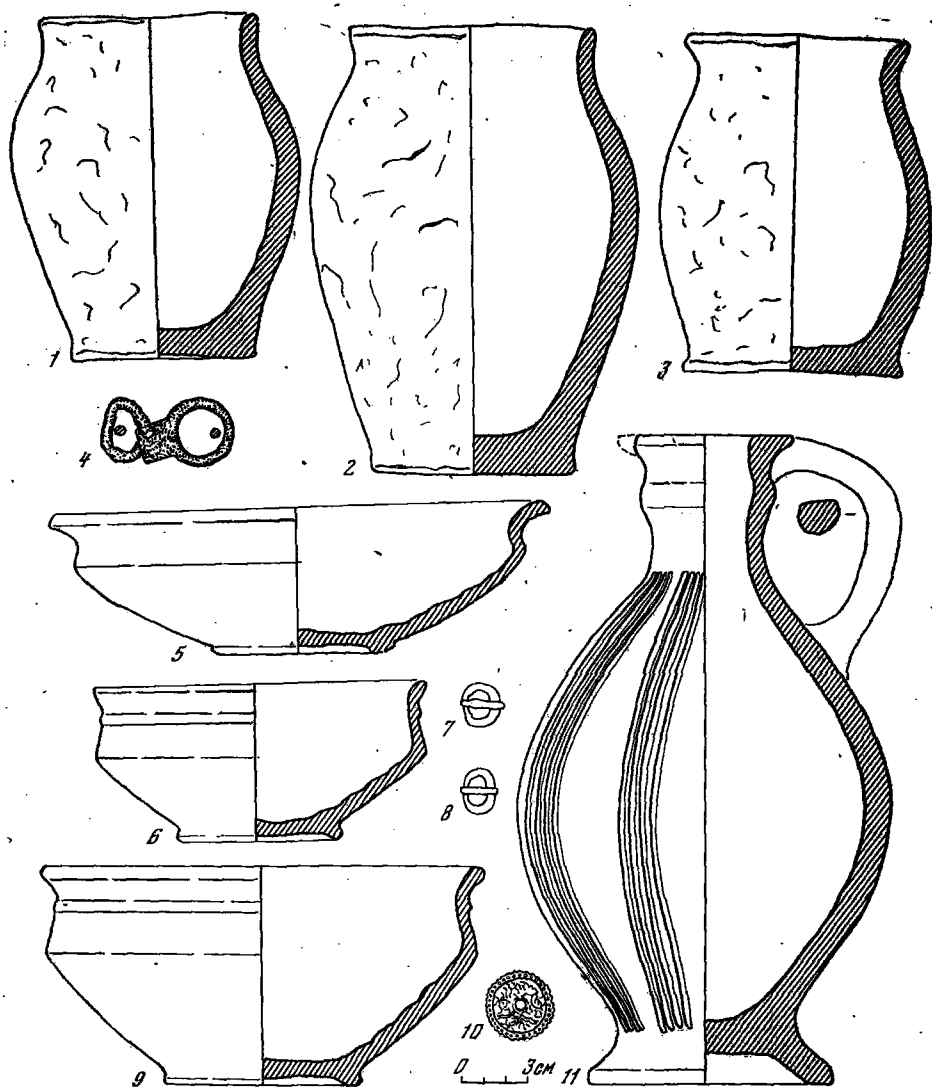

Рис. 1. Материалы черняховского типа из с. Приморского

1—3, 11 — лепные сосуды; 4 — железный предмет; 5, 6, 9 — гончарные сосуды; 7, 8, 10 — бронзовые изделия

Площадь, где обнаружено захоронение, занята под виноградники. Это плато правого берега безымянного ручья, впадающего в Будаковский лиман, отдаленное от русла ручья примерно на 300 м. На территории предполагаемого могильника было вскрыто около 400 кв. м. Ближайший к месту погребения раскоп удался заложить в 7—8 м к западу от находки. В 10 м к югу были заложены траншеи. К востоку, вдоль улицы и среди домов с. Приморское, были вскрыты еще две площадки. Очевидно, могильник имел небольшие размеры. Только в раскопе к западу от случайно найденного погребения (1) были обнаружены следы захоронений. В общей сложности выявлено два погребения с сожжениями ямного типа и трупоположение ребенка.

Погребение 2 — трупосожжение на глубине 0,83—0,95 м. Оно было заделано бортом окопа, находившегося на месте раскопа. В срезе была видна компактная кучка костей, занимавшая ямку диаметром 0,10—0,12 м.

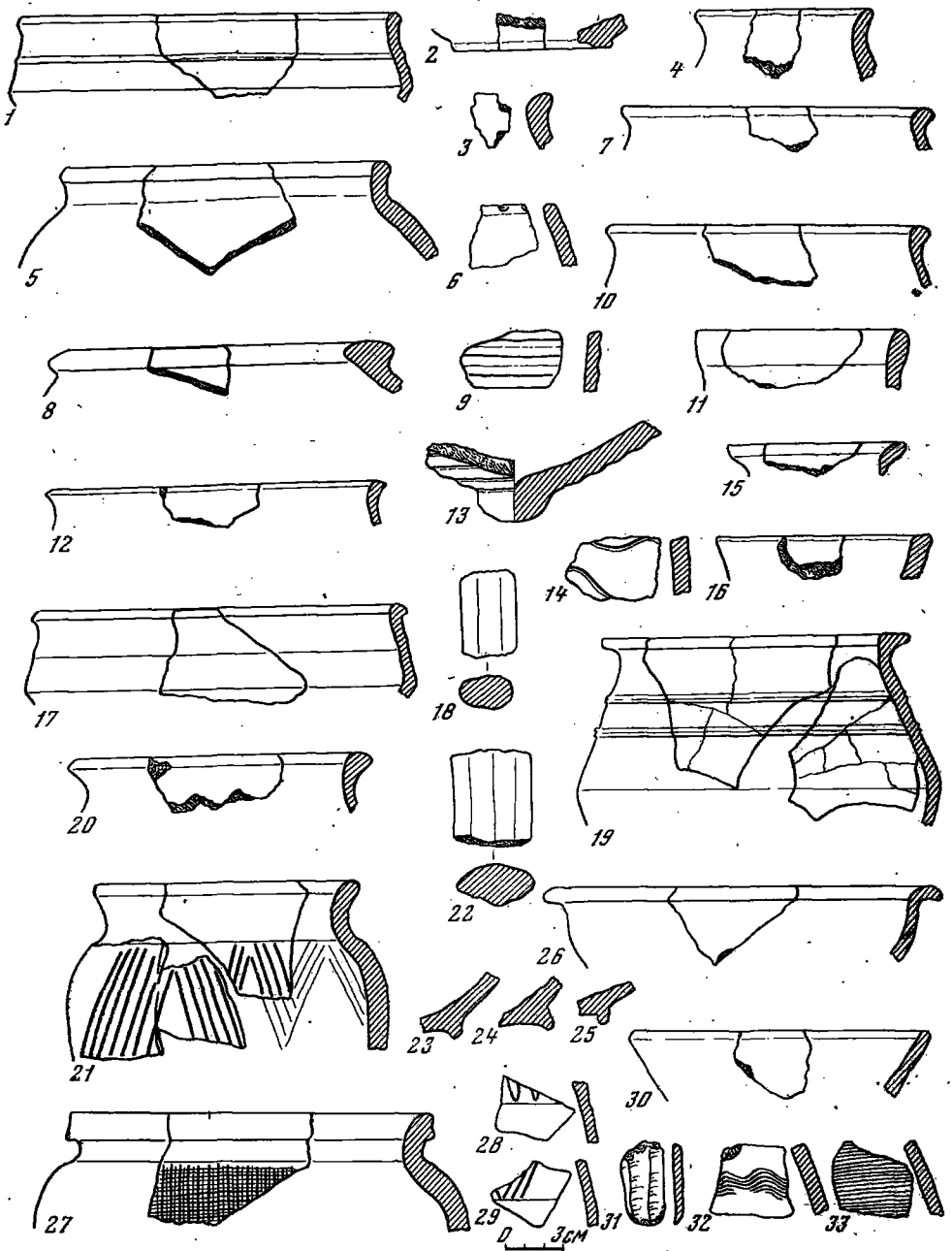

Рис. 2. Керамика и кремневый скребок с поселения (1, 5-8, 10-17, 19-21, 26-33) и из могильника (2-4, 9, 18, 22-25) в с. Приморском

1-3, 5, 7, 10-12, 17, 21, 24-26, 28, 29 — гончарная лощеная посуда; 4, 6, 30 — лепная керамика; 8, 14-16, 19, 27, 28, 27, 32, 33 — грубая гончарная посуда; 9, 13, 18, 22 — обломки позднеантичных амфор; 31 — кремневый скребок

Среди костей и в заполнении ямки встречены черепки сосудов культуры полей погребений черняховского типа. На некоторых из них — следы вторичного обжига в огне погребального костра. Наряду с достаточно выразительными фрагментами лепных горшков из глины с примесью песка и шамота найден обломок дна кругового сероглиняного сосуда из тонкой глины, покрытого лощением (рис. 2, 2-4).

Погребение 3 — труположение младенца на глубине 0,65 м. Поскольку позволяла судить плохая сохранность костей, скелет лежал на спине, по-видимому, в вытянутом положении, головой на север с незначительным отклонением к западу. Инвентаря не было.

Погребение 4 — трупосожжение на глубине 0,90 м. В ямке диаметром около 0,25 м обнаружена кучка кальцинированных костей. Инвентаря нет.

Поскольку территория могильника застроена, разрушена вспашкой и занята многолетними культурами, дальнейшие исследования малоперспективны. Однако сам факт установления места могильника позднеримского времени с материалами черняховского типа представляет существенный интерес. На запад от Одессы подобные памятники почти неизвестны.

При обследовании окружающей местности на левом берегу упомянутого ручья было обнаружено поселение, которому принадлежал могильник. От могильника поселение отстояло приблизительно на 400 м, располагаясь на склоне, обращенном в южную сторону. Протяженность поселения вдоль ручья не установлена. В направлении север — юг размер селища не превышал 50—60 м.

В низовьях ручья был найден кремневый скребок (рис. 2, 31), что свидетельствует о раннем освоении человеком данной местности. Основные собранные на поселении материалы принадлежат черняховскому времени (рис. 2, 15 и др.). Для датировки важна находка фрагмента днища римской амфоры с рифлеными стенками (рис. 2, 13). В материалах, собранных на поверхности, представлены также средневековые гончарные толсто-стенные горшки, орнаментированные перекрещивающимися, врезанными в виде сетки линиями, многорядными волнистыми и прямыми полосами (рис. 2, 27, 32, 33).

Стратиграфия поселения такова: до 0,10 м — растительный покров; 0,10—0,30 м — основная толща культурного слоя; 0,30—0,60 м — предматериковый суглинок серо-желтого цвета, почти лишенный находок. Ниже идет материковая желтоватая глина.

На склоне, занятом поселением, раскопаны две площади размерами 5 × 5 м каждая. Расстояние между ними 15 м.

Керамика, найденная на южной площади, представлена следующими группами: лепная посуда — 34 фрагмента (28%); грубая гончарная посуда — 38 (31%); лощеная гончарная посуда — 35 (29%); импортная античная посуда — 15 (12%). Соотношение групп керамики обычно для черняховских памятников лесостепной зоны: преобладает сероглиняная лощеная и нелощеная посуда; лепная керамика уступает ей по численности; небольшой процент составляет античная импортная амфорная тара. Среди выразительных обломков керамики из слоя — доньшко лепного сосуда из глины с песком и шамотом, обломок гончарного сосуда с шероховатой поверхностью, фрагмент лощеного гончарного сосуда с остатками ручки. Из второго пласта происходят большой фрагмент края гончарного сосуда из серой глины с шероховатой поверхностью (рис. 2, 19) и часть гончарного днища с грубыми примесями песка, с щербинами и отпечатками зерен на поверхности. Там же найдены обломки серой и черной посуды (рис. 2, 26, 28). Из нижних пластов происходят край лепного сосуда конической формы (рис. 2, 30), обломки грубой гончарной посуды с шероховатой поверхностью (рис. 2, 20) и гончарной серой и черной лощеной столовой посуды (рис. 2, 11). На той же площади на глубине 0,55 м был найден единственный железный предмет неясного назначения (рис. 1, 4). При зачистке дна раскопа выявлен след канавы (возможно, от бывшего когда-то здесь виноградника). В ее заполнении найдены керамика черняховского типа, обломки рифленых стенок амфор и точильный брусок. Найдено также 79 костей животных. В стаде, по определению В. П. Данильченко, преобладал крупный и медкий рогатый скот, но были также лошади и свиньи.

Характер напластований северной площади такой же, как южной. Керамика северной площади представлена следующими группами: лепная посуда — 22 фрагмента (28,5%); грубая гончарная посуда — 28 (36%); лощеная гончарная посуда — 16 (20,5%); импортная античная посуда — 12 (15%). Выразительные обломки керамики немногочисленны. В первом пласте найдены два фрагмента гончарной лощеной посуды темно-серого, почти черного цвета с лощеным орнаментом и часть сероглиняной миски (рис. 2, 29). В третьем пласте обращает на себя внимание край лепного сосуда из глины с песком и шамотом, с шероховатой поверхностью, украшенный сверху насечками (рис. 2, 6). Остеологический материал северной площади представлен 74 костями животных.

При зачистке на глубине 0,60 м выявлены остатки углубленного в землю жилища, прорезанного позднейшей канавой (рис. 3). Жилище представляло собой помещение не совсем правильной прямоугольной формы с выступом на месте входа. Ориентировано оно было по направлению северо-запад — юго-восток, вход — с юго-запада.

Постройка была выгнута в материк на 0,25—0,40 м. От современной дневной поверхности ее глубина составляла 0,85—1,00 м. Насколько позволяет судить сохранность постройки, ее размеры не превышали в длину 2,80 м, а в ширину — 1,70 м. Длина выступа на месте входа достигала почти 1,00 м. Стены полуземлянки отвесны, пол — ровный земляной, утрамбованный. Дно канавы, прорезавшей постройку по длинной оси, с северо-запада на юго-восток, находилось на 0,15—0,20 м ниже уровня пола. Канавой был уничтожен очаг, размещавшийся посредине жилища. В этом месте в канаве и у ее стен прослежено скопление угольков,

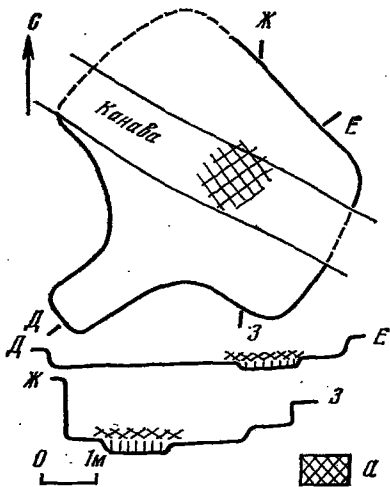

Рис. 3. План и разрезы постройки 1
а — остатки очага

зола и обожженной глины. Диаметр этого скопления около 0,50 м.

В заполнении жилища встречены фрагменты керамики следующих групп: лепная посуда — 15 фрагментов (30%); грубая гончарная посуда — 25 (50%); лощеная гончарная посуда — 8 (16%); импортная античная посуда — 2 (4%). Найдено 55 костей животных. На самом полу оказалось 13 мелких обломков лепной и гончарной керамики и 21 кость (мелкий рогатый скот, птица, мышь).

Таким образом, как и в культурном слое, в заполнении жилища местная грубая и лощеная гончарная посуда преобладает над лепной и тем более над импортированной из античных городов Северного Причерноморья, несмотря на близость такого античного центра, как Тира.

Среди находок в полуземлянке нужно отметить фрагмент стенки стеклянного сосуда желтоватого цвета, край толстостенного лепного сосуда из глины желтовато-серого цвета с примесью шамота (рис. 2, 16) и небольшую серию черепков из серой глины с шероховатой поверхностью. Стенка горшка серого цвета была украшена врезными волнистыми линиями (рис. 2, 14)..

Окончательное суждение об этнической принадлежности населения, оставившего могильник и селище в с. Приморском, пока представляется преждевременным. Однако полученные материалы не противоречат отнесению этих памятников к древностям черняховского типа. Констатировано сочетание в могильнике погребений с сожжением и с труположением с характерной для них северной ориентировкой. Полуземлянка на поселе-

нии, соотношения групп керамики и самый ее характер находят много аналогий в других черняховских памятниках, в частности расположенных восточнее (Викторовка II, Тилигуло-Березанка). На селище в с. Приморском пока не обнаружено никаких признаков наземных глинобитных или каменных строений, известных на многих черняховских памятниках, особенно в Причерноморье.

Находки свидетельствуют о существовании селища и могильника в с. Приморском в период расцвета черняховской культуры — III—IV вв. н. э. Несмотря на скромные результаты работ, памятник в с. Приморском любопытен как объект, дающий материал для ознакомления с периферией древней Тире в позднеантичное время.

- ¹ См.: Советское Поднестровье, 1966, 27 июля; *Криволап Г. И.* Похоронения римского часу в Тирі та її околиці. — В кн.: Археологічні дослідження на Україні в 1969 г. Київ, 1972, с. 187—190 (место находки ошибочно именуется Сергеевкой).
- ² В фондах Белгород-Днестровского музея эти находки хранятся под № 6980—6987. В указанной заметке Г. И. Криволапа упоминаются только металлические предметы и четыре сосуда из глины.
- ³ В 1972—1973 гг. мы опросили участвовавших в земляных работах на месте находки В. Г. Попова и П. Д. Еремчука. От них получены сведения об обнаружении еще костяной «расчески», скрепленной медными гвоздиками, и бус, якобы относившихся к другому погребению.

ХРОНИКА

Т. М. АРСЕНЬЕВА

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ГРЕЧЕСКОЙ
КОЛОНИЗАЦИИ И СТРУКТУРЕ РАННЕАНТИЧНЫХ
ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(Цхалтубо, 4—11 мая 1977 г.)

Для правильного понимания различных аспектов античной истории Причерноморья первостепенное значение имеют исследования, связанные с проблемами греческой колонизации и структуры раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Проблема греческой колонизации в целом — одна из основных проблем античной истории. Итогам достижений советских исследователей в этой области был посвящен симпозиум, проходивший в Цхалтубо с 4 по 11 мая 1977 г., организованный Институтом истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР и Институтом археологии АН СССР¹.

В симпозиуме приняло участие более 40 ученых из Москвы, Тбилиси, Киева, Еревана, Ленинграда, Батуми, Сухуми, Севастополя, Владимира и др. Открыл симпозиум председатель Оргкомитета, вице-президент АН Грузинской ССР А. С. Прангишвили. На заседаниях было заслушано и обсуждено 38 докладов, посвященных разным сторонам проблемы, показавших сложность и важность рассматриваемых вопросов и наметивших в ряде случаев пути решения многих из них.

Все прослушанные доклады можно разделить на 1) посвященные общим проблемам колонизации и структуры раннеантичных государств и 2) посвященные региональным особенностям колонизации Северного и Восточного Причерноморья и Средиземноморья. Деление это носит весьма условный характер, так как почти в каждом докладе затрагивались и частные, и общие вопросы рассматриваемой проблемы.

Обсуждались вопросы о причинах, целях и характере колонизации, о взаимодействиях греков и варваров, взаимоотношениях колоний и метрополий, проблема эмпориев, характер и время основанных греками поселений, вопросы терминологии и др.

В докладе В. Д. Блаватского, И. Т. Кругликовой и Г. А. Кошеленко «Полис и миграция греков», заслушанном на первом заседании, рассматривалась проблема греческих миграций I тысячелетия до н. э., времени после возникновения полиса — основной формы социально-экономической и политической организации древнегреческого общества. Одной из важных особенностей полиса, по словам К. Маркса², было постоянное выталкивание части гражданского коллектива за его пределы. Эта тенден-

ция, как отмечалось в докладе, была постоянно действующим фактором древнегреческой истории, находившим различные формы выражения в разные периоды. В VIII—VI вв. до н. э. это — «великая греческая колонизация». Среди факторов, усиливавших этот процесс, помимо нехватки земли, существенную роль играли поиски источников металла, корабельного леса и т. д. «Великая колонизация» сказалась на экономике Эллады, способствовала развитию ремесла, обмена, классического рабовладения.

Довольно большое место докладчики уделили развитию наемничества в Греции в эпоху кризиса полиса. Общая тенденция находила свое выражение в развитии наемничества, так как изменившиеся условия на периферии античного мира не давали возможности создавать новые греческие поселения. В эпоху раннего эллинизма, как подчеркивалось в докладе, массы греческого населения переселялись в Азию и Африку в качестве наемников. Масштаб этого переселения в науке недооценивается. Обсуждая доклад, участники симпозиума отмечали, что докладчикам удалось убедительно показать многогранный процесс колонизации (И. Б. Брагинский и др.). Не получил поддержки, однако, тезис докладчиков о том, что наемничество являлось одной из форм колонизации (Д. Б. Шелов, И. Б. Брагинский). Выступавшие в прениях отмечали, что явления, связанные с «великой греческой колонизацией» VIII—VI вв. до н. э., в значительной мере отличаются от колонизационных и миграционных процессов других эпох, в частности и от эллинистической колонизации греков в страны Востока (Д. Б. Шелов). Различную оценку получил тезис докладчиков о том, что одной из движущих сил греческой колонизации были поиски металлов. Против этого тезиса выступили Д. Б. Шелов и А. И. Болтунова, в его защиту — И. Б. Брагинский.

Отдельные доклады содержали материал, позволяющий выявить общие и локальные черты в колонизации Северного и Восточного Причерноморья и таких удаленных от них районов, как Восточная Испания (доклад В. И. Козловской «К вопросу о характере фокейской колонизации Испании»), а также сравнить греческую и иные колонизации (например, индийскую — доклад А. М. Хазанова). Основанию Александрии Египетской был посвящен доклад А. Ейне.

Общие вопросы колонизации затрагивались в докладах И. Б. Брагинского и А. Г. Щеглова «Некоторые проблемы греческой колонизации»²; Ю. Г. Виноградова «Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колоний на раннем этапе»; Я. В. Доманского «О характере греческой колонизации Северного Причерноморья»; В. П. Яйленко «Древнегреческая колонизационная практика».

Оживленную дискуссию вызвал упомянутый доклад И. Б. Брагинского и А. Н. Щеглова. Признавая важность поставленных в нем проблем и соглашаясь с основным тезисом докладчиков о многообразии характера греческой колонизации в зависимости от конкретных ситуаций (в частности, демографических и социально-экономических) в колонизируемых областях, участники симпозиума высказывали и критические замечания. Так, Д. Б. Шелов говорил об отсутствии в докладе анализа ситуаций в метрополиях, выводивших колонии. Вызвал спор и тезис докладчиков о так называемой внутренней колонизации на Боспоре. Д. Б. Шелов и А. И. Болтунова отмечали, что археологический материал свидетельствует о почти одновременном основании большинства боспорских городов в VI в. до н. э. Самими боспорцами был основан только Танаис (и, может быть, Горгиция, вопрос о которой еще не решен). Поэтому нет данных говорить о широкой внутренней колонизации на Боспоре. И. Т. Кругликова, наоборот, обращала внимание на важную роль вторичной, или внутренней, колонизации и на неравномерность деления колоний на торговые и аграрные, так как земледелие всегда было занятием большей части переселенцев и могло хорошо совмещаться с развитием в городах торговли и ремесла.

Наибольшую дискуссию вызвал вопрос о терминологии, поднятый в докладе И. Б. Брашинского и А. Н. Щеглова. Обсуждалось содержание основных понятий и терминов, употребляемых при описании явлений и процессов «великой греческой колонизации», таких как «колонизация», «колония», «греческая фактория», «доколонизационные связи» и т. д. Большинство выступавших (И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов, О. Д. Лордкипанидзе, Н. Ю. Ломоури и многие другие), поддерживая идею о необходимости выработки единой и общепринятой терминологии, указывали на сложность этой задачи. И. Т. Кругликова отмечала неприемлемость предложенного термина «система полис-хора» и необходимость сохранения определенных «полис», «апойкия», «эмпорий» и др. Ю. Г. Виноградов обратил внимание на то, что Геродот — автор, наиболее близкий к эпохе колонизации и оставивший наиболее полные и ценные источники, — один и тот же термин трактует различно: например, понятие τὸ ἐμπορίον он употребляет в трех разных значениях.

Участники симпозиума пришли к единодушному выводу о необходимости унифицировать терминологию, относящуюся к древней истории припонтийских областей, а также критически исследовать письменные и археологические источники и выработать единую методику их интерпретации.

Большие разногласия выявились при обсуждении важного вопроса о взаимоотношениях колоний и метрополии. Так, например, Д. Б. Шелов считает, что колонии не были экономически зависимы от метрополии; И. Б. Брашинский полагает, что они с самого начала стремились к независимости; Ю. Г. Виноградов утверждает, что близко расположенные к метрополиям колонии были целиком зависимы от них, а более удаленные — экономически заинтересованы в тесных связях.

Несмотря на разногласия в решении многих вопросов, большинство участников симпозиума были согласны в том, что процесс колонизации — явление многогранное, его необходимо рассматривать с разных сторон и выявлять все локальные особенности процесса в каждом отдельном случае.

Наибольшее количество докладов было посвящено проблеме колонизации Северного Причерноморья. Историография вопроса нашла отражение в докладе Г. А. Цветаевой «Проблема греческой колонизации Северного Причерноморья в работах русских дореволюционных и советских ученых». В докладе В. И. Пругло «Некоторые вопросы древнегреческой колонизации» основное внимание было обращено на роль «торгового капитала» в основании колоний.

Значительное место в докладах было уделено вопросу о времени основания поселений и городов и особенностях их развития (доклады Л. В. Копейкиной «Особенности развития Березанского поселения в архаический период»; С. Д. Крыжицкого «О развитии городской территории Ольвии в I тысячелетии до н. э.»; Н. А. Лейпунской «Торговля Ольвии периода становления полиса»; А. А. Зедгенидзе «Херсонес V—IV вв. до н. э.»; Г. М. Николаенко «Особенности экономического развития Херсонеса в начальный период по метрологическим данным»; Э. Я. Николаевой «О времени основании Кеп»). Выступавшие в прениях указывали на необходимость более точных и узких датировок, с учетом количественной стороны археологического материала. Особенно остро обсуждались вопросы, затрагивающие ранние периоды Березани и Ольвии, характер городской застройки, направленность их экономики, связи с метрополией и местными племенами.

Во многих докладах рассматривалась проблема взаимодействий греческого и варварского миров (доклады Ю. С. Крушкюл «Греческая колонизация древней Синдики»; В. Н. Карасева «Экономические связи синдов с греками (по материалам синдского некрополя) в VI—III вв. до н. э.»; К. К. Марченко «Взаимодействие эллинских и варварских элементов на

территории Нижнего Побужья»; А. А. Масленникова «О некоторых особенностях этнического состава и истории архаического Востора»; А. И. Мелюковой «Греки и варварский мир Днестро-Дунайского междуречья»; О. Я. Савели «Об отношениях греков и варваров в юго-западном и южном Крыму в VI—II вв. до н. э.»; В. М. Отрешко «К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху»; М. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградова, В. А. Горончаровского, Е. Я. Рогова «Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма»). Не получила поддержки точка зрения, высказанная в коллективном докладе Ю. А. Виноградова и соавторов, о связи возникновения греческих поселений с зимними перекочевками скифов из Приднепровья в Прикубанье (И. Т. Кругликова, А. М. Хазанов). Подчеркивалась перспективность применения современных демографических законов, изучения геоморфологии и экологии в целом (А. Н. Щеглов).

Подводя итоги обсуждения проблемы колонизации Северного Причерноморья, Д. Б. Шелов отметил важность исследования всех поставленных вопросов. Дискуссия выявила позиции отдельных исследователей, круг общепринятых положений, по ряду проблем наметилось сближение точек зрения. Почти для всех докладов и выступлений был характерен отход от прямолинейных положений, учет многоплановости явлений. Как показали выступления, так называемый эмпириальный период греческой колонизации сегодня не может пониматься так, как раньше. Все выступавшие признали важность изучения вопросов о взаимодействиях греков и варваров для исследования истории колонизации и последующего развития Северного Причерноморья.

Особенно острою дискуссия вызвало обсуждение проблемы греческой колонизации Восточного Причерноморья. Развернутый доклад, рассматривающий почти все стороны этой проблемы, был представлен О. Д. Лордкипанидзе⁴. Этой же проблемы касались доклады А. И. Болтуновой «Эллинские апойкии и местное население Колхиды»; Ю. Н. Воронова «Социальный строй племен Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации»; Г. Ф. Дундуа «Еще раз о происхождении колхидок»; Т. С. Каухчишвили «Письменные источники по вопросу „колонизации“ Восточного Причерноморья»; Д. Д. Качаравы «Некоторые вопросы истории Гизноса (в связи с проблемой греческой колонизации Колхиды)»; Г. Т. Квирквелия «Местное население в районе Сухумской бухты в период греческой колонизации»; Г. А. Лордкипанидзе «О характере колхо-греческих взаимоотношений в VI—IV вв. до н. э.»; Т. К. Микеладзе «Материалы к археологии хоры древнего Фасиса»; Д. А. Хахутайшвили «Некоторые вопросы древнеколхидской металлургии железа (в связи с проблемой греческой колонизации Колхиды)»; Г. К. Шамба «К вопросу о греческой колонизации побережья Абхазии».

Открывая прения, председатель заседания Н. Ю. Ломоури подчеркнул, что среди докладчиков наметилось два основных направления. Одни рассматривают греческие поселения восточного побережья Черного моря не как полисы, независимые города-государства с самостоятельным государственным строем, хорой, собственной экономикой и т. п., а как зависимые от Колхидского царства торговые пункты, функции которых ограничивались осуществлением торговых взаимоотношений греческого мира и местного населения (точка зрения О. Д. Лордкипанидзе, Т. К. Микеладзе, Д. А. Хахутайшвили). Другие считают греческие поселения Колхиды полисами в обычном понимании этого слова, т. е. городами, обладавшими своей хорой, собственной производящей экономикой и т. п. (точка зрения А. И. Болтуновой, Ю. Н. Воронова, Г. А. Лордкипанидзе). Почти все выступавшие подчеркивали фрагментарность материала и еще относительно слабую археологическую изученность Колхиды (И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов, И. Б. Брагинский, Ю. Г. Виноградов, В. П. Яценко и др.).

Участники симпозиума поддержали положения доклада О. Д. Лордкипанидзе о безусловно высоком уровне социально-экономического и культурного развития Колхиды к моменту греческой колонизации и о значительных отличиях ситуаций в Северном и Восточном Причерноморье. Однако многие выступавшие отмечали, что эти положения не позволяют полностью объяснить характер греческих поселений в Колхиде (И. Т. Кругликова, И. Б. Брашинский, В. П. Яйленко), до тех пор пока Фасис и другие греческие города Колхиды археологически не выявлены, говорить о статусе этих городов преждевременно (Д. Б. Шелов), можно лишь строить различные гипотезы, каждый раз подчеркивая их гипотетичность (О. Вансович, И. Т. Кругликова, Д. Б. Шелов и другие).

С другой стороны, большинство выступавших (Д. Б. Шелов, И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов и другие) соглашались с тем, что греческая колонизация Колхиды, вероятно, носила своеобразный характер, вызванный специфическими условиями этого района. Одни поддерживали точку зрения, что греческая колонизация Колхиды была торговой (И. Б. Брашинский, А. Н. Щеглов). Другие отрицали, что торговля была главной целью колонизации (И. Т. Кругликова).

Оживленную дискуссию вызвал вопрос о трактовке письменных источников, касающихся Восточного Причерноморья (доклады О. Д. Лордкипанидзе, Т. С. Каухчишвили). Выступавшие подчеркивали недопустимость избирательного подхода к письменным источникам и отмечали, что сведения о греческой колонизации Восточного Причерноморья в письменных источниках не менее многочисленны, чем по Северному и Западному Причерноморью (И. Б. Брашинский, Ю. Г. Виноградов, В. П. Яйленко и другие).

В тесной связи с вопросом о статусе греческих колоний в Восточном Причерноморье рассматривался в докладах вопрос о монетах-колхидках. Эти монеты послужили основанием для двух противоположных точек зрения: монеты выпускались 1) от имени колхидской царской власти (положение О. Д. Лордкипанидзе); 2) от имени греческого полиса (положение Г. Ф. Дундуа). Выступавшие по докладам (Д. Б. Шелов, А. М. Гилевич, В. В. Кропоткин, Г. А. Лордкипанидзе, А. Н. Щеглов) считали, что система номиналов, резкое преобладание мелких номиналов и встречающиеся на монетах буквы, признаваемые за инициалы монетных мастеров и магистратов, свидетельствуют в пользу городской чеканки колхидок. С другой стороны, отмечались и черты, отличающие колхидки от монет полисной чеканки. Вероятным местом чеканки колхидок мог быть Фасис (хотя городская чеканка монет еще не служит доказательством полисного статуса Фасиса).

Вопрос об интерпретации археологического материала стал главным образом при обсуждении доклада Ю. Н. Воронова. В выступлениях отмечалось, что нельзя показывать картину развития родового общества Абхазии раннего железного века на основании визуальных наблюдений над разрушенными вспашкой поселениями без их археологического изучения (Д. Б. Шелов, Н. Ю. Ломоури). Находки же греческой керамики в том или ином пункте свидетельствуют лишь о торговых связях, но не могут служить доказательством существования там греческого эмпория или населения (И. Б. Брашинский). Важное значение имеет точная статистическая оценка массового археологического материала (соотношение местной и импортной керамики), без чего выводы не могут быть признаны удовлетворительными.

Все выступавшие признавали, что дальнейшее накопление материала позволит уточнить многие спорные вопросы. Поэтому в решении симпозиума было записано: «Целесообразно продолжать поиски не найденных еще античных городов Восточного Причерноморья и расширить исследования на территории Диоскурии». Обсуждение докладов, посвященных проблеме колонизации Восточного Причерноморья, было очень плодот-

ворным. Удалось не только выявить и обобщить точки зрения отдельных исследователей этой проблемы, но и наметить возможность общего подхода к решению ряда вопросов. Вместе с тем по многим вопросам единства взглядов не было достигнуто, и для их решения требуется дальнейшая углубленная исследовательская работа.

Участники симпозиума ознакомились с материалами раскопок, проводимых Копхидской экспедицией, а также с раскопками Ванской и Нокалакевской археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР и Государственного музея Грузии им. академика С. Н. Джанашиа.

Было решено и в дальнейшем практиковать периодические симпозиумы, посвященные обсуждавшейся проблеме. Темой следующего симпозиума (1979 г.) намечена проблема социально-экономического развития Причерноморья в эпоху греческой колонизации.

¹ См.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тезисы докладов и сообщений. Тбилиси, 1977.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 567 сл.

³ Доклад был опубликован. См.: Материалы симпозиума..., с. 80—103.

⁴ Дарджианидзе О. Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Копхиды). Тбилиси, 1977.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМ — Абхазский государственный музей
 АИУ — Археологические исследования на Украине
 АМ — Анапский музей
 АО — Археологические открытия
 АП — Археологічні пам'ятки УССР
 ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
 ВДИ — Вестник древней истории
 ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
 ГЭ — Государственный Эрмитаж
 ДБК — Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК — Известия археологической комиссии
 ИАНО — Известия Абхазского научного общества
 ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
 Изв.ООН — Известия Отделения общественных наук Академии наук
 АН ТаджССР — Таджикской ССР,
 ИИЕТ — Институт истории естествознания и техники
 КБН — Корпус боспорских надписей
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук АН УССР
 УССР
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
 КСОГУ — Краткие сообщения Одесского государственного университета
 КЧНИИЯЛ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт языка и литературы
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
 МАИА — Материалы по археологии и искусству Абхазии. Тбилиси, 1974
 МАК — Материалы по археологии Кавказа
 МАПН — Материали з археології Північного Причорномор'я. Одеса
 МАР — Материалы по археологии России
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НИС — Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968
 НО — Надписи Ольвии. Л., 1968
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика
 ОАК — Отчеты археологической комиссии
 ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
 ОИПК — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
 ПИСП — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников

- СЭ — Советская этнография
ТЭС — Труды по знаковым системам. Тарту
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М.
1976
ХМ — Херсонесский музей
ХС — Херсонесский сборник. Севастополь — Симферополь
АА — Archäologischer Anzeiger
АН — Archaeologia Hungarica
АЖА — American Journal of Archaeology
АМИ — Archäologische Mitteilungen aus Iran
ВСН — Bulletin de correspondance Hellénique
СВА — Corpus Vasorum Antiquorum
IOSPE — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JRGZM — Jahrbuch der Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz
RGK — Römisch-Germanische Kommission
ZfA — Zeitschrift für Archäologie

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

✓ Д. В. Шелов. Железоделательное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время	3
✓ С. Д. Кряжицкий. Основные итоги работы Ольвийской экспедиции	9
✓ Е. Е. Кузьмина. Золотая пластина с птицами из Амударьинского клада	16
✓ В. Д. Блаватский. Необычная фигурка педагога	22
А. А. Зедгенидзе. О времени основания Херсонеса Таврического	26
Е. Н. Жеребцов. Новое о херсонесском склепе 1012	34
М. А. Тиханова. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами	37
✓ Ю. Н. Воронов. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э.	44

Публикации

В. П. Яйченко. Несколько ольвийских и березанских граффити (по материалам Одесского археологического музея)	53
✓ И. Ю. Шауб. Афинская чернофигурная керамика с изображением сфинксов (из раскопок ольвийских теменоса и агоры)	60
✓ М. И. Золотарев. Керамические клейма из раскопок северо-восточного района Херсонеса в 1974—1975 гг.	66
А. С. Голенцов, В. К. Голенко. Из керамической эпиграфики Неаполя	74
Ф. Л. Османов. Поселение и некрополь у села Нюды Ахсуинского района	84
М. М. Кубланов. Новые погребальные сооружения Илурата	90
А. В. Салов. Материалы для археологической карты Анапского района	98
✓ Т. А. Гладкова. Надгробие из Керчи (из новых поступлений в Керченский историко-археологический музей)	103
Э. А. Симонович. Памятник позднеантичного времени в районе древней Тирь	106

Хроника

Т. М. Арсеньева. Симпозиум по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья	112
Список сокращений	118

Античный мир и его периферия

КСИА, вып. 159

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Н. И. Сергиевская. Художественный редактор Н. Н. Власки.
Технический редактор Н. Н. Плохова. Корректор Л. В. Письмян

ИБ № 15236

Сдано в набор 22.11.78. Подписано к печати 21.03.79. Т-01251. Формат 70×108^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5.
Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 3850 экз. Тшп. вак. 1309. Цена 1 р. 20 к.
Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-435, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука» 121089, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10